
П. ПЕТРУХИН
ЧП НА МЫСЕ ЭС

ПОВЕСТЬ

Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «ВЕСЕЛКА»
Киев 1964

Р2
П31

Что произошло на мысе Эс? Почему замолчала радиостанция крохотного полярного поста наблюдения и связи?

Встревоженный капитан 1-го ранга Хатангин, командир соседней военно-морской базы, посылает на мыс Эс разведку, которая обнаруживает там вражеский десант...

О том, как были уничтожены фашистские пираты, какую неоценимую помощь оказал нашим морякам юный ненец Пэля, о героизме советских моряков в дни войны рассказывает эта повесть.

Рисунки
Е. МИРНОГО

1. ТРЕВОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Этот холмистый островок на географических картах не обозначали — такой он крохотный. Но его хорошо знали моряки-полярники. Островок лежал на Великом Северном морском пути, в ночи светил кораблям огнем своего маяка, а дальнобойными орудиями береговой батареи защищал наши суда от нападения фашистских рейдеров[1].

Пустынна и однообразна в этих местах Арктика осенью. Особенно в сентябре—октябре, когда ледоколы и пароходы торопливо

[1] Рейдер — боевой корабль или вспомогательный крейсер (вооруженное торговое судно), действующий в военное время на морских путях сообщения противника.

уходили на восток — к Берингову проливу и на запад — в Мурманск и Архангельск. Они спешили выскользнуть из зловещих лап «зеленого дьявола» — льда. А гарнизон полярного островка оставался на боевой вахте. Перед островком расстилалось сумрачное море с горизонтом, затянутым туманом, сверху нависало небо, похожее на серое одеяло, а вдали, на юге, темнела зубчатая громада континента: там — Большая земля. И чем ближе был ноябрь, тем чаще налетала гремящая мохнатая пурга.

На островке была военно-морская база Северного флота. Командовал базой капитан первого ранга Хатангин Андрей Петрович.

В этот день он пришел в штаб задолго до рассвета. Штаб размещался в бревенчатом доме, похожем на дзот. Одной стеной дом прилепился к обрывистой сопке, которая, казалось, оплыла от снега.

Дежурный офицер доложил, что на острове и вокруг него за ночь ничего особенного не произошло. Хатангин направился в свой кабинет. В конце полутемного коридора он открыл дверь и повернул выключатель. Яркий свет залил комнату — чуть больше вагонного купе, выхватил из темноты однотумбовый стол, ряд стульев у стены, стоячую вешалку и узкий кожаный диван.

Повесив на крюк шинель и черную каракулевую шапку, капитан первого ранга сорвал с усов намерзшие сосульки и бросил их в угол. Энергичным жестом руки пригладил на голове поредевшие русые волосы. Его круглое лицо с серыми, как две капли осеннего моря, глазами сильно обветрилось и казалось очень строгим. Андрей Петрович подошел к окну, зашторенному между двумя рамами черной бумагой: на острове соблюдалась светомаскировка.

Монотонно, не утихая ни на минуту, гудел ветер. Доносился грохот прибоя, сквозь который прорывались заунывные, плачущие звуки маячной сирены, установленной на берегу бухты, неподалеку от штаба. В непогоду сирена предупреждала военных моряков об опасности.

Все еще прислушиваясь к завыванию пурги, Хатангин подошел к столу, переставил на нем чернильный прибор. Потом не спеша опустился на стул, грустно произнес:

— С юбилеем тебя, Андрей Петрович! Ровно двадцать лет назад в Петрограде на Дворцовой площади ты принял Красную присягу...

Хатангин достал из-под настольного стекла две фотографии.

На первой карточке в струнку вытянулись

шеренги военных моряков с винтовками наперевес. Отчетливо виден только первый ряд — молодые ребята в бескозырках и черных шинелях. А дальше — сплошные светлые овалы лиц. За ними угадывался свод арки Генерального штаба.

В правом нижнем углу фотографии белеет кудрявая надпись: «Петроград, 1922 год».

В глубине матросского строя Андрей Петрович едва различил себя.

В Петроград он попал из Мурманска в марте 1922 года по путевке комсомола. В этой путевке-удостоверении было записано, что Хатангин Андрей Петрович командирован в «Балтийский флот в счет разверстки».

А вот другая фотография — моряки принимают Красную присягу на верность республике трудящихся...

На пороге кабинета внезапно вырос белобрысый матрос-рассыльный.

— Товарищ капитан первого ранга! На рейд гавани входит ледорез «Литке». Ему требуются уголь, пресная вода, продукты, боезапас для зенитных орудий. Он направляется на запад — в Баренцово море.

— Знаю!.. Обеспечить!

— Есть обеспечить!

Матрос мгновенно вылетел за дверь.

Хатангин усмехнулся:

— Уголь, вода, продукты... Интендантская должность!

А фотографии в этот день, как никогда раньше, так и притягивали его взгляд. «И чего это я так расчувствовался? — спросил сам себя Андрей Петрович. — Видимо, старею...»

Как волны в море, так и годы катились необратимой чередой. Хатангин стал знаменитым подводником. И вот... Андрей Петрович в душе никак не мог до сих пор примириться с тем, что его назначили командиром отдаленной даже в Арктике островной базы, хотя уже прошло больше года. До этого он командовал дивизионом подводных лодок. Не тех, конечно, «керосинок», на которых начинал службу, а новых, построенных незадолго до войны. Ведь это он привел их с Балтики на Северный флот. Ему удалось побывать у вражеских берегов. При его участии были потоплены танкер и два транспорта противника, проведена артиллерийская дуэль

между советской подводной лодкой и фашистским сторожевым кораблем, она окончилась тем, что гитлеровское военное судно взорвалось от метко посланного в него снаряда. Все было хорошо. И на тебе — сердце подвело! Врачи категорически запретили Хатангину плавать на подводных кораблях. К этому времени подоспело очередное воинское звание. Начальство выдвинуло его на высшую должность... Андрей Петрович грустно усмехнулся:

«База! До фронта на Западной Лице и Рыбачьем[1] — больше тысячи километров... Ни самолетов, ни кораблей противника. Тишина, как в глубоком тылу».

Ему вспомнилось, что этот островок перед войной был «прописан» на карте на семь миль восточнее своего действительного «местожительства». Береговая линия обозначалась пунктиром, как малоисследованная, нанесенная приблизительно, неточно. И только год назад экипаж гидрографического корабля «Пурга» «посадил» его на свое место на карте.

— Дела-аа! — протянул Андрей Петрович и крутнул головой.

---

[1] Западная Лица—река в Мурманской области, Рыбачий — полуостров, омывается заливами Баренцова моря — Мотовским и Варангер-фьордом

Никто из подчиненных в этот день не заметил переживаний капитана первого ранга. Однако Хатангин иронически посмеялся сам над собой: никогда еще в своей жизни он не произносил таких длинных монологов, как в этот день.

Вечером, когда Хатангин уже одетый выходил из кабинета, комариком пискнул зуммер полевого телефона. Выслушав, капитан первого ранга приказал:

— Срочно ко мне на стол!

Он снова быстро разделся. Через пять минут командир базы уже читал расшифрованную радиограмму из Москвы: «Пост на мысе Эс с 21 часа 30 минут девятого октября не работает, в положенные сроки на запросы не отвечает. Поручите летчикам осмотреть мыс...»

Хатангин еще раз прочел радиограмму, провел ладонью по голове: «Вот тебе и «тихий» юбилей!»

А может, никакой опасности и нет? Полярники, наверное, поверили наступившей тишине и почувствовали себя вольготно, как на курорте?

Капитан первого ранга вышел из-за стола, подошел к большой — во всю стену — морской, без расцветки, карте. По ней словно рассыпаны маковые зерна — цифры,

обозначающие глубины морей Северного Ледовитого океана.

Мыс Эс. Клинок суши, вонзившийся в Карское море. На этом мысе давно существовала советская полярная станция. Вот уже несколько лет ее возглавляет опытный моряк Гвоздарев Петр Ильич. А когда началась война, туда послали трех военных моряков: старшину второй статьи Куткина, матросов — сигнальщика Котова и радиста Итаева. Они составили команду поста наблюдения и связи. Этот маленький гарнизон из шести человек держал связь с Москвой, с управлением «Главсевморпуть». В особых случаях он связывался с островной базой.

«Нет, — размышлял Хатангин, — такие бывалые полярники, как начальник станции Гвоздарев и начальник поста Куткин, не подведут. Что-то там стряслось...»

Капитан первого ранга задумчиво поглядывал то на карту, то на окно, затянутое шершавым инеем. За окном гудела пурга. От злых порывов ветра дребезжали стекла. По-прежнему грохотал прибой, жаловалась в темноту сирена. Вдруг в эти шумы ворвался новый звук. Андрей Петрович настороженно прислушался, но быстро обмяк: это авиаторы опробовали мотор гидросамолета.

Андрей Петрович снял телефонную трубку:

— Домик летчиков...

Когда абонент отозвался, Хатангин проговорил:

— Капитан Черевко? Зайдите в штаб — ко мне!..

Через несколько минут капитан Черевко, — высокий, плечистый, в форме морского летчика: черная шапка с золотым «крабом», замшевая куртка на меху, черные брюки заправлены в унты из оленьих шкур, — боком вошел в кабинет командира базы, как бы опасаясь что-нибудь задеть или свалить.

— По вашему приказанию прибыл, товарищ капитан первого ранга! — гаркнул он громовым голосом.

— Говорите, пожалуйста, тише, — поморщился Хатангин. — Ну и наградил вас бог голоском...

— Голосок что надо — профессиональный: шум моторов заглушает, — сдержанно улыбнулся капитан.— Привычка!

Хатангин благодушно относился к пилоту, который тоже пришел на военную службу по комсомольской путевке. «На такого всегда можно положиться». Еще не было случая, чтобы капитан Черевко не выполнил

даже самого трудного задания в полетах над негостеприимной Арктикой.

Командир базы подал летчику бланк радиограммы. Капитан нахмурил черные смоляные брови, отчего в тонкую переносицу врезались две вертикальные морщинки, похожие на зажившие раны. Он долго читал короткий текст, как бы вдумывался в каждое слово, стараясь разгадать скрывающуюся за ним тайну. Возвращая бумажный листок, летчик недоумевающе смотрел на Андрея Петровича.

— Что вы думаете по этому поводу? — поинтересовался Хатангин.— Надо вылетать!

— Есть вылетать!

— Но погода? Найдете ли мыс Эс?

— Это же не Земля Санникова! Раз нужно — сделаю!..

— Добро! Задание на ледовую разведку я вам пока отменяю... При улучшении погоды полетите по маршруту: остров — мыс Эс — остров. Мыс Эс обследуйте с воздуха. Обратите особое внимание на подходы к нему с моря и с суши... Об обстановке доложите по радио...

— Но що ж там могло произойти? — не вытерпел Черевко, беспокойно поглядывая на карту Арктики.—И почему «Полярка» молчит?

— Ответ на этот вопрос я ожидаю от вас...

— Ясно, товарищ капитан первого ранга! Постараюсь!

— Вашему экипажу объявляю готовность номер один!

— Есть! Мои авиаторы уже на местах...

— Не буду вас задерживать. Идите и ждите!

Командир базы остался в штабе наедине с картой. А когда почувствовал усталость и резь в глазах, то прилег, не раздеваясь, на диван, готовый по первой же тревоге вскочить на ноги.

Ночь, ветреная и гремучая, тянулась долго. Под вой пурги Хатангин только к утру забылся тяжелым сном. Он не надеялся на улучшение погоды. Однако он ошибся. К утру буран обессилел. Андрея Петровича разбудил гул авиационных моторов. Он догадался, что это гидросамолет капитана Черевко поднялся в воздух. Хатангин вскочил с дивана и, подбежав к окну, отбросил черную бумажную штору. В сереющем рассвете он увидел, как пузатая летающая лодка проплыла над островом и исчезла в пухлых облаках, нависших над морем.

Хатангин умылся, потом позвонил старшему лейтенанту Русовой Марии Ивановне — работнику особого отдела базы и попросил ее немедленно зайти к нему.

2. ПЭЛЯ ЕДЕТ В КРАСНЫЙ ГОРОД

— Охэй! Хоп! — кричал мальчик на бегущих оленей, укрытых облаком снежной пыли. — Охэй! Хоп!

Студеный ветер с океана то трепал погонщика за смоляные волосы, то будто невидимым языком прилизывал их. И тогда довольный мальчик щурил раскосые глаза с черничными зрачками. Его широкие скулы порозовели, а кончик чуть приплюснутого носа шевелился, как бы принюхиваясь к пресным запахам тундры.

— Охэй! Хоп!.. Охэй! Хоп!..

Мальчик катился на нартах; малица на нем топорщилась, и маленький каюр казался в ней грузным и коренастым. В его руках длинный шест — хорей, которым управляют упряжкой. Олени, запрокинув головы и почти положив ветвистые рога на спины, дробно молотили снег копытами. Бег их был легок и стремителен, как полет птиц.

— И-э-э! — Мальчик все же торопил оленей. — И-э-э!..

Олени рванули нарты с новой силой, снежная пыль внезапно рассеялась. Упряжка теперь мчалась по узкой лощине, стиснутой обледенелыми сугробами. Под полозьями санок загудел твердый, давно слежалый наст,

копыта животных выбивали по нему дробь, будто ударяли по бубну. Ветер зловеще подвывал в низине, он плакал и ревел от ярости, что не может догнать эти летучие нарты с отважным мальчиком ненцем. Песней ответил ветру маленький каюр:

Утонет солнце в холодном море,
Улетят птицы к далеким лесам,
А Пэле нет дела до моря,
Он, как птица, торопится сам...

Пэля пел песню о себе, о своем пути. Весь этот пасмурный день он гнал упряжку от далекого стойбища, чтобы к вечеру успеть в школу-интернат: он ездил домой за зимней одеждой. И вот на тундру уже опускался лиловый вечер. Ветер разогнал тучи, и небо казалось простреляным пологом чума: что ни звезда, то отверстие. Не страшно ли ему, двенадцатилетнему ученику, одному в пустынной и загадочной тундре? Кто родился и вырос здесь, кто, едва став на ноги, уже тянулся к ружью, охотничьему ножу или рыболовной снасти, кто не боялся бурана, мороза, шторма — тот храбрый человек! Таким и был Пэля. И в своей простой песенке, что рождалась вместе с его дыханием, он пел о голубых просторах родной земли, продуваемой колючими северными ветрами, о серебристо-алых

сполохах полярного сияния, о Нгер Нумги — Полярной звезде, которая почти над головой расцветала синей розой, манила к себе взоры охотников и рыбаков, моряков и путешественников.

Пэля пел о родном стойбище, заснеженном, будто засыпанном нежнейшим пухом. Вспомнил он и теплый чум, похожий на коническую башенку. Посередине чума всегда горел костер, его рыжие языки лизали закопченное дно котелка. Мать со сморщенным лицом хлопотала рядом. Отец отдыхал на теплых шкурах, ему предстоял долгий путь туда, где все еще встает солнце. Он — пастух-оленевод, колхоз доверил ему перегнать многотысячное стадо животных на новое пастбище.

А Пэля торопился туда, где пряталось солнце, будто хотел догнать и остановить его: сверкай, светило, над великой тундрой, обогревай ее мужественных сыновей!

— Охэй!.. Хоп!..

Из-под оленьих копыт летели снежные ошметки. Нарты без устали пели свою скользящую песенку, как бы подзадоривая каюра. И всю долгую полярную ночь они будут тянуть эту веселую мелодию, но уже для всех ребят. Упряжка останется при школе, как подарок колхоза «Нгер Нумги».

Горделивое чувство распирало грудь маль-

чика: вот какой он смелый и... грамотный! Радость вплелась в его высокий, чуть охрипший голос:

Если встретятся сто шаманов,
У них лопнут животы,
Если покажу им свои книжки,
Они помрут со злости...

Пэля заметил пологий подъем и повернул оленей на холм, похожий на очень большой чум, из которого вверх, казалось, струился белый дым. Но то была снежная пыль, а не дым. Вершина холма курилась, как у проснувшегося вулкана.

Едва Пэля оказался на этой вершине и слез с нарт, чтобы осмотреться по сторонам, как злой порыв ветра толкнул его в грудь, свалил с ног. Широкая малица вздулась парусом. Минута — и мальчик покатился вниз. Твердый наст показался ему жестким и шероховатым, будто стеклянное наждачное полотно, в которое пурга завернула этот холм. Пэля сразу догадался, что эта высотка не что иное, как давно наметенный сугроб. Внизу, наверное, лежал валун, вот ветры и соткали ему из снежных нитей такой плотный и нарядный чум. «Надо остановиться! — быстро сообразил юный каюр. — Руки втыкать в снег, как палки».

Он сбросил с пальцев рукавицы, не боясь их потерять: они — часть малицы. Потом кулаками замолотил по крепкой корке снега. Корка с хрустом лопалась, и всякий раз Пэля погружал руки в сыпучую, словно сухой песок, массу. Это затормозило его падение. А когда руки провалились поглубже, Пэля повис на одном месте. Немедленно он пробил пимами еще две ямки-ступеньки.

Отдыхая, Пэля огляделся. Он боялся, что олени, испуганные его падением, умчались в ветреный простор. Но страх его оказался напрасным. Животные, правда, покинули вершину гигантского сугроба и теперь находились с подветренной стороны, где было тихо, а потому, казалось, и теплее. Крепкими копытами олени долбили снег, надеясь под ним отыскать себе корм.

Маленький каюр на четвереньках выбрался на сугроб и посмотрел в сторону, где по его расчетам должен был находиться Красный город. Уже сгущался вечер. Пэля посмотрел затем на синюю искорку Полярной звезды и покачал головой:

— Нгер Нумги давно горит в небе, а мой путь только начат...

И вдруг тысячи искрящихся звезд взлетели снизу вверх, осветив все вокруг: ровную и тонкую, как нитка, линию горизонта, сверка-

ющий снег, небо. Вспышка погасла через минуту, стало темнее прежнего. Взрыв? Не может быть! Город стоит у большой северной реки, далеко, очень далеко от фронта. Значит.... Пэля едва не вскочил на ноги от радости.

Значит, это был праздничный фейерверк. Такие фейерверки Пэля наблюдал не раз, как только радио из Москвы приносило добрую весть: наши войска где-то разгромили фашистов, освободили какой-то город.

Мальчик быстро скатился с сугроба к оленям, вскочил на нарты, крикнул:

— Охэй!.. Хоп!.. Иех, на фронт бы... к Ильку...

Ему показалось, что отдохнувшие олени бежали так резво, что не касались копытами снега, а нарты плыли по воздуху над белой тундрой. Ему хотелось в песне выразить свой восторг тем, кто сражался на фронте.

Пэля запел про советских богатырей, которые далеко, там, за тундрами, за дремучими лесами, за широкими полями, били злых духов — фашистов.

Вместе с русскими богатырями, своими друзьями-товарищами, бьет врагов и Пэлин старший брат Илько. Он — снайпер! Недавно самолет сбросил в стойбище кожаный мешок с почтой, а в нем была небольшая посылочка

от Илька. Да не простая. Из картонной коробки отец вытащил плетеный шнур толщиной с мизинец мальчика. А на этом шнуре Пэля насчитал сорок пять узелков. Что это? Пэля тогда запел и заплясал от радости. Когда брат уходил на фронт, он договорился с семьей, что будет таким образом сообщать о своих боевых успехах. Значит, Илько убил сорок пять фашистов!

Сейчас этим шнурком Пэля был несколько раз опоясан. Он покажет его в школе. Он не будет бахвалиться, а даст каждому, кто захочет, подержать в руках этот шнур, который моряки называют фалом. Эта прочная снасть служит для подъема флагов, парусов и даже грузов. А вот теперь сослужила службу письма. «Попасть бы мне на фронт — не промахнусь по фашисту! — мечтал Пэля. —Песцу в глаз пулей попадал? Попадал! Волка метким выстрелом в лоб убивал? Убивал! Полярную куропатку на лету сбивал? Сбивал!» И, случалось, иногда Пэля стрелял даже более метко, чем Илько.

Внезапно олени всхрапнули и понесли нарты с бешеной скоростью. Пэля едва не вылетел, он понял: животные испугались. Мальчик быстро обернулся назад и с ужасом увидел трех лобастых волков — длинными прыжками они настигали упряжку. Олени уже летели,

положив рога на спины, они почти не касались копытами снега. Было слышно, как звери голодно щелкали зубами. Маленький каюр все же не растерялся, он лихорадочно соображал, как спастись. Он укрепил хорей на нартах, правой рукой завернул полу малицы, нащупал у пояса кованый нож, с которым ненец никогда не расстается, выдернул его из чехла.

В серебристом свете полярного сияния лезвие ножа напоминало узкую и длинную сосульку. Пэля повернулся спиной к оленям, сжался в тугой комок. А звери все удлиняли и удлиняли прыжки, до них уже оставалось не более тридцати метров. Развязка приближалась, и мальчик с горечью подумал о том, что нож — слабая защита. Ну, убьет он одного волка, а два других зверя растерзают и его, и оленей.

Пэля знал, что полярные волки редко нападают на людей. Заметив упряжку, они обычно торопливо покидают свое лежбище. Но уж если они осмелились преследовать человека, значит, очень голодны.

Пэля также знал, что сперва волки бегут быстрее оленей. Но через несколько километров они выдыхаются, прыжки их становятся короче и тяжелее. И тогда им ни за что не догнать скорых и выносливых оленей, которые не знают усталости в длительной гонке.

Пэля очень на это рассчитывал.

— Эх! — воскликнул он. — Рузье бы!..

И в этот миг маленького каюра осенило. Он вспомнил давний совет отца. Он быстро размотал с себя знаменитый фронтовой фал и, удерживая в руке один его конец, другой сбросил с нарт. Шнур растянулся метров на пять-шесть, взвихривая снег. Волки испуганно отпрыгнули от него в сторону. Но не убежали прочь — видно, страшно хотелось им полакомиться свежим оленьим мясом. Звери осторожными скачками приблизились к концу фала, волочащемуся за нартами, боязливо пытались ударять по нему лапами, но он ускользал от них.

Это и спасло упряжку.

Через несколько минут разгоряченные бегом олени выскочили на холм. Волки сразу отстали и завыли от злобы. Упряжка вихрем ворвалась в город. Обрадованный мальчик громко закричал:

— И-э-э!.. Здравствуй, Красный город!.. Охэй! Хоп..! Здравствуй, Нарьян-Мар!

3. ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

«Что же все-таки произошло на мысе Эс?» — думал капитан Черевко, сильными руками сжимая черный ребристый полуобо-

док штурвала. Он привычно поглядывал то на ватные облака, то на пустынное, покрытое молочными пятнами дрейфующих глыб, море. В одном месте оно щерилось торосами льда, в другом — было изрезано шрамами трещин или темнело жгутами разводий. Давно знакомая картина, не раз виденная даже во сне.

Черевко рассчитывал к мысу Эс прилететь засветло. Днем можно увидеть и людей, и постройки «Полярки». Капитан допускал худшее: туман в районе станции. На этот случай он решил приводняться на море — в полынье или в разводье — и высаживаться на берег.

Все это, конечно, только предположения. Обстановка на месте подскажет ему необходимое решение. Время года для полетов над Арктикой было неудачное: приближалась полярная ночь. Но у капитана был девиз: «Раз нужно — значит, можно»!

Суровая Арктика с ее ледяным дыханием, с грохотом лопающихся льдин, с глухой и длинной ночью, гремящими буранами недоступна людям слабым и хлюпикам. Она поддавалась сильным, терпеливым, мужественным.

В полярную авиацию Черевко пришел до войны. Это было время романтических полетов советских авиаторов над таинственной Арктикой, потрясших весь мир. Николай Васильевич еще в юношеские годы бредил име-

нами северных пилотов Чухновского, Алексеева, Козлова, Головина, Леваневского. Молодой луганский слесарь поступил учиться в местный аэроклуб. А потом — школа военных летчиков, занимаясь в которой, курсант Черевко не переставал следить за маршрутами своих ведущих. Эти маршруты он знал до мельчайших подробностей. И поэтому сейчас пилот взволнованно сообщил своему экипажу:

— Этим маршрутом в тысяча девятьсот тридцать шестом году пролетел Молоков. Он держал курс на мыс Челюскина...

— Летим «проторенной дорожкой», — пошутил штурман. Они попали в сплошную облачность. За бортом самолета ничего не было видно. Казалось, что стекла кабины залеплены плотной матовой бумагой. Капитан вел самолет «вслепую», по показаниям приборов. Слабо освещенные черные шкалы пестрели черточками делений и стрелок. Быстрым взглядом Черевко выхватывал нужные из них. Вот стрелка компаса ушла чуть в сторону от заданной цифры курса, он плавным движением штурвала развернул самолет — и стрелка снова наколола на свое острие заданное деление на шкале.

Натужно гудя мотором, летающая лодка пробивалась на норд-ост.

Когда окончательно рассвело, Черевко

ужаснулся. Самолет теперь окружал такой туман, что казалось, будто машина не двигается, а неподвижно висит в воздухе — белесом и сыром. Но ни жестом, ни словом командир воздушного корабля не выдал своего волнения. Подчиненные должны быть уверены в успехе полета.

Капитан плавным движением штурвала направил самолет на снижение. Шкала высотомера отсчитывала метры: 450... 300... 250... Наконец стрелка коснулась цифры «100». Черевко отодвинул смотровое стекло кабины. Но ни воды, ни льда, ни земли он не увидел. Вокруг, куда ни посмотри, висел сырой и вязкий туман, холодным паром липнущий к лицу. Летчик поспешно водворил смотровое стекло на место.

Продолжать полет в таких сложных метеорологических условиях по заданному курсу было бессмысленно.

— Проложите курс на север! — приказал капитан штурману. — Возможно, мористее нет тумана... Попробуем подойти к мысу Эс с норд-веста.

Черевко левой ногой нажал на педаль руля поворота, а штурвал слегка потянул на себя.

Самолет развернулся влево. Определить на глаз этот разворот было невозможно: внешние ориентиры не просматривались. Его пилот

почувствовал по тому, как тело потянуло в сторону.

Летающая лодка набрала высоту. Около часа летела на высоте восемьсот метров. Как и предполагал капитан, мористее плотная завеса тумана поредела. Вдруг в ней появилось «окно». Черевко взглянул вниз.

Белые «барашки» волн отчетливыми ажурными мазками оживляли поверхность моря, очень похожую на расплавленный свинец.

— Ветер! — отметил Черевко. — Он гонит туман на материк... Волны уносят лед на восток...

Ветер, видимо, дул зигзагами, смещая потоки воздуха. Это летчик почувствовал сразу: болтанка усилилась. Самолет то парил подобно птице, то камнем падал вниз, и Черевко чувствовал себя то в состоянии невесомости, то в следующее мгновение на него наваливалась неимоверная тяжесть, она вдавливала тело в сиденье, наливала металлом руки. Но капитан быстрыми плавными движениями выравнивал машину, упрямо держа курс на север. Мотор злобно и жутко завывал от непомерно тяжелой нагрузки, но все же вытаскивал гидроплан из воздушных ям и ветроворотов.

Вдруг словно что-то оборвалось: гидросамолет беспомощной болванкой начал падать

вниз, туда, где катил свои холодные волны угрюмый и тусклый Ледовитый океан. В первое мгновение капитан инстинктивно потянул штурвал на себя. Он до крови закусил губы. Пальцы, впившиеся в ободок штурвала, побелели от напряжения. Летчик прицепился глазами к шкале высотомера.

Белая конусная стрелка своим острием неудержимо накалывала одно деление шкалы за другим. Запас высоты таял с катастрофической быстротой. На какой-то миг Черевко захотелось бросить штурвал и, схватив стрелку высотометра, отвести ее обратно, до предельного деления шкалы. От этой панической мысли мороз холодными лапками пробежал по спине, а сердце уже не стучало тревожно и бурно в виски, оно мелко, часто-часто дрожало, заставляя трепетать мускулы рук и ног. Капитан до боли в деснах стиснул зубы, прижал подбородок к груди. Надо во что бы то ни стало спасти самолет, экипаж и себя. Спасти и — выполнить боевое задание!..

Летающая лодка стремительно падала вниз, пикируя, к чему совершенно не была приспособлена. Черевко понял: экипаж попал в зону сильных вертикальных потоков воздуха. Он прибавил обороты. Мотор взревел, как тысяча диких зверей, его винт вгрызался в

пасмурное, затянутое туманной паутиной пространство. Машину трясло так резко, что казалось — она не летела, а ехала по страшно ухабистой грунтовой дороге. Гидросамолет к тому же вибрировал, казалось, каждой своей заклепкой. Но все же стал приподнимать нос. Сила мощной тяги взяла свое — летающая лодка рывком выскочила из невидимого вихря.

Это произошло в тридцати метрах от воды.

Взглянув на хорошо видимые теперь «барашки» волн, капитан почувствовал, что рубашка прилипла к его горячей спине, а ладони набухли от противного пота. Попеременно снимая руки со штурвала, чтобы вытереть этот пот о колени брюк, Черевко заметил, что у него дрожат пальцы.

«Впервые со мною такое случилось в прошлом году у пролива Маточкин Шар, — вспомнил он. — Там это понятно: земля и небо — перепад давления, резкое изменение направления воздушных потоков. Но здесь? Над открытым морем? Почему это произошло? Непонятно! Арктика все еще задает нам загадки!..»

Вскоре капитан направил летающую лодку на юго-восток. Мотор работал ровно, успокаивающе действуя на все еще натянутые

нервы. Черевко опять вел машину с набором высоты.

Но передохнуть капитану так и не удалось. Минут через двадцать он заметил, что тускнеют стекла кабины. Летчик открыл окошечко, пальцами соскреб слой рыхлого льда и положил щепотку его себе на язык. Да, это был действительно лед. Самолет начал обледеневать. Новая опасность!

Когда тонкая пленка льда окончательно затянула стекла кабины, будто их снаружи забелили жидким мелом, в моторе снова появилась тряска. Самолет задрожал, вибрируя, капитан отдал штурвал от себя. Теряя высоту, машина словно оживала. Тряска прекращалась, стекла кабины постепенно очищались от налипшей на них пленки льда — будто ее снаружи растапливали горячим воздухом.

Самолет шел на «птичьей» высоте. Сквозь рваные хлопья тумана Черевко увидел на море крупнобитый лед. Он появился внезапно, но так же неожиданно его закрыли хлынувшие навстречу летающей лодке вязкие и темные облака.

Самолет прошел над мысом Эс, но его экипаж не увидел даже верхушек антенных мачт. Все вокруг тонуло, как в грязном молоке. Знакомое частое в Арктике явление:

облака слились с туманом и образовали одну непроницаемую и тяжелую завесу из водяной пыли. Эта завеса до того была плотна, что капитан почувствовал, как вязнут в ней звуки мотора и доносятся до его слуха приглушенно, отдаленно. Черевко выдерживал самолет на такой высоте, чтобы невзначай не врезаться в горбатившиеся на мысу сопки, — их он видел, когда доставлял сюда запас медикаментов.

Летающая лодка сделала над станцией три больших круга. Тщетно! «Полярка» не откликалась ни на ракеты, ни на запросы по радио, ни на рев авиационного мотора. В эти минуты пилот люто ненавидел природу, которая устроила ему такую западню. Если бы возле мыса оказалась чистая вода и была мало-мальски сносная видимость, он посадил бы самолет на море и высадил бы людей на станцию. Теперь же оставался один выход...

— Прокладываю курс на базу! — услышал Черевко в шлемофоне голос штурмана.— Такая погода здесь надолго...

— Не спешите, — остановил его Черевко. — Выйдем мористее, сядем на воду, осмотримся... Не отступать же нам после первой неудачной попытки!

— Есть не спешить...

Черевко опять направил самолет мористее. И когда убедился, что внизу дрейфующий лед с прожилками широких трещин, снизился, повел лодку на высоте десяти метров от поверхности моря. Туман здесь поредел. Капитан зорко выискивал большую полынью. Наконец, под фюзеляжем показалась темная полоса чистой воды. Самолет ткнулся в нее, подняв каскады белопенных брызг.

Когда машина закончила тяжелый пробег по разводью, капитан выключил мотор. Стало непривычно тихо. Летающая лодка плавно и лениво закачалась на слегка зыбившейся поверхности воды.

Черевко надеялся, что северо-восточный ветер, который встретился его экипажу в пути, вскоре разгонит туман, и тогда можно будет осмотреть мыс.

Но и эти его расчеты не оправдались. Началась подвижка льда. Огромные ледяные плиты вздымались, становились торчком. Застыв на какое-то мгновение, они сползали обратно вниз, в воду. По разводью покатились волны, в кабину самолета донесся глухой, отдаленный грохот, который с каждой секундой нарастал, густел. Обломанные края льдин напоминали голубоватое стекло, которое завернули в ослепительно-белую марлю снега. Этим зрелищем можно было залюбоваться, но

капитан увидел, как к гидросамолету двинулся грозный вал торосов. Разводье на глазах начало сужаться. Скрепя сердце Черевко завел мотор и поднялся в воздух. Гидроплан пролетел еще раз над невидимым мысом Эс и направился к базе. Пилот получил радиограмму, запрещающую приводнение у мыса.

За время войны это был первый случай, когда капитан Николай Черевко возвращался с моря, не выполнив задания.

4. НА КРАЮ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Мыс Эс. Он был открыт и исследован двести лет назад русскими моряками, участниками Великой северной экспедиции. Доступный всем ветрам, он высился над морем, как грозный бастион.

В то пасмурное заполярное утро, когда арктическая ночь теснила день за горизонт даже в ранние часы, сигнальщик матрос Федор Котов заступил на наблюдательную вахту. Сигнальная вышка с крестовидной мачтой для подъема флагов была надстроена на углу жилого деревянного дома. Эта вышка, как и мыс, оказалась доступной всем ветрам и звукам. Особенно донимали полярников ветры, дующие из глубинных пространств Ледовито-

го океана: студеные, колючие, пресные по запаху.

Зябко приподняв узкие плечи, Котов прятал узкое румяное лицо в мягкий мех воротника нагольного полушубка. Жгучий мороз незаметно, с попутным ветром, подкрался к мысу Эс.

То, что матрос видел перед собой, давно примелькалось его глазам, было знакомо до последнего валуна на суше, до малейшего изгиба береговой линии. Открывая то одно, то другое окно, сигнальщик осматривал море и землю. Окна были узкими, похожими на амбразуры.

Внизу белела заснеженная крутая крыша жилого дома. За ней виднелись склады-амбары (в них хранились запасные части к движку, продовольствие и горючее), а на вершине столообразной сопки ютились ящики с метеорологическими приборами. От них к подножию горы змейкой спускался деревянный трап — так по-корабельному называли полярники лестницу. Этот трап оканчивался у домика бани, отсюда, с вышки, она казалась кубиком.

Вдоль скалистого берега — нити длинной антенны, растянутые между высокими штыками мачт. В угловой комнате жилого дома, под сигнальной вышкой, находилась радио-

рубка. К ней-то и тянулся один из проводов антенны — заиндевелый, похожий на пушистый шнур.

А дальше за территорией станции, за цепью плоских гор, — сплошная снежная целина, молчаливая и таинственная. Там — тундра, южнее она переходит в Северо-Сибирскую низменность.

С трех сторон гранитный мыс Эс омывает море. От подножия мыса до расплывчатой в дымке линии горизонта матрос Котов видел только белесый дрейфующий лед с темными прожилками трещин и черными пятнами воды.

Льдины двигались лениво, приподнимая свои щербатые края. Иногда получался затор, льдины дыбились, вгрызались одна в другую и рассыпались с треском, напоминающим звук винтовочного залпа. Уцелевшие глыбы всей своей тяжестью плюхались в воду и разводили увесистую волну, которая затем слизывала снег с поверхности льдин и превращала их из белесых в синие.

Вскоре прилетел свирепый ветер и загудел, заверещал на все лады.

— Ох, и службенка же мне досталась! — вздыхал Котов. — От тоски околеть можно... Зеленая скучища! Веселья наберется не больше, как на один балл...

Изредка Котов подходил к стереотрубе, разведенные трубы которой напоминали римскую цифру V. Ее «зрачки»-объективы были выставлены в окно, выходящее на север, на океан. Едва наклонясь к окулярам, полярник уже различал как бы запорошенное снегом море и лед, лед насильно пригнанный сюда северным ветром и течением.

— Даже в глазах рябит! — жаловался сигнальщик самому себе. — Одна морока!

Как все люди, привыкшие к одиночеству, он размышлял вслух:

— Где-то наши братки фрицев на дно ковыряют... Подвигам среди моряков тесно! Ордена на грудь, нос вверх, красуйся и гордись, североморец... Вот то служба, на пять баллов! А тут? Никакой полундры!.. Хоть бы хозяин Арктики приперся с визитом на наш «линкор».

Федор невольно улыбнулся, вспомнив о приходах белых медведей на полярную станцию.

Однажды гидрометеоролог Корней Семенович Арков, одетый в тулуп, поднялся на площадку, где были установлены приборы для наблюдения за погодой. Осматривая термометры, барографы, он не заметил, как со стороны океана к нему приближался добровольный «помощник». Громадный белый

медведь-шатун не спеша, вразвалку шел к человеку, принюхиваясь к недавно выпавшему снегу. Подойдя к гидрометеорологу на расстояние одного прыжка, хозяин Арктики с любопытством задрал морду, не понимая, что там, у кубических коробок, делает этот бородач в тулупе до пят. Наконец полярник захлопнул крышку ящика и повернулся было назад, чтобы слезть с подставки. От неожиданности он даже головой затряс, когда увидел черносливы медвежьих печальных глаз и поднятую вверх пуговицу носа.

Арков кубарем скатился с подставки и прыгнул к трапу. Он быстро-быстро перебирал ступеньки деревянной лестницы, скользкой и неудобной, запутался в широких полах тулупа. Кончилось тем, что полярник споткнулся, упал на снег и скатился на спине к подножию столообразной сопки.

Белый медведь сперва не спеша затрусил за ним. Потом, будто его кто-то подстегнул, зверь короткими прыжками спустился с сопки и вскоре оказался за спиной Аркова. Тому показалось, что своим потным затылком он ощущает горячее дыхание страшного мишки.

Корней Семенович был опытным полярником, на зимовках в Арктике прожил уже более десяти лет. Он быстро сбросил на снег

свои меховые рукавицы, рассчитывая, что, пока медведь будет их рвать, он успеет добежать до бани, срубленной из толстых бревен, и там закрыться. Но его замысел на этот раз не удался. Зверь мимоходом понюхал рукавицы и с новой силой рванулся вперед — за человеком. Гидрометеоролог с ужасом понял, что белый медведь сильно голоден и теперь его ничем не отвлечь, не остановить. От этой мысли бородача тряхнула нервная дрожь, но, к счастью, он не потерял самообладания.

Он сбросил с себя тулуп и швырнул его под ноги настигавшего зверя. Медведь остановился на минуту, лапами и зубами с треском разодрал крепкую овчину. Разбросав ее клочья по снегу, зверь снова, теперь уже широкими скачками, устремился за полярником.

Но эта минута спасла Аркову жизнь. Он успел добежать до бани и запереться в ней на все засовы. Через щель замочной скважины, затаив дыхание, гидрометеоролог видел, как зверь приблизился к двери домика, поцарапал ее лапой, а потом, недовольно урча, отошел в сторону, выкопал из-под снега бочку, в которой когда-то зимовщики держали соленую рыбу, и стал яростно ее грызть. Изредка медведь поглядывал на дверь бани, и тогда Корней Семенович видел, что

глаза у хозяина Арктики уже не печальные, а злобные.

Пока белый медведь расправлялся с деревянной бочкой, Арков позвонил в жилой дом начальнику станции Гвоздареву.

— Петр Ильич, выручай от незваного «гостя»! Осадил, негодный, баню, как вандалы Карфаген...

— Это тебя, Корней Семенович, спасла борода. Ты же с нею на человека не похож... А в общем, не дрейфь, сейчас выручим!..

Но выручка почему-то задерживалась. И Корней Семенович решил рискнуть. Он тихонько отворил дверь и опрометью бросился бежать к жилому дому станции. Медведь одним махом лапы отшвырнул от себя бочку и опять широкими прыжками помчался за человеком. На этот раз зверь запоздал на какую-то долю секунды: дверь дома полярник захлопнул перед самым его носом.

Такого нахального медведя на станции еще не встречали. Он не уходил к морю, а злобно скребся в дверь, сколоченную из деревянных пластин; видно было, что негостеприимность полярников ему не понравилась. Этот шатун оказался на редкость находчивым и назойливым зверем. Он, наверное, понял, что с дверью у него ничего не получится, и на задних лапах приплелся к край-

нему четырехрамному окну, у которого с карабинами в руках застыли военные моряки. Котову тогда очень хотелось выстрелить в покатую голову хозяина Арктики, но старшина второй статьи Виктор Куткин запретил это делать, чтобы не разбить стекло и не выстудить жилье. Решили, притаившись, ждать, что будет дальше.

Белый медведь долго еще неистовствовал, с урчанием рвал дверь, потом все же попытался пролезть в окно. И когда он, рассерженный и неловкий, царапал когтями по стеклу, полярники слышали скрежещущий звук, словно кто-то металлической ложкой скреб по донышку сухой тарелки. Потом зверь заметался вокруг дома.

Все это походило на злобную осаду, которую вел жестокий и беспощадный противник. И только в сумерках хозяин Арктики неторопливо, как и полагается хозяину, часто озираясь, двинулся вдоль берега. Для зимовщиков настал, наконец, долгожданный подходящий момент. Моряки выбежали из дома с карабинами наизготовку. Они подумали, что зверь покинул «Полярку», и устремились за ним, чтобы можно было стрелять с расстояния как можно близкого, потому что белого медведя следует уничтожать наверняка, ибо, смертельно раненный, он очень опасен.

Но не тут-то было! Зверь проворно и круто повернулся, стал на дыбы, широко разинул свою огромную пасть и пошел на моряков. Старшина Куткин опомнился первым, он выстрелил, почти не целясь, и попал медведю в горло. Хозяин Арктики прихлопнул рану лапой — она вмиг потемнела от обильной крови, и со страшным ревом прыгнул на преследователей. Но старшина, не дрогнув, вторым выстрелом уложил зверя наповал.

В тот вечер полярники и военные моряки кушали чудесное жаркое с сушеным луком и консервированными овощами. Пушистая шкура убитого зверя, очищенная и обработанная содой, после просушки по всеобщему согласию была дарована сигнальщику. Ее расстелили на полу наблюдательной вышки. По ней-то сейчас и вышагивал Котов.

Этим летом белые медведи почти ежедневно посещали пост. Их привлекал запах сала белухи и нерпы, заготовленного полярниками на зиму для собак. Часто звери приходили на пост, когда все спали, а сигнальщик следил только за морем. Они вытаскивали куски сала из ящиков спокойно, по-хозяйски, не обращая внимания на захлебывающихся от ярости лаек. Только изредка какой-нибудь медведь замахивался лапой на наиболее надоевшую ему собаку. За корот-

кий срок медведи растащили половину запасов пищи для лаек.

Тогда Петр Ильич Гвоздарев предложил соорудить «медвежий замок». К салу прикрепили проволоку. Другой ее конец протащили в жилой дом, подвесили на него пятикилограммовую гирю. Зверь, срывая мясо или сало, обрывал эту проволоку. Гиря гулко ударялась об пол, и полярники просыпались, как по боевой тревоге.

Летом белые медведи вели себя на редкость беспечно. То ли звери не боялись людей, то ли привыкли к ним, но расхаживали они порой по территории станции, как у себя дома, где-либо на пустынной льдине. Полярники не мстили им за воровство и нахальство, они убивали лишь одного-двух, когда нужно было свежее мясо. А пока медвежатина еще имелась, зимовщики обходились с хозяевами Арктики терпимо и даже фотографировали их в разных позах. Правда, иногда приходилось их гнать с поста камнями, палками и пустыми бутылками. Звери все равно далеко не отходили. Они ложились невдалеке отдыхать и вскоре снова шли в «гости» к полярникам. Отдельные медведи жили возле станции по нескольку дней.

Так, не обижая лишний раз друг друга, люди и звери жили рядом на краю Большой

земли. Но и подобные романтические истории не могли затмить у Федора Котова нестерпимого желания попасть на фронт. Вспомнив об этом, матрос тяжело вздохнул и зашагал по шкуре белого медведя. Он не сводил глаз с моря, где плавучими островками возвышались льдины.

Котову было скучно в одиночестве. Вахта помешала ему дослушать рассказ Петра Ильича Гвоздарева о своей морской биографии. Гвоздарев, высокий, стройный, в больших роговых очках, с короткой прической «ежиком», походил на студента. Его чуть запавшие глаза всегда жизнерадостно блестели, выдавая в нем натуру энергичную и мужественную. Он-то и придумал «полярные посиделки».

По заведенному обычаю зимовщики в часы отдыха рассказывали занятные и поучительные истории. Если же у кого в запасе не было таких историй, то «дежурный беседчик» излагал содержание какой-либо полюбившейся ему книги или кинофильма. А то и просто выдумывал складную сказку-«травлю» и выкладывал ее до тех пор, пока не сбивался, а товарищи ловили его на том, что он стал завираться.

Интереснее всех рассказывал начальник станции. Он помнил нэп, участвовал в строительстве Беломорско-Балтийского канала, был в числе двадцатипятитысячной армии коммунистов, посланных в деревню создавать колхозы. Работая, Гвоздарев много учился, получил диплом океанолога, участвовал затем в нескольких высокоширотных экспедициях. К сорока пяти годам он осел на полярной станции мыса Эс.

Сегодня радист Александр Ковский намекнул на то, что у Петра Ильича интереснейшая-де родословная, о ней даже есть упоминание в некоторых исторических документах. Гвоздарев было отмахнулся: чего, мол, про себя рассказывать! Но полярники не отставали.

— В документах Архангельского губернского архива, — начал Петр Ильич, как и все коренные северяне, он налегал на «о», — наша фамилия упоминается примерно лет сто назад. Это связано с трагедией, и лучше не было бы ни того, ни другого. В те времена, как вы знаете, поморы промышляли рыбу и морского зверя у берегов Новой Земли, около островов Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа. На своих кочах[1] русские люди

[1] Коч — небольшое морское парусное деревянное судно.

бывали и в других арктических местах, открывали новые, ранее неведомые земли.

Таким был и мой прадед. О нем, а вернее об одном эпизоде из его жизни, я и расскажу вам. Это произошло... Следите за названиями мест, которые я буду упоминать, по карте Баренцова моря...

...Произошло это в середине прошлого столетия. Из Архангельска на Шпицберген вышла шхуна «Григорий Богослов». На ней имелась команда в составе десяти человек. Вел шхуну кормщик, так в старину называли рулевого,— Иван Гвоздарев. На берегу ее ожидали с богатыми трофеями: оленьими шкурами и мясом, пушниной, салом морского зверя, бивнями моржей.

Шхуна возвратилась в родной порт через два с лишним месяца. Вместо десяти человек, ушедших в плавание, на ее борту находилось только трое — братья Исаковы и Дружинин. Они-то и принесли жуткую весть о том, что остальные участники охотничье-промысловой экспедиции погибли на Груманте, так тогда называли Шпицберген[1] по-рус-

---

[1] Шпицберген (русское название Грумант)— архипелаг в Северном Ледовитом океане, открыт поморами в XV веке. В 1596 году вторично открыт голландским мореплавателем В. Баренцом. Только в 1925 году этот архипелаг был объявлен частью Норвегии.

ски. И погибли якобы они от несчастного случая.

На самом же деле все произошло по-иному. Это выяснилось только через год. Один норвежский шкипер, выискивая добычу, случайно зашел в залив Беллзунд, который врезается в большой остров под названием Западный Шпицберген. Там иностранный моряк неожиданно для себя нашел русскую промысловую избу, а в ней обнаружил два трупа. Они были одеты в меховую одежду, ран или увечий на них нигде не оказалось. Создавалось впечатление, что эти охотники погибли от цынги — болезни, которая в те времена являлась страшным бичом полярных мореходов и промысловиков. Но рядом с трупами лежало ружье. На его прикладе были вырезаны какие-то буквы. Их смысл норвежский шкипер и его спутники разобрать не сумели, так как не знали русского языка. Тогда они решили доставить свою находку домой. Через некоторое время охотничье ружье было передано через шведское посольство в Архангельск.

В Архангельске, разумеется, сразу разобрали текст. На прикладе ружья было вырезано: «Простите нас, грешных, оставили злодеи, бог им заплати. Донести нашим семействам». А на обратной стороне: «Мы

двоима оплакали свою горькую участь, ушли в Рынбовку[1], это было в Кломбае[2] 1851 года. 8 августа поехали за оленями со шхуны и оставлен товар. Здесь хозяин с 2 человеками ходили по берегу 3 дня, затем приехали Гвоздарева стрелили 11 августа Колуп. Убежал Иван Тихонов. Убежал Андрей Каликин. Пострелил Ивана Гвоздарева Колуп собака».

Арестованные братья Исаковы и Дружинин на допросе рассказали следующее: когда шхуна прибыла в Беллзунд, все промысловики, кроме одного, высадились на остров, намереваясь начать охоту на оленей. Шесть человек вскоре вернулись обратно, а Гвоздарев, Каликин и Тихонов искали стадо животных. Воспользовавшись этим, братья Исаковы завладели шхуной, бросив троих на пустынном острове. Они хотели было уйти из тех мест, но побоялись, как бы Гвоздарев и его товарищи не выжили и не донесли на них. Тогда-то Исаковы и порешили прикончить троих охотников и повернули шхуну опять к Груманту. Они сошли на берег и нашли промысловиков в дикой лощине, сдавленной высокими каменными сопками...

Гвоздарев был убит. Каликину и Тихоно-

---

[1] Рынбовка, или Рунбой, залив на Шпицбергене.

[2] Кломбай — искаженное и ныне забытое голландское название Беллзунда.

ву удалось скрыться среди камней и впоследствии исчезнуть с этого кровавого берега. Это их трупы потом обнаружил норвежский шкипер.

От Шпицбергена преступники отправились в Норвегию. По пути Исаковы выбросили за борт еще троих своих спутников, которые показались им ненадежными. Прибыв в чужую страну, братья-бандиты продали вещи Гвоздарева и других промысловиков. На вырученные деньги они устроили дикую попойку. Во время пьянки был задушен еще один охотник...

— Так навсегда и остался мой прадед вечным жильцом на Груманте, — грустно сказал Петр Ильич. — Наша семья и последыши Исаковых жили в разных концах города: мы — на Кузнечихе, а они — на Смольном Буяне[1], враждуя с тех пор между собой...

Котову не удалось дослушать этот жуткий рассказ. Подошло время заступать на вахту. Он с явным сожалением тогда поднялся на ноги и направился к трапу.

...Уже в который раз матрос нехотя прикладывался глазами к холодным кружкам окуляров стереотрубы. Вдруг его внимание

---

[1] Кузнечиха и Смольный Буян — противоположные районы города Архангельска.

привлекло продолговатое пятно, темнеющее на далекой льдине.

— Нерпа! — уверенно определил Котов.

Это ластоногое млекопитающее семейства тюленей здесь не было редкостью. Тело нерпы бывало длиной до двух метров, ее темную с желтыми пятнами шерсть на глазок не раз видели отсюда, с поста. И Котов уже знал, что нерпа нырок плохой. Самое большое, сколько она могла пробыть под водой, — это семь—десять минут. А потом нерпа всплывает, выставляет над водой свою глуповатую мордочку, смешно шевелит усами и смотрит по сторонам любопытнейшими глазами, похожими на блестящие черные пуговицы. Взгляд их почему-то вечно печален и вызывает у человека чувство необъяснимой жалости.

Котов усмехнулся, вспомнив забавную историю. Он, Гвоздарев и Арков на моторной лодке этим летом ловили в море рыбу, недалеко от мыса. Неожиданно на воде показалась подвижная черная точка. Петр Ильич подвел шлюпку поближе, и зимовщики увидели, что то была покатолобая голова нерпы. Но долго любоваться собою она полярникам не позволила: изогнув спину горбом, животное бесшумно ушло под воду, да так ловко и осторожно, что на воде не возникло кругов, — море сомкнулось над местом по-

гружения зверя без единой морщинки, будто на его поверхности за секунду-другую до этого ничего не плавало.

Полярники решили попытать счастья и поймать эту нерпу на корм собакам. Вскоре ее голова показалась на воде, но уже в другом месте. Уставившись любопытными глазами на шлюпку, зверь спокойно ожидал приближения людей, затем опять скрылся в пучину.

Тут-то Гвоздарев и вспомнил, что нерпа большой любитель музыки. Петр Ильич попросил Котова затянуть какую-нибудь песню. Матрос с удовольствием запел про челны Стеньки Разина, все ниже и ниже склоняясь к воде: он учитывал, что вода — замечательный проводник звука. И матрос не ошибся. Через некоторое время нерпа вылезла из воды почти рядом со шлюпкой. Но стоило Федору протянуть к ней руки, как она нырнула, по-прежнему осторожно и бесследно.

Погоня, а вернее охота, продолжалась. Котов тем временем вспомнил весь свой репертуар и исполнил его к удовольствию неуловимой нерпы. А когда Федор сызнова начал с челнов, что выплывали на простор речной волны, животное появилось почти под руками. Оно было так очаровано песней, что забыло об осторожности. Полярники

схватили его за ласты и втащили в шлюпку. В тот день сигнальщик ходил по станции гоголем...

Через несколько минут Котов вынужден был отметить, что это была какая-то необыкновенная нерпа, та, которую он сейчас обнаружил вдали. Она лежала посередине льдины. Обычно нерпа лежит у кромки такой льдины, головой к воде, чтобы при первой же опасности нырнуть в море. Матрос почувствовал неладное и насторожился. Напрягая зрение, он всматривался...

И вдруг закричал:

— Человек на льдине!.. И... собака!..

Не прошло и минуты, как на сигнальной вышке сгрудилось все население «Полярки»: начальник станции, гражданский радист — лысеющий блондин с голубыми глазами Ковский, бородач Арков, начальник поста наблюдения и связи старшина второй статьи Куткин, щупленький и подвижной, и военный радист молчаливый матрос Итаев, который поспешил оседлать свой тонкий нос очками. Они поочередно прикладывались глазами к окулярам стереотрубы. От волнения «окая» больше обычного, Гвоздарев приказал:

— Лодку, лодку подавайте! Попытаемся достать человека!..

5. ЗАГАДОЧНЫЕ ТОЧКИ

— Так что же вы, товарищ старший лейтенант, думаете о загадке на мысе Эс? — спросил капитан первого ранга Хатангин. — Не кажется ли вам, что там ЧП?

Он стоял у карты Арктики и требовательно смотрел на Русову.

У Хатангина, как и у большинства людей в таком возрасте, уже слегка наметился живот, который топорщил полы кителя. И Андрей Петрович, скрывая смущение, незаметно для своего собеседника одергивал их. Глядя на свежее девичье лицо, он с неприязнью думал: «На такую серьезную работу прислали ко мне женщину! Ей бы детей в школе учить, а не воевать...»

Русова была по-девичьи тоненькая, стройная, с продолговатым лицом и носом горбинкой, тонкие губы плотно сжаты. Она еще сохранила юношескую манеру быстро вскидывать голову и смотреть на собеседника в упор с вниманием и почтительностью.

Капитан первого ранга подавил вздох, не ожидая от девушки вразумительного ответа. Но Мария Ивановна уверенно заговорила:

— Вы помните, я вам докладывала, что в трех последних метеорологических сводках

с мыса Эс в середине текста появилось по-одной лишней точке?

— Как же, помню! Но я не придал этому значения. Могла быть случайная ошибка...

— Мне непонятно, почему это произошло, — продолжала Русова. — Возможны, пожалуй, три причины. Первая: гражданский радист Александр Ковский небрежно выполняет свои служебные обязанности...

— Не то, товарищ старший лейтенант!— Хатангин предостерегающе поднял руку. — Ковский — лучший радист Севморпути в западном секторе Арктики. Коммунист.

Русова снова вскинула глаза на Андрея Петровича.

— Тогда возникает вторая версия: на «Полярке» мыса Эс неисправен передатчик. Они нас слышат, я имею в виду зимовщиков, а мы их — нет...

— Дальше! — Хатангин не сводил глаз с карты, красным карандашом делая на ней понятные только ему пометки, похожие то на «галочки», то на запятые, то на крестики или на знак параграфа.

— Третье: метеорологические сводки на Большую землю передавал не Ковский, а другой человек...

— Неубедительно! И эта ваша версия отпадает. На мысе Эс есть еще военный радист.

Он тоже бывалый полярник. Призван во время войны с Земли Санникова. Итаев задолго до тысяча девятьсот сорок первого года работал на станции острова Пионер, что в архипелаге Северная Земля... К чему все это я вам говорю? А к тому, что Итаев — мастер радиосвязи не хуже Ковского...

— Это очень хорошо! Тогда допустимо, помоему, крайнее и последнее предположение...

Русова вдруг замялась, покраснела и прилежнее прежнего стала присматриваться к карте.

— Так что же мы допустим? Договаривайте, Мария Ивановна!

— Допустим, что на мысе Эс высадился фашистский морской десант. Тогда мне не понятно, зачем ему понадобилось информировать нас о состоянии погоды в том районе?.. Может быть, затем, чтобы скрыть захват полярной станции?

— Вот теперь сказано логично!

Капитан первого ранга достал из бокового кармана кителя серебряный портсигар. Русова заметила на нем кудряво выгравированные слова: «Военмору Хатангину А. П. за отличную стрельбу». Закурив, командир базы разогнал рукой клубы дыма и спросил:

— А что вы можете сказать о «Пурге»?..

На днях к западу от мыса Эс при таинственных обстоятельствах замолчала радиостанция нашего гидрографического судна «Пурга»...

Оба вспомнили день, когда дежурный радист островной базы вызвал их в радиорубку. Когда они поспешно прибыли туда, то все уже было закончено. И Хатангину, и Русовой ничего иного больше не оставалось, как внимательно выслушать торопливый и взволнованный рассказ матроса-связиста о принятой радиограмме с моря. Она была дана открытым текстом: «Всем... всем... всем... Я — «Пурга»... Я — «Пур...»

Радиограмма была прервана в самом начале. Какое событие вызвало ее, никто из офицеров базы не мог догадаться. И сейчас, растянув паузу на добрую минуту, капитан первого ранга размышлял о причинах столь таинственного сообщения. Потом встрепенулся, взглянул на Русову.

— Извините, задумался!.. Так вот, сигнала о бедствии с «Пурги» мы не получили. Открытый же текст прерванной радиограммы наталкивает на серьезные размышления. Но никаких следов этого корабля наша авиаразведка не обнаружила. А ведь ее проводил капитан Черевко. Теперь нам приходится гадать: то ли это судно наскочило на мину,

то ли оно встретилось с вражеской подводной лодкой, то ли на нем неисправна радиостанция? «Пурга» — корабль старый. Но люди там — надежные...

Русова молча выслушала командира базы. Да и что она могла сказать? Ясно только одно: с «Пургой» случилось какое-то несчастье.

Гидрографический корабль Северного флота «Пурга» не предназначался для боевых действий. Это было небольшое одномачтовое судно с острым носом-форштевнем и округленной кормой. Само оно было окрашено в черный цвет, зато надстройки, мачта и даже дымовая труба сверкали белизной, будто покрытые светлым и блестящим глянцем. Его команда изучала новые морские пути, фарватеры, ведущие к портам и базам, составляла карты, на которых отмечались глубины, господствующие течения, магнитное склонение[1]. Кроме этого, экипаж производил еще съемку побережья, промеры рельефа дна, строил знаки ограждения, то есть заботился о безопасности мореплавания. Война прибавила ему забот и дел. Как добросовестный работяга, ходила «Пур-

---

[1] Магнитное склонение — один из составных элементов земного магнетизма; угол между истинным географическим и магнитным меридианами.

га» в это тревожное время от острова к острову, от маяка к маяку порой еще непроторенными путями арктических морей. Команда исправляла разрушенные свирепыми северными ветрами створы, устанавливала сорванные штормовой волной или срезанные льдом буи[1], вехи[2]. Судно всегда было желанным гостем у военных моряков отдаленных гарнизонов и на полярных станциях. Оно привозило письма и посылки, книги, газеты и журналы.

Сдав все это по назначению, «Пурга» снималась с якоря и шла дальше, мимо угрюмых берегов западной части Таймырского полуострова. Она держала курс к следующему огню, посту наблюдения и связи или полярной станции.

И вот этот корабль-труженик неожиданно исчез, едва подав в эфир свой радиоголос — позывные. Видно, катастрофа была настолько внезапной и скорой, что с судна не успели о ней доложить — как и что.

Андрей Петрович положил папиросу в пе-

---

[1] Буй — деревянный или железный плавучий знак, прикрепленный цепью к якорю на дне. Он указывает судам мели, границы фарватера и т. п.; окрашивается в разные цвета, снабжается фонарем для ночного освещения, иногда также — автоматическими звуковыми сигналами.

[2] Веха — сигнальный знак; устанавливается для обозначения границ фарватера, виден только днем.

пельницу, вырезанную из донной части гильзы малокалиберного снаряда. Взяв со стола тот же красный карандаш, который положил туда перед тем, как закурить, он пригласил Марию Ивановну подойти вплотную к карте.

— Мария Ивановна! Обратите внимание на этот район! — острым кончиком карандаша он обвел мыс Эс и омывающий его участок моря. — С северо-востока и с востока «Полярка» прикрывается архипелагами островов. С севера — тоже. Там теперь море забито тяжелым льдом. Видите?

Хатангин потянул карандашом витиеватую, как арабская вязь, линию, обозначая примерное расположение кромки льда.

— В районе мыса Эс — дрейфующий битый лед. Да и в предполагаемом месте возможной гибели «Пурги» — тоже. Вот в чем дело!

— И поэтому вы считаете, что в данном районе появление мин или подводных лодок противника совершенно невозможно? — спросила Русова. — А так ли это на самом деле? Может быть, я вас неправильно поняла?

— Обратите внимание на господствующее здесь течение, — спокойно сказал Хатангин. — Наши гидрографы еще до войны

изучили его. Они бросали бутылки в Карском море. У острова Диксон. Эти бутылки плыли по воле волн. Севернее мыса Желания, мимо архипелагов Земля Франца-Иосифа и Шпицберген их выносило к берегам Гренландии, в северную Атлантику. Затем закручивало бутылки так и эдак и выбрасывало на норвежский берег.

И еще один любопытный факт. Как вам известно, знаменитый пароход «Челюскин» при переходе Северным морским путем тринадцатого февраля тысяча девятьсот тридцать четвертого года был раздавлен льдами. Это произошло в Чукотском, подчеркиваю, в Чукотском море в точке шестьдесят семь градусов восемнадцать и семь десятых минуты северной широты и сто семьдесят два градуса пятьдесят одна минута западной долготы...

Карандаш, зажатый в руке Хатангина, скользнул по карте от мыса Эс далеко на восток. Его острие ткнулось в бумагу и после себя оставило заметную красную точку.

— С верхней палубы тонущего «Челюскина» всплыли двадцать четыре буя. Первый из них был найден в августе тридцать пятого года на материковом берегу Чукотского моря. Верно?

Русова кивнула головой, хотя этого и не

знала. Просто ей не хотелось прерывать в эту минуту командира базы.

— Недавно один матрос с нашей артиллерийской батареи нашел на берегу острова другой буй с «Челюскина». В деревянном корпусе оказалась почтовая открытка за номером... Вон куда его занесло!

Длинные фразы, видимо, утомили Хатангина. Он передохнул, потянулся было снова за портсигаром, но передумал. Вместо папиросы поднес к губам стакан с водой, отпил несколько глотков и поставил его на тумбочку, приютившуюся в углу — за столом.

— Следовательно, плавающие мины, брошенные в море западнее мыса Эс, ни к нему, ни к нам не попадут. С востока же такие мины могут придрейфовать к нашему острову, но для этого пути потребуется много лет. Да никто в том районе не будет засорять ими море, а фашистские корабли туда не пройдут. Вот если бы «рогатые шарики» поставили у Карских Ворот! Тогда другое дело... Мины, разумеется, можно сбросить и с подводных лодок. Лодка — минный заградитель! Такие у фашистов есть... Но лед! Лед не даст хода плавающим минам...

— По-вашему, товарищ капитан первого ранга, выходит, что плавающие мины исключены, где бы их ни сбросил противник,—

не то спросила, не то сказала утвердительно Русова. — Тогда, я почти уверена, подкинуть их к нашему побережью могут только фашистские подводные лодки. Самолеты-торпедоносцы сюда не дотянут... Логично? Ничего иного, по моему мнению, предполагать и нельзя...

Повторив любимое словечко Хатангина, Мария Ивановна смущенно посмотрела на него. Но капитан первого ранга, занятый своими мыслями, не обратил на это внимания.

— Я не уверяю вас в этом, товарищ старший лейтенант. Пока ясно одно. На мысе Эс загадочное чепэ! Это может быть связано с молчанием «Пурги». В военное время такое молчание чаще всего означает гибель!..

— Надо что-то делать! — воскликнула Мария Ивановна.

Капитан первого ранга отошел от карты, давая этим понять, что деловой разговор окончен. Когда же Русова взялась за скобу двери, командир базы остановил ее.

— Мария Ивановна! Будем ожидать возвращения капитана Черевко. А пока над загадочными точками поломайте голову... В сообщениях с мыса Эс ни разу еще не было ни одного лишнего знака. Радисты там — молодцы!

— Есть! — Русова приложила ладонь к

синему берету с золотой флотской эмблемой. На рукаве ее кителя блеснули две золотые, как и эмблема, нашивки и звездочки. Она четко повернулась через левое плечо и хотела покинуть кабинет, но Хатангин снова вернул ее и доверительно признался:

— И еще. Я запретил кораблям, находящимся в море, пользоваться постовыми кодами. Командиры о своем движении будут доносить только шифром...

К исходу полярных сумерек гидросамолет приводнился в бухте острова. А уже через несколько минут, недовольный собой, мерзкой погодой и всем на свете, капитан Николай Черевко доложил командиру базы коротко и ясно:

— В районе мыса Эс совершенно нет видимости. Обследовать с воздуха пост и полярную станцию не удалось... А ваша радиограмма...

— Да-да! Скрепя сердце я дал вам ее. Подозрительно и внезапно заболел Гвоздарев... Считаю это «липой». Вот и предостерег вас до выяснения обстановки.

Когда летчик оставил кабинет, Хатангин подумал: «Если уж Черевко сказал, что нельзя было выполнить задание, то значит, сделать это было совершенно невозможно».

— Это же мальчишка! — закричал старшина второй статьи Виктор Куткин, стаскивая со льдины человека в матросском бушлате и нахлобученной на самые уши черной шапке. — Не замерз ли?

Ему помогали Ковский, Гвоздарев и Арков. Они с заботливой осторожностью перенесли путешественника в свою шлюпку и положили его на банку-лавку. Руки мальчишки безжизненно свисли вниз. Озабоченный Петр Ильич прощупал у него пульс.

— Живой! — обрадовался он.

Собака в лодку вскочила сама. С желтыми подпалинами на груди и широкими черными мазками над бровями, она чем-то походила на тундрового волка.

Мальчик все еще был без сознания. Его скуластое лицо было грязным, будто закопченным, но и сквозь эту грязь пробивалась смертельная бледность.

— Паренек-то не русский, — определил радист Ковский. — Похож на ненца... Интересно, как он попал на льдину?

Радисту никто не ответил.

Старшина Куткин ворочал мальчика, дул ему в лицо, тер кисти его скользких от какого-то жира рук. И хотя у мальчика проби-

вался пульс и чувствовалось дыхание, глаз он не открывал. Тогда моряк осторожно кончиком финского ножа раздвинул его крепко сжатые челюсти и влил из фляги маленькому матросу в рот несколько капель спирта. Тот поперхнулся, закашлялся и... открыл глаза. На полярников глянули черничные зрачки.

— Нгер Нумги! — выдохнул мальчик и повел головой, шаря глазами по пасмурному небу.

Его понял только Александр Ковский. Он пояснил товарищам:

— Мальчик ищет Полярную звезду... Наверное, этот паренек по ней ориентировался, когда путешествовал на льдине...

— Ничего, малыш! — бодро проговорил старшина Куткин, укутывая путешественника в полушубок. — Дыши глубже!.. Успокойся! Ты — у друзей... На «Полярке»!

Мальчик сразу внял заботливому голосу старшины, успокоился, доверчиво посмотрел на зимовщиков.

На посту мальчика оттерли спиртом, переодели в сухую одежду. Он выглядел свежим и здоровым. Только на щеках слишком ярко горели красные пятна, выдавая внутренний жар. Маленький матрос долго помалкивал. Но, съев двойную порцию горячей греч-

невой каши с куском свежей медвежатины, он заметно повеселел и проговорил:

— Сац саво!

— Что он сказал? — моряки придвинулись к радисту Ковскому, знающему ненецкий язык.— Вопрос или восклицание?

— Очень хорошо! — перевел Александр.

— Никаких вопросов! — вмешался Гвоздарев. — Мальчонке надобно отдыхать...

Когда мальчик заснул на койке Ковского, радист обыскал его одежду. В кармане брюк он нашел длинный кованый нож, какой имеет каждый ненец-охотник. Таким ножом можно отбиваться от волка, свежевать тушу оленя, рубить хворост и резать хлеб. Там же, в кармане, оказался и крепкий плетеный шнур — фал с узелками. На внутренней стороне рукавиц и сапог «путешественника» Александр обнаружил толстый слой жира, похожий на сало нерпы или тюленя.

Радист долго ломал голову над тем, почему такими сальными оказались рукавицы

и сапоги, но разгадать это без помощи их хозяина так и не смог. Но он неожиданно понял, что благодаря этому жиру мальчик не отморозил ни рук, ни ног, а возможно, и не умер с голоду.

Несколько часов спустя отдохнувший и посвежевший гость выглядел уже бодрым и жизнерадостным. Он, молча улыбаясь, сидел за пыхтевшим на столе самоваром. Черными глазенками маленький моряк посматривал на полярников и радостно встречал каждый их взгляд. А хозяева наперебой пододвигали ему галеты и печенье, шоколад и сыр, масло и конфеты. Мальчик благодарно кивал головой.

— Саво! Саво! Сац саво!

Ковский мягко расспрашивал мальчика, как он оказался на льдине. Беседа началась на ненецком языке, который радист хорошо изучил еще в молодости, живя в Нарьян-Маре: в поисках романтики и приключений он попал в северный город из Одессы. Мешая русские слова с родными, заметно волнуясь, робинзон Арктики рассказал о себе.

Зовут его Пэля. Его фамилия — Ясовей. «Ясовей» означает «проводник». Так еще давно русские геологи величали его отца. Он водил их по Большеземельской тундре на поиски кладов. В конце Мошкариного

месяца, то есть в сентябре, Пэля попросился в плавание на корабль, который стоял у причала в Нарьян-Маре, ему хотелось быть на фронте и уничтожать злых духов — фашистов. Но его на тот корабль не взяли. Тогда он темной ночью по швартовому тросу влез на палубу и спрятался в форпике — носовом отсеке.

Волнение мешало Пэле рассказывать последовательно. Ковскому не ясно было, что побудило мальчика вместо школы идти на берег и забраться на судно таким отчаянным способом. Но радист не перебивал гостя, боясь неосторожным вмешательством сбить, смутить юного ненца.

Моряки обнаружили «зайца», когда корабль уже подходил к островам Новой Земли. Капитану делать было нечего: в таком пустынном районе моря мальчика нельзя было высадить на сушу или на встречное судно — встречных кораблей в ту пору не предвиделось. Нельзя было Пэлю навязывать и зимовщикам ближайшей полярной станции, где запасы продовольствия и одежды рассчитаны только на определенное число людей. Передавая паренька усатому боцману, капитан назвал Пэлю «юнгой». Тогда мальчик не понял значения этого слова, он просто еще не знал, что юнга — это подросток,

исполняющий на корабле обязанности матроса и обучающийся морскому делу. На том судне его-то и переодели в морскую форму. Так вчерашний каюр расстался с малицей и пимами, сменив их на черный бушлат с двумя рядами блестящих медных пуговиц, украшенных якорями, черную шапку и добротные сапоги.

— Юнга! — закивал головой старшина второй статьи Виктор Куткин. — Это же очень хорошо! Будь и у нас юнгой!

— Тарем! — подумав, серьезно ответил Пэля. — Согласен!

Дальше он рассказал такое, чему военные моряки и зимовщики не сразу поверили бы, если бы не сами сняли мальчика со льдины.

...Небольшое одномачтовое судно с черным корпусом и белыми надстройками на верхней палубе, на котором оказался Пэля, подходило к уединенному острову. Со стороны моря этот небольшой кусочек суши напоминал выпуклую спину гигантского кита. Таким он и остался в сознании ненецкого мальчика. Ни одна морская птица в ту пору не нарушала своим криком сонного покоя воздуха, пронизанного золотистыми лучами солнца.

В тот час Пэля с массивным морским биноклем в руках стоял на самом носу

судна и наблюдал за спокойной, будто отполированной, гладью моря. Он нес вахту впередсмотрящего. На этот пост всегда ставят самых зорких и находчивых моряков, которые при виде опасности, например, мины, перископа подводной лодки или разбухшего бревна, не растеряются, а сразу же о ней доложат командиру, если это происходит на военном корабле, капитану — на судне. На пути ожидались, как мальчику сказал боцман, плавающие и поставленные на глубине мины. Рядом, у ног мальчика, лежал Ропак, вожак ездовых собак, которых взяли на борт для доставки на одну из далеких полярных станций. Пес время от времени беспокойно озирался по сторонам, но не лаял, а как-то угрюмо ворчал. Мальчик понимал, что собака чувствует себя непривычно, и, гладя ее по голове ладонью, успокаивал ласковыми словами. В ответ благодарный Ропак нет-нет да и полизывал руки Пэли.

Мальчик часто прикладывал к глазам бинокль, но ничего, кроме воды и острова, не видел. Ему уже подумалось, что вахта его пройдет спокойно, что никакого врага, никакой опасности здесь нет и быть не может в этот час, когда заштилевшее море казалось чудесным и гладким катком: одевай на ноги коньки и катись хоть до самого Северного

полюса. Пэля уже предвкушал удовольствие от прогулки по неизвестному ему острову, когда он и боцман доставят туда, на «Полярку», почту на «тузике» — маленькой двухвесельной шлюпке. Конечно же, юнга рассчитывал грести веслами.

Внезапно рядом с судном всплыли две подводные лодки. У Пэли сразу мелькнула мысль: уж не их ли чувствовал ворчавший до этого Ропак? Рубки подводных кораблей были выкрашены в белый цвет со светло-зелеными полосами. Этот камуфляж[1] изображал собою глыбу льда с круто изломанными краями. На рубке ближней к судну лодки Пэля разглядел букву, похожую на русское «у», и цифру «16». На мостике появился человек с мегафоном у рта. Он по-русски отчетливо и повелительно крикнул:

— Сейчас выстрелим торпеду! Сообразите, что от вас требуется!

В военное время в командах торговых и других советских судов находились артиллерийские расчеты, то есть военные моряки, обслуживающие пушки. Пэля увидел, как лейтенант и матросы кинулись к носовому орудию, и сразу же догадался: перед ним фашистские корабли. Он оторопел, но быстро

[1] Камуфляж — одно из средств маскировки кораблей, танков, зданий.

опомнился и бросился к борту, поближе к орудию, надеясь, что может понадобиться его помощь и он еще постреляет по врагам не хуже, чем его братишка Илько. Через полминуты артиллеристы открыли огонь по подводным лодкам.

Стоя на палубе, Пэля заметил след, узкий, как лунная дорожка на море, он тянулся к суденышку. Тогда Пэля еще не знал, что то под поверхностью воды к нему мчалась стремительная торпеда, от которой очень трудно спастись. Мальчик повернулся лицом к мостику.

Но эту торпеду заметил и капитан, он услышал отчаянный крик юнги и увидел, что тот показывает на след, прямой и узкий, как степной ручей. Капитан знал свое дело. Он приказал рулевому развернуть судно так, чтобы оно носом легло к несущейся на глубине торпеде. Да, опытный моряк не ошибся в расчетах. Белопенная лента следа, усеянная воздушными пузырьками, прополоскалась мимо. Но и после этого советское судно не свернуло с курса. И мальчик скорее сердцем, чем умом, понял, что капитан решил таранить ближнюю лодку. Инстинктивно Пэля отшатнулся от борта, ему вдруг захотелось укрыться где-либо в рубке. Но, взглянув в злые лица моряков, стрелявших

из пушки, он устыдился этой мысли, вызванной страхом перед неизвестным, и остался стоять на месте, как припаянный к палубе.

Однако и фашисты не зевали. В ответ на дерзкое решение советского капитана они ударили по судну из четырех пушек — по две с каждой подводной лодки. Разрывом третьего крупнокалиберного снаряда сорвало с крепления и снесло за борт, в воду, носовое орудие вместе с его расчетом и молодым лейтенантом. А вскоре перестала ухать и пушка, установленная на корме — в задней части судна. Она была повреждена вражеским снарядом. Пэля со всех ног бросился туда и увидел страшную картину разрушения. Окровавленные, возле орудия ползали раненые и контуженые матросы. Один из них, цепляясь беспомощными руками за гладкую тумбу, пытался дотянуться до прицела. К нему-то и подскочил юнга. Подставив истекающему кровью артиллеристу спину, мальчик помог ему подняться на ноги.

Моряк судорожно ощупал выпуклый кронштейн, хотя ясно видел, что прицел с него сбило осколком снаряда. Развернуть пушку не удалось даже при помощи Пэли: она оказалась намертво заклиненной.

— Амба, Пэля! — прошевелил моряк окровавленными губами. Резко выпрямившись,

он повернулся в сторону стрелявшего врага с поднятыми кулаками и хрипло крикнул: —Советские матросы в плен не сдаются!..

Страшный в своей ненависти, моряк громко запел:

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Пэля не знал еще этой песни, в тундре он ее не слышал. Но, к его удивлению и радости, раненые и контуженые моряки как бы очнулись, зашевелились и, поддерживая друг друга, начали подниматься на ноги. Облитые кровью, закопченные пороховым дымом, они тянулись к наводчику, на зов песни, а кто не мог идти, тот полз на локтях и коленях. Они поддерживали хор, как умели, не давая замереть героическим словам. Казалось, что все эти искалеченные матросы считали: замрет песня — угаснут и они сами. В оборванной одежде, эти гордые и отважные люди стояли на уходящей из-под ног палубе. Пароходик горел, черный и зловещий дым застилал лица моряков, мешал им дышать и видеть врага, но они дружно пели песню о героическом русском корабле. Иссеченные осколками снаряда руки наводчика походили на красную губку.

На одной из них два пальца оказались оторванными, и вместо них Пэля увидел белеющие раздробленные косточки. Это видение вызвало в нем озноб, приступ сладковатой тошноты, в глазах завертелись оранжевые круги. Но такое болезненное состояние длилось полминуты, не больше. Призывные звуки песни вернули его к действительности:

Прощайте, товарищи, с богом, ура!
Кипящее море под нами.
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами...

Пэля внезапно почувствовал, что испуг его прошел, в нем вскипела такая же ярость, как и у его новых друзей. Он обхватил руку матроса-наводчика и стал подтягивать за ним. Как и его отважные побратимы, мальчик смотрел прямо в лицо смерти, которая вспыхивала багровым пламенем у дульных срезов фашистских пушек.

Моряки допели песню до конца. Судно, охваченное огнем и дымом, кренилось на левый борт.

Вдруг фашистские пираты прекратили обстрел. Но в ушах Пэли все еще звенело и гудело от недавнего грохота. Поэтому он не расслышал того, о чем закричал истерзанный наводчик. Тот, наверное, понял: мальчик оглох.

И моряк, показав слабеющей рукой на мачту, пополз к ней. Передвигался он медленно, оставлял за собой кровавый след. Вскоре матрос обессилел и беспомощно поник у массивного, усеянного заклепочными головками основания мачты. Пэля поспешил к нему на помощь. Но артиллерист уже очнулся. Он приподнял голову и тоскливо произнес:

— Флаг сбит, Пэля!.. Фашисты подумают, что мы сдаемся... Понимаешь? Да никогда!.. Ни в жизнь!.. Лучше гибель, чем плен!..

Пэля бросил взгляд на белый шток[1] стеньги[2], на котором перед началом боя был поднят боевой военно-морской флаг: белое полотнище с синей каймой внизу, а посередине — красная звезда и серп с молотом. Теперь там не было ни стеньги, ни флага. Их сорвало вражеским снарядом.

Флаг Пэля увидел у борта. Какая-то неведомая ему до того сила подтолкнула его, он окончательно забыл все свои страхи перед опасностью. Одна мысль, внушенная ему наводчиком, торопила юнгу: «Скорее поднять флаг! Пусть фашисты не думают, что мы спустили флаг и сдаемся! Не-ет!.. Скорее...»

В два прыжка мальчик оказался у флага,

---

[1] Шток — всякий шест специального назначения.

[2] Стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее.

схватил полотнище и побежал к матросу. Он не успел спросить у старшего товарища, что ему надо делать, как тот глазами показал на мачту,— руки моряка уже висели бесполезными жгутами.

Мачта! Никогда еще она не казалась Пэле такой высокой. На какой-то миг он оцепенел от мысли, что надо подняться туда, где еще за минуту до этого свистели осколки снарядов. Сердцем понимая, что взрослые очень многого ожидают от него, юнга, засунув флаг за борт бушлата, кинулся на скобтрап, скобы которого были приварены к трубчатому телу мачты. Он быстро перебирал ногами своеобразные ступеньки, не глядя на них, его интересовала сейчас только раздробленная вершина самой трубы. Вот и она, но здесь не оказалось фала, чтобы укрепить полотнище. В трудные минуты жизни Пэля всегда соображал очень быстро. Не растерялся он и на этот раз. Обхватив мачту ногами, как ствол дерева, и держась за нее одной рукой, юнга другой рукой вытащил из-за бушлата флаг и верхний его край схватил зубами.

Подул ветерок. Он широко развернул полотнище флага, оно гордо затрепетало над маленьким судном. Юнга уже ничего не боялся. Только одна тревожная мысль пульсировала в голове: «Удержаться, не сбили бы

фашисты...» Он сам себе поклялся держать флаг поднятым до тех пор, пока бьется его сердце.

А снизу, с палубы, доносились грозные слова:

Это есть наш последний
И решительный бой...

С фашистских подводных лодок увидели советский военно-морской флаг. Пираты спохватились, они поняли, что ни о какой сдаче матросы и не помышляли. И враги снова открыли шквалистый артиллерийский огонь. Снаряды рвались оглушительно, с рявканьем, звенящим и жутким. Взрывы поднимали высокие раскосмаченные всплески воды, сметая все живое с палубы. Осколки, свистя, жутко подвывая, проносились мимо Пэли, впивались в мачту. Вокруг воняло пороховым дымом. Один осколок вцепился в мех шапки мальчика. Он почувствовал запах паленой шерсти, но не стал смотреть, что с шапкой. Он думал об одном: удержаться на мачте. Он вытягивал натруженную руку и побаивался, как бы она не дрогнула от усталости, не опустилась. Он оглох окончательно, слюна во рту слиплась, хотелось чихнуть. Но юнга все терпел. Ему казалось, что на этот раз все четыре пушки с подводных лодок стреляют именно по нему.

Как взрывом очередного снаряда сбросило

его с мачты на надстройку, а оттуда на верхнюю палубу, Пэля не помнил. Очнулся он от резкой боли в боку и плече...

Голос Пэли задрожал от вновь пережитого ужаса. Плакать ему вовсе не хотелось, но слезы сами наполнили глаза, зависли на стрельчатых ресницах, а затем сорвались и потекли по щекам.

— Отстань от него! — в один голос закричали полярники на радиста Ковского. — Сам же видишь, что мальчонке не по себе!.. Лучше осмотри его плечо и бок...

— Обязательно! — сказал Александр.— Но позвольте юнге задать еще один вопрос?.. Скажи, как называлось то судно, на котором ты отправился в дальнее плавание?

Этот вопрос радист повторил по-ненецки. В ответ сквозь всхлипывания полярники разобрали:

— «Пурга»!..

7. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПЭЛИ

...Когда «Пурга» опять круто накренилась, Пэля по наклонной палубе покатился к фальшборту[1]. Невероятным усилием рук и ног ему

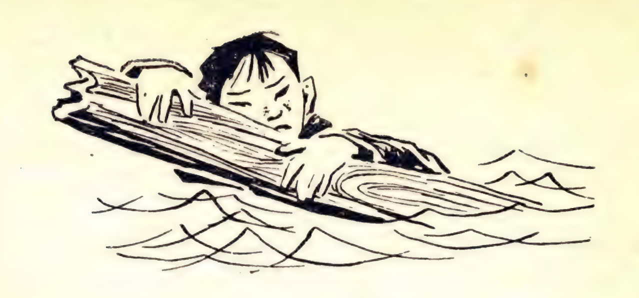
[1] Фальшборт — легкая обшивка борта судна выше верхней палубы.

удалось дотянуться и схватиться за кнехт — металлическую тумбу, которая обычно служит для крепления швартовых или буксирных тросов. На этот же раз она выручила мальчика. На палубе уже никого не было. Юнга скорее увидел, чем услышал, взрыв последнего снаряда. Кормовая надстройка на какой-то миг невероятно распухла. А в следующую долю секунды лопнула, как ореховая скорлупа, на две равные части. Вверх полетели куски досок внутренней обшивки.

Больше юнга ничего не видел. Он тоже полетел. Взрывная волна приподняла его и бросила за борт.

Очнулся Пэля в воде. В голове — сплошной гул. Выплевывая изо рта горько-соленые брызги, холодные, как лед, он заметил плавающие вокруг него бревна, доски, масляные пятна. Невдалеке от себя юнга увидел толстый деревянный брус, похожий на шпалу. Несколько взмахов руками — и Пэля крепко обнял спасительный кусок дерева. Только сейчас мальчик сообразил, что такие брусья находились на корме «Пурги». Они пред-

назначались для сооружения навигационных знаков на берегу.

Он осмотрелся вокруг. Там, где еще недавно пылала «Пурга», пенясь, кипела вода сомкнувшейся воронки, море жадно поглотило старое судно-работягу. Пэлю душила жгучая злость: вот он живой, почти здоровый, а помочь товарищам не может. Да и помогать, по существу, уже было некому: весь экипаж погиб, предпочтя смерть плену.

Закончив свое черное дело, фашисты, наверное, заметили одинокого человека, оставшегося на плаву. На «16» снова ухнуло носовое орудие. Снаряд упал в воду, и в тот же миг на месте его падения вскинулся гигантский фонтан. Юнга с ужасом догадался, что это стреляют по нему. Надо было во что бы то ни стало сбить врагов с толку, обмануть. И Пэля сразу нырнул в воду, держась, однако, руками за бревно снизу. Он сидел в воде до тех пор,

пока не зазвенело в висках, а легкие и гортань не перехватили спазмы удушья.

Пэля пробкой выскочил из воды, открытым ртом хватая воздух. Рубки фашистских подводных лодок, окаймленные пеной, уже погружались в пучину моря. Погода стояла тихая, только изредка вскидывался шквалистый ветерок. От его коротких, но резких порывов поверхность воды морщилась, как тонкая бумага.

На расстоянии ста метров от себя Пэля заметил льдину, похожую на миниатюрный айсберг. Но спустя несколько минут он зоркими глазами разглядел, что это не льдина, как показалось ему сначала, а белый борт вельбота — быстроходной весельной шлюпки с острым носом и кормой. По флюгарке[1] у форштевня — на круглом белом поле два спаренных квадрата — юнга определил, что эта лодка с «Пурги». Держась за бревно одной рукой, Пэля направлял его гребками другой в сторону обнаруженного вельбота, медленно приближаясь к цели.

На шлюпку мальчик влезал с трудом, в несколько приемов. Сначала, когда схватился было за борт, едва не опрокинул лодку.

---

[1] **Флюгарка** — изображение специальной формы и расцветки, указывающее на принадлежность шлюпки определенному кораблю. Она накрашивается по бортам в носу и на доске справа и слева от руля.

Тогда он подплыл к корме и уже с нее поднялся на борт, а потом скатился на дно вельбота. Здесь-то и встретил его радостным лаем Ропак. Пока обессиленный юнга отдыхал, пес успел облизать ему лицо и руки и согреть их своим теплым шершавым языком. А потом Ропак лег на живот и уставился на Пэлю умными сторожкими глазами, как бы спрашивая: «Что же дальше будем делать?»

На днище вельбота Пэля обнаружил три металлические банки из-под галет. Он открыл одну. В ней оказалась пресная вода. Во второй — зеленели пачки галет «Арктика». В третьей тоже была пресная вода. Во второй банке оказалось еще три коробка спичек. Кто-то из экипажа «Пурги» позаботился о спасении товарищей, но сам так и не попал на шлюпку.

Юнга долго отдыхал. Но разве можно нормально отдохнуть и собраться с силами в мокрой одежде? Мальчик сбросил с себя бушлат, брюки, тельняшку. Выкрутив одежду, он снова облачился в нее, не попадая от озноба зубом на зуб. Бушлат и шапку Пэля положил на банку-скамейку, чтобы они проветрились.

Надеяться было не на кого, надо самому о себе позаботиться. Ножом он обстругал вторую банку вельбота, затем сложил щепки куч-

кой на сырые рыбины — деревянные решетчатые щиты, которыми было устлано днище шлюпки. Вскоре вспыхнул веселый и яркий костер. Мальчик вертелся перед огнем, подставляя ему то грудь, то спину, то бока. А обсушившись сам, стал просушивать бушлат. От толстого сукна повалил пар. Оно прогрелось, и хотя высушить полностью его не удалось, все же с него, как и с шапки, перестала капать вода.

Потом юнга принялся за галеты. Грызя их крепкими зубами, прямо из банки запивал еду пресной водой. Подкрепившись таким образом и накормив Ропака, он стал размышлять, что делать дальше. Вокруг была только ровная, как осенняя тундра, вода, на ней угадывались редкие блинчики льдинок, едва выделявшиеся в наступающих сумерках.

Оторвав от рыбины несколько планок, юнга приспособил их вместо весел, которых в вельботе не оказалось. Он попеременно греб то с правого, то с левого борта. Шлюпка медленно двинулась на юго-восток, где, по расчетам Пэли, должен был находиться тот уединенный остров, который он видел с борта «Пурги». Теперь же он исчез за затянутым теменью горизонтом, и мальчик понял, что его вельбот невидимым течением уносит в

морской безграничный простор. Это прибавило ему сил и решимости, и юнга начал еще сильнее нажимать на «весла».

Так прошел час, второй, третий... Пэля выбивался из сил, но не сдавался. Темнота сгустилась, но мальчик еще различал на небе тучи, они клубились над его головой и походили на волны черного дыма. Море глухо ворочалось, будто собиралось спать. Но маленькому путешественнику было не до сна. Холод сковывал его движения, уже покалывали окоченевшие пальцы ног. Тогда Пэля лег на дно вельбота спиной и, болтая ногами, разогнал кровь по всему телу. Ему стало теплее, и он снова принялся грести.

Ночью тучи стали вытряхивать мелкий дождь, похожий на водяную пыль. Мальчик вокруг не видел ни огонька, ни единого проблеска света. Куда плыть? Обессиленный, Пэля обнял Ропака за шею и прижал его к себе. Согревшись теплом собаки, мальчик вскоре заснул, в душе решив положиться на волю волн и свое счастье. Да на его месте и взрослый человек не нашел бы выхода из такого трудного положения! Надеяться-то было не на что и не на кого. Вот если бы светила самая любимая ненцами звезда — Полярная, тогда бы Пэля сообразил, в какой стороне находится Большая земля.

Он не слышал, как дождь сменился мокрым снегом, стало еще холоднее. Сколько он спал, Пэля определить не мог. Проснувшись, он приподнял голову, осмотрелся. Ему показалось, что сквозь темень блеснула точечная вспышка света. Что это? — спохватился юнга, не зная еще, верить замеченному или нет, может, все это приснилось во сне? Он протер глаза. И опять увидел далекую точечную вспышку света, которую, казалось, кто-то то открывал, то прикрывал полой бушлата.

Пэля схватился за «весла». Ропак тоже увидел одинокий и таинственный огонек, и когда он погасал, пес, сидевший на носу вельбота, лаял в ту сторону и тем помогал мальчику держать правильное направление. Путь к свету был долгим и утомительным. Прошло много времени, прежде чем Пэля понял, что перед ним кусочек суши с небольшим маячком-мигалкой наверху.

Вельбот, подгоняемый ветром, волнами и течением, острым носом ткнулся, наконец, в прибрежную гальку одинокого острова. Но его сразу же отбросило в море. Прибойная накатная волна легко играла со шлюпкой, будто паводковый ручей со спичечной коробкой. Так повторилось несколько раз. Пэля с досадой понял, что с наветренной стороны ему к берегу ни за что не удастся пристать. Кое-

как он вырвал вельбот из цепких объятий гремящего прибоя и повел его вокруг острова вдоль береговой кромки. Юнге показалось что перед ним именно тот самый остров, который он видел с палубы гидрографического корабля и к которому стремился, считая, что на расположенной здесь «Полярке» люди помогут ему.

Обход острова прошел благополучно, хотя на это потребовалось около часа. На него Пэля высаживался с подветренной стороны, где накат был слабее, а ветер почти не чувствовался. Снег перестал сыпаться за ворот бушлата, и мальчик повеселел. Ему удалось вытащить вельбот на берег. Под ногами слышался шуршащий звук, и он определил, что это шевелилась мелкая галька.

Пэля понимал, что до рассвета ничего путного нельзя предпринять. А поэтому опять залез на вельбот, обнял Ропака и завалился с ним спать на рыбины. И кроме того, силы надо беречь — кто его знает, сколько их потребуется днем для розыска «Полярки».

Рассветало, когда проснувшийся Пэля, как заяц из норы, выскочил из шлюпки и бросился бежать к нагромождению скал. Он едва удерживал в руках банку с галетами. За ним скачками, радостно лая и повизгивая, мчался Ропак. Пес почувствовал под ногами

твердую почву и время от времени катался по снегу.

Поднявшись на пологую высотку, Пэля увидел подмаргивающий белым глазом маячок. Деревянная четырехугольная башенка сужалась кверху. Мальчик обрадовался было, но тут же спохватился: а где же люди? Людей нигде не было видно, как не заметно и признаков жилья. Юнга еще раз пристально огляделся.

Рассвет бледнел еле-еле, но и при скудном свете Пэля рассмотрел остров. Это был громадный осколок скалы с усеченной вершиной. На нем не росли привычные кривоствольные березки или кустарники. Были ль здесь хоть трава или какие-либо ягоды? — этого юнга определить не мог, так как все было запорошено снегом, белым-пребелым. А вокруг островка темнела равнина моря. И нигде ни единого признака жилья, нигде ничего живого: ни птицы, ни зверя.

Вчерашняя надежда сменилась унылым разочарованием. Нет, Пэля попал не на тот остров, который он видел с борта «Пурги». Это оказался совершенно пустынный островок. Люди сюда приходили только в начале лета, чтобы отремонтировать башенку маяка да подзарядить светильник.

Огорченный Пэля двинулся дальше. Впе-

реди бежал Ропак. Опустив голову, пес принюхивался к снегу и попадавшимся на пути обледенелым камням. Изредка собака, оглянувшись на Пэлю, радостно полаивала. Но юнга такой собачьей радости не испытывал. Он отлично понимал, что значило в пору поздней осени, перед наступлением долгой полярной зимы, оказаться на необитаемом острове. Ему стало страшно. И хотя его разум не помутился, как это бывает при панике, но уже сосредоточиться на определенном решении он заставлял себя усилием воли. Пустыня была там, в море, пустынно было и на неведомой суше!

Вдруг Ропак зарычал, на его загривке шерсть поднялась дыбом, он уперся передними лапами, как будто спускался с крутой горы. Пэля поспешил к нему и увидел, что пес обнюхивает какие-то следы, четко отпечатанные на свежем снегу. Одного взгляда мальчику ненцу было достаточно, чтобы определить: здесь проходил матерый белый медведь.

Пэля испугался. Находиться здесь, по соседству с таким зверем, очень опасно. Медведь рано или поздно все равно придет разделаться с ним. Надо скорее найти надежное убежище. За неимением другого убежища, юнга устроился на крыше маячной башенки.

Немного неудобно — мало места, а все же не так страшно.

Вскоре порывистый ветер угнал тучи на юг. Юнга тоскливыми глазами ощупывал каждую волну, каждую льдинку на море, надеясь обнаружить какое-либо судно. И дождался. Судно появилось далеко, на горизонте, дымя двумя трубами. Оно быстро прошло на запад, с него не заметили метавшегося на маяке одинокого маленького человечка. Зажечь дымный костер Пэля тогда не догадался. Мысли его были обрывистыми, путаными. Он только твердо, с упрямством отчаянного человека кричал:

— Паро-хо-од!.. Паро-хо-од!.. Паро-хо-од!..

Сидя на башенке маяка, Пэля все еще с надеждой смотрел на море. На одной из далеких льдин он заметил подвижную темную точку. Эту льдину несло к острову, и вскоре мальчик убедился, что на ней расположился морж. Зверь, вероятно, отдыхал, так как бивни опустил книзу. Но через минуту-две юнга поймал себя на мысли, что морж вовсе не отдыхает, он насторожен до предела. Только этим можно было объяснить то, что он головой лежал к воде и подобрал под себя задние ласты, как бы готовясь к прыжку.

Это и встревожило мальчика, и одновременно вызвало в нем прилив энергии, при-

сущий охотникам в ожидании схватки между зверями. Так оно и есть! — едва не закричал Пэля, когда пригляделся к льдинам и недалеко от моржа увидел белесое пятно. Белый медведь! Медведь едва был заметен — цвет его шкуры сливался с фоном льда. По плавающим островкам он продвигался осторожно, изредка ложился на брюхо и, перебирая толстыми лапами, полз вперед, словно побитая собака, ласкающаяся к хозяину. Полыньи и трещины, встречающиеся ему на пути, медведь перепрыгивал быстро, бесшумно и расчетливо.

В море шла обычная жизнь: кто кого! Один зверь подкрадывался к другому, стремясь застать противника врасплох. Вот уже белый медведь приблизился к моржу на расстояние длинного прыжка, и Пэля теперь не сомневался в его дальнейших намерениях. Видно, что лохматый зверь был очень голоден и зол, если решился напасть на такого опасного и сильного врага, каким считается морж. Обычно белые медведи предпочитают не связываться с клыкастыми животными. Вдруг хозяин Арктики на какое-то мгновение затих, наверное, стремясь усыпить бдительность чуткого и осторожного ластоногого. А юнга сжал кулаки: да, морж был обманут, он ткнулся клыками-бивнями в лед, поник

головой. Со стороны его поза напоминала стариковскую, когда дед прилег и задремал на солнцепеке. А мохнатый разбойник океана уже подобрал под себя задние ноги, превратив их в тугие пружины, на его толстой шее выпрямилась щетина, и весь он заметно дрожал, будто от многих невидимых уколов.

Морж пошевелил задними ластами, потом плавно поднял голову, вроде бы высматривал что-то вдали. В этот момент медведь резко оттолкнулся задними лапами от льдины, растянулся в длинном прыжке, перелетел через торос и острыми когтями цепких передних лап вонзился в жирную спину моржа. Пэле от души стало жаль беспечного животного, он закричал, но голос его растворился в океанской шири. А медведь уже обхватил моржа лапами за шею, успев зубами вцепиться в его широкие ноздри. И стал сильно рвать голову ластоногого на себя. Юнга догадался: медведь старается сломать моржу шейные позвонки, и тогда тот с беспомощной головой сделается покорной жертвой.

Но морж отчаянно сопротивлялся, он напрягся, упруго наклонил голову вниз, а спину выгнул, будто на ней вспухли все его мускулы. И в какую-то долю секунды ластоногое резко толкнуло хозяина Арктики горбом.

Но хитрый мишка не перелетел через его голову, не попал в разводье, где морж обязательно прикончил бы его бивнями.

Медведь изо всех сил рванул моржа за ноздри, тот дико взревел, и Пэле показалось, что он услышал хруст шейных позвонков ластоногого. Голова с бивнями беспомощно мотнулась. Теперь медведь рвал добычу зубами и когтями, оттаскивая ее от края на середину льдины, чтобы жертва, если она очнется, не сползла в воду.

Белый медведь не сразу стал уплетать мясо побежденного моржа. Сперва он положил лапу на голову ластоногого и содрал с нее шкуру, как бы скальпируя своего противника. Жертва вскрикнула последний раз, забилась на льду, но вскоре предсмертная агония волной прошла по ее телу, и она вяло ткнулась бивнями в лед. Схватка была окончена в пользу хозяина Арктики. Но Пэля знал, что этот хозяин многим рисковал: если бы он попал под бивни моржа, то ему бы не жить.

Эта схватка двух сильных морских зверей на какое-то время отвлекла Пэлю от мрачных мыслей. Но стоило ей закончиться, как снова перед мальчиком остро и беспощадно встал вопрос: как быть?

«Потушу маяк! — решил юнга. — Люди

забеспокоятся и придут сюда, к острову».

В ту ночь маячок уже не прорезал темноту светлым кинжалом луча. Вокруг струился зыбкий сумрак полярного сияния. Звезды почти померкли, их прикрыли разноцветные сполохи, дрожавшие на небе. Извилистой лентой они летели от полюса, то розовея, то голубея, затмевали иные краски и оттенки. Потом они погасли. Но у горизонта, там, где море и небо сливались в одну линию, уже крутилась гигантская спираль ажурного светового завихрения.

Краски над головой юнги менялись всю ночь. И всю эту ночь Ропак то жалобно скулил, то яростно лаял в темноту. Видно, он чувствовал приближение какого-то дикого зверя.

А на заре у башенки Пэля обнаружил на снегу глубокие провалы медвежьих лап. Полузамерзшему юнге сразу стало жарко и страшно.

Это событие ускорило решение Пэли. Захватив с собой банку с оставшимися галетами, он спустился к морю. Вельбота на месте не оказалось: отлив унес его в океан. Мальчик с горькой досадой упрекнул себя за то, что не сообразил вчера загрузить шлюпку камнями или вынести на сушу якорек. Если бы он догадался это сделать, то теперь ему не

пришлось бы стоять на пустынном берегу и тоскливо смотреть на холодное море, которое равнодушно плескалось у его ног.

Пэля и Ропак пошли обратно. Юнге не хотелось думать о том, что его и четвероногого спутника ожидает здесь. Если бы это была родная тундра! О, тогда бы он ничего не боялся и нашел бы выход из любого положения. Там же — жизнь! А тут — никаких ее признаков, голый кусок суши — и все!..

Расстроенный, не зная, что еще предпринять, Пэля едва переставлял ноги. Единственное средство спасения — вельбот — унесло в море. Ропак, наверное, почувствовал душевное состояние мальчика, он уже не бежал впереди, не катался по снегу, не тявкал, а жался к ногам юнги, жалобно повизгивая и поглядывая на него недоумевающими глазами. «Может, попаду на чум?» — встрепенулся полярный Робинзон, не теряя надежды, и быстро зашагал на юг.

Остров казался ровным, он возвышался только в том месте, где был установлен маячок. Пэля цеплялся ногами за скрытые под снегом бугорки, спотыкался, но мысль, что в конце концов он, может быть, набредет на южном берегу на человеческое жилище, прибавляла ему сил. Он даже повеселел, представив себе жаркий костер и чашку

горячего черного чая. Мечтая, мальчик плохо различал дорогу. Не заметив узкой выемки, он неожиданно влез в недавно замерзшее болотце. Ледок под ногами ломался с тонким стеклянным звоном. Темными кляксами проступила вода, и снег, промокнув ее словно белой бумагой, потом тоже потемнел, он стал пористым, похожим на резиновую светлую губку.

Пэля очнулся от забытья, в три прыжка преодолел болотце. Ропак скакнул за ним, юнга не обратил на него внимания. Но пес все чаще и чаще присаживался на снег и зубами обкусывал лед, намерзший на его лапы. Ледышки, застывшие между когтями, причиняли псу боль, и он заметно прихрамывал. Только тогда мальчик сообразил, что с собакой творится что-то неладное.

Юнга присел на корточки, пальцами и ногтями содрал ледышки с ног собаки. Ропак благодарно лизнул Пэлю языком в нос и потерся о его колено мордой — по-кошачьи. Мальчик не спешил подниматься на ноги. «Почему здесь нет камней — задумался он. — А в прибрежной части есть намытая галька?» И вдруг его осенило. Он вскочил на ноги и начал рьяно ими разгребать снег. Ему помогал и Ропак. Вскоре мальчик добрался до мерзлого грунта.

В дело пошел нож. Ропак работал когтями. Рыть, а вернее долбить грунт долго не пришлось. Тонкий слой торфянистой земли вдруг исчез. Теперь после каждого удара ножом Пэле в лицо летели холодные черные осколки. Собрав их в ладонь, юнга подул на них. Они постепенно расплавились в руке, оставив после себя грязную воду.

Пэля с ужасом понял, что попал на «исчезающий остров». Таких островов в арктических морях немало. Они состоят из ископаемого льда. Сверху они прикрыты тонким слоем тундровой почвы, занесенной сюда ветрами с континента. Иногда на этой почве летом произрастают северные ягоды и цветы — жесткие, хотя и яркие, они не имеют запаха. Эти медленно-медленно дрейфующие острова-айсберги постепенно уменьшаются в своих размерах, а впоследствии и совсем исчезают. На месте их затем появляются банки-мели.

Всех этих подробностей Пэля еще не знал, но его не на шутку испугало то, что этот остров — ледяной, а раз так, то и надеяться на него было нельзя. И мальчик быстро повернул к башенке маяка. Или он убьет появившегося на острове медведя и проживет с Ропаком до счастливого случая, или погибнет в схватке с сильным зверем, как честный

и мужественный охотник, у которого нет иного выбора. В животе уже урчало от голода, но юнга не решался трогать последнюю пачку галет, считая ее неприкосновенным запасом.

Пэля тоскливо и безнадежно смотрел на море.

Колючий северный ветер уже работал в обе руки: одной он швырял черные тучи, а другой подталкивал к острову льдины. И Пэля вдруг ясно понял: это — конец! Навигация в северных морях закончилась. Ни один пароход здесь не покажется до наступления лета. А выхода — нет!..

И как только Пэля понял это, волна отчаяния и растерянности ударила в мозг. Юнга то залезал на башенку маяка, то слезал с нее, обходил вокруг и снова забирался наверх. И будто заведенный твердил:

— Где пароход? Где пароход? Где пароход?

В эти минуты ему до слез хотелось, чтобы на видимости островка появилось судно. Пэля вытягивал шею до ломоты в позвонках, он старался пронзить взглядом расплывчатую и пустынную морскую даль. Вместе со льдами к острову приближалась дымка, а может, то наплывал туман. Это угнетало мальчика еще больше. Стоило упасть ветру, как туман заполонил бы этот «исчезающий» остров.

Пэля вдруг почувствовал неимоверную жажду жизни. Он готов был на все, только бы попасть на Большую землю! С досады стукнул кулаком по одному из бревен башенки. Ему стало больно, и юнга то дул на ушибленную руку, то всматривался в это потемневшее от ветров и влаги бревно. Пэля знал, что при гибельной обстановке человек всегда найдет выход. Нашел его и он, маленький охотник.

— Плот! — закричал он. — Вязать плот надо!..

Обрадованный этой мыслью, Пэля воспрянул духом. Он моментально забрался на крышу башенки, намереваясь сбросить оттуда на землю несколько добротных бревен. «А потом, — подумал он, — соединю их веревкой и по-плы-ву себе на Большую землю!» Но перекрытие маячного сооружения было надежно укреплено. Мальчику так и не удалось вырвать ни одного бревна. Тогда он вытащил нож. Из-под длинного блестящего лезвия полетели стружки и щепки. Лезвие гнулось, как жиденькая планка, и все оставалось по-прежнему.

Юнга выбился из сил. Отдыхая, он соображал, что еще предпринять для собственного спасения. Взгляд его опять прилепился к морю. Среди плоских льдин возвышались го-

лубоватые обломки айсбергов, так называемые «флоберги». Это совершенно пресные льды: вот из них можно было бы любой полизать. Юнгу будто ветром сдуло с башенки. Он бегом устремился к берегу, туда, где высадился. Место было пологим, и спуск тянулся до самой кромки воды. Ропак едва поспевал за своим новым хозяином.

Плавучие крупнобитые льдины величаво и медленно тянулись к югу, к Большой земле. Юнга осторожно, с опаской ступил на одну, затем — на другую и третью... Дальше идти было невозможно: там расширялась темная полоса воды.

Облюбованная Пэлей льдина была настолько крупной и увесистой, что ее край, на который он ступил ногой, не притопился в воду, а противоположная сторона не поднялась. Льдина оказалась неровной. Бугорки и наледи не пригладил даже снег. Присев на банку, юнга не сводил глаз с тонкой полоски, черневшей на горизонте. Неужели это материк?

Но вот льдина, на которой обосновались Пэля и Ропак, попала в водоворот или завихряющее течение. Она поплыла по широкому кругу, стала поворачивать обратно на север. Потом двинулась на восток. Через некоторое время юнга убедился, что он находится почти

на том же самом месте, откуда начал свое путешествие с острова. Его маленькое и долго терпевшее сердце не выдержало: он разревелся.

Ропак по-своему понял отчаяние мальчика и старался утешить его. Он на животе подполз к Пэле, лег ему на ноги, чтобы согревать теплом своей шерсти. Теперь он уже не скулил, а когда юнга всхлипывал и вслух тянул свою тоску, тогда Ропак задирал голову вверх и жутко подвывал. Его вой останавливал мальчика, и он затихал, собираясь с мыслями.

«Что делать? Как быть?»

Ему вспомнилось морщинистое лицо отца, вспомнилось, как года три назад поздней осенью отец охотился на припае. Так называется кромка льда, примерзшая, как бы припаянная к берегу; ее ширина может быть от одного метра до нескольких километров. Старший Ясовей тогда караулил морского зверя на узком припае. Да так зорко и увлеченно сторожил животное, что прозевал поворот и усиление ветра, который уже срывался с прибрежных сопок и яростно дул на север.

Охотник очнулся в тот момент, когда услышал треск льдины, похожий на звук отдираемой от старого забора доски. Но бы-

ло уже поздно. Между оторванной льдиной и берегом образовалась широкая полоса воды, и в ней кувыркались куски острых льдинок. Попади туда человек — перемелет, как мясорубкой! Но тогда отцу все же посчастливилось: с ним остались четыре лайки и нарты. А у Пэли — один Ропак.

Долго мотало отца на той льдине. Ее сильно раскачивало в бурливом штормовом море, как легкий и ненадежный плот. А ночи в ту пору становились все длиннее и холоднее...

Старшему Ясовею жизнь спасли собаки. И когда осталась одна лайка, ему, наконец, удалось подстрелить нерпу. Он самую толику поел звериного мяса, а весь жир порезал на куски. Потом доломал нарты и разжег костер. Шкура нерпы вспыхнула бордовым пламенем. Ясовей раздул его полой малицы в огромный костер, а потом стал бросать в огонь куски жира. Высоко в небо поднялась косматая туча черного, как нефть, дыма. Люди заметили ее и пришли на помощь терпевшему бедствие охотнику.

Нерпа!.. Подбить нерпу! — это стало назойливым желанием Пэли. Но как это сделать? У него же нет ружья. О, отец что-либо обязательно сумел бы придумать и сейчас.

И мальчик снова заплакал, растирая кулаками слезы по лицу.

А потом... Потом все произошло, как во сне. В сумерках Пэля, замерзавший от студеного северного ветра, боролся со сном. Он встряхивался каждый раз, когда чувствовал, что его начинает одолевать сонная одурь. Изредка он стонал. Ему тоскливо и жалобно подвывал пес. Видимо, на эти тягучие звуки из воды на лед и плюхнулась, как всегда, любопытная нерпа. Ропак молча потянул Пэлю за полу бушлата и разбудил задремавшего было хозяина. Но сам так и не стерпел, громко залаяв, бросился на зверя. Морское животное бесшумно исчезло под водой. Но не прошло и минуты, как оно снова показалось у самой льдины. Пэля ясно различал его тушу. Юнга, уже отчаявшийся спастись, метнулся к зверю и ударил его ножом в затылок. Лезвие легко вошло в податливую мякоть. Нерпа хлюпнула носом и утонула, а может и нырнула — сразу мальчик не мог этого определить. В одном он был уверен: если ему удалось убить нерпу, то это жирное животное не утонет, оно обязательно всплывет.

Так оно и вышло. И хотя возня со скользкой и гладкой тушей зверя была нелегкой,— Пэля едва не свалился в воду, — однако добыча вселила в него веру в спасение.

Придя в себя окончательно, он разрезал тушу нерпы. Одной полоски жира ему хва-

тило для того, чтобы намазать себе лицо, руки и ноги. После этого он устало присел на мягкую спину зверя с твердым намерением не спать. Но такой решимости ему хватило часа на два. Ни тело, ни нервы не выдержали напряжения, выпавшего на их долю в последние дни...

Так, во всем чистосердечно признавшись, закончил Пэля свой печальный рассказ о «Пурге» и о своем путешествии. Но Ковский не унимался, расспрашивая юнгу о новых подробностях. Тогда чрезмерно любопытного радиста решительно пресекли:

— Хватит!

8. ЗАНЯТИЕ В РАДИОРУБКЕ

Ковский растерялся. Он удивленно посмотрел на товарищей: сами попросили его поговорить с юнгой, а теперь вдруг запротестовали? Он ласково разворошил пальцами смоляные волосы Пэли и, раздвинув плечом сгрудившихся вокруг стола полярников, пригласил:

— Ну, дорогой пунух[1], айда в мой чум — радиорубку! Дадим мы с тобой контакт!..

Ковскому очень хотелось поговорить с мальчиком наедине на его родном языке.

[1] Пунух — тундровый воробей.

Он погладил Пэлю по щеке — жест душевной ласки у северян. И «пунух» сразу согласился.

Оба по трехступенчатой скрипучей лесенке поднялись в радиорубку — узкое продолговатое помещение с низким потолком, который одновременно служил полом для тех, кто находился на сигнальной вышке. Туда вела деревянная стремянка. У стен рубки стояли столы, занятые разных размеров и расцветок аппаратами и приборами. Под ними, на полу, коробились аккумуляторные батареи, в разных местах под потолком виднелись скрученные нити проводов. Пэля долго осматривался по сторонам и, конечно, не мог понять, зачем это столько разной разности размещено в одной комнате. Потом он осмелел. Прицокивая языком, постучал ногтем по глазастой от блестевшего стекла шкале прибора. Ковский обрадовался: юнга отвлекся от трагических воспоминаний. Этого-то радист и добивался, пригласив мальчика в незнакомый для него мир таинственных аппаратов.

Александр и Пэля присели на табуретки. Полярник мягко спросил:

— А где твои родители, Пэля?

И юнга с «Пурги» кратко рассказал своему новому другу историю своей совсем еще небольшой жизни.

...Пэля Ясовей родился в чуме ненца—охотника и пастуха оленей. Пэля очень гордился своим отцом. Много лет подряд отец пас многотысячные стада оленей и еще ни разу не подпустил к ним полярных волков. Только учует отец, бывало, что эти звери появились вблизи,—запрягает самых лучших и выносливых животных с ветвистыми рогами и гонит упряжку по следам. И до тех пор преследует обнаруженного волка, пока не загонит того до смерти. А затем выискивал другого, третьего зверя. Старший Ясовей стрелял их без промаха, чему научил и своих сыновей—Илька и Пэлю.

«Олешки» — так ласково Пэля называл оленей. Олень в тундре — все равно, что верблюд в пустыне. Его не надо кормить: он сам раздобудет себе пищу под снегом, пройдет по любому бездорожью. Его мясо нежно и вкусно. А шкуры идут на постель, из них ненцы шьют себе теплые и легкие одежды—малицы, рукавицы, шапки; из них также изготовляют пимы и тобоки — самая практичная в тундре обувь. Дает олень и нити — жилы, иглой служат тонкие кости.

Ковский представлял себе Пэлиного отца и его самого, как они, странствуя по тундре за стадами оленей, стойко переносили все капризы заполярной погоды. И в дожди, и при

тумане, и в пургу, и в мороз они зорко смотрели вокруг: не грозит ли откуда их подопечным животным какая-либо опасность? Нередко промокшие и окоченевшие, лишенные домашнего уюта, отец с сыном довольствовались чумом и костром. И радист, волнуясь все больше и заметнее, верил бесхитростному рассказу юнги.

Когда Пэля подрос, то стал помогать отцу. В семь лет мальчик уже умел управлять оленьей и собачьей упряжками, находить дорогу в тундре даже в хад — пургу. Он не раз ел сырое мясо, с удовольствием пил, греясь, теплую и сладковатую на вкус оленью кровь и всем на свете был доволен. Ныряло ли солнце в воду, уступая место на небе полярному сиянию, цвел ли ковер ярких, без запаха тундровых цветов, гудела ли свирепая пурга, Пэля всегда был весел. Особенно он любил беспросветные метели, когда дымок от костра струей рвался к мокодану—отверстию наверху чума. Пламя вздрагивало и плясало, таинственно освещая углы жилья. А Пэля, лежа на латах — досках, положенных вокруг костра, смотрел на огонь и пел тягучие и бесконечные, как сама тундра, песни.

В один из таких гудящих пургой вечеров неожиданно поднялся полог чума и к костру

шагнула хабеня — русская женщина. Она вылезла из малицы и протянула к огню тонкие озябшие руки, не сводя заиндевелых глаз с мальчика.

— Пэля Ясовей? Здравствуй, охотник!

— Ань-дорова-те! — с интересом ответил мальчик, польщенный тем, что его назвали самым гордым в тундре именем «охотник», как взрослого и удачливого человека.

— Я — учительница! Приехала за тобой... Поедем в Нарьян-Мар, в Красный город, в школу-интернат?

До этого Пэля уже слышал от отца, что где-то очень далеко, у большой реки Печоры, есть город, да не простой, а с деревянными чумами, которые там называют домами. И там столько ярких звезд и так они низко висят и светят, что если залезть на столб, то любую из них можно потрогать руками, не боясь обжечься. И это было самым удивительным для тундрового мальчика: звезды светят, а сами холодные, да еще ветром раскачиваются! Слышал он и про школу-чум, будто там учат рисовать палочкой.

Хабеня тем временем из-под малицы вытащила черный кожаный портфель со сверкающими в лучах костра никелированными пряжками и вынула из портфеля книжку,

в которой было много разных цветных картинок. Показав на одну из них, учительница спросила:

— Что это такое?

— Хо! — отгадал Пэля.

— Правильно, береза это...

Увидев другой рисунок, мальчик радостно воскликнул:

— Нохо!

— Верно, Пэля, это — песец.

— О, хабеня!

— Да ты, как я посмотрю, уже грамотей! — весело засмеялась учительница. — Молодец, охотник!

Пэля взглянул на отца, который только что вылез из-под оленьих шкур. Эти шкуры были расстелены прямо на снегу, за костром, у ограды чума. Старый ненец почтительно поздоровался с приезжей гостьей, но не стал спрашивать ее о причине столь внезапного появления: в тундре такие любопытные расспросы не приняты. Если уж человек вошел к тебе в чум, то, стало быть, так ему необходимо. И честь хозяина, как того велит давний обычай, состоит в том, чтобы быть гостеприимным и хлебосольным. А дело гостя — рассказывать, зачем пришел, или молчать. За это его не осудят. Русская женщина протянула старшему Ясовею руку и назвала

себя. А уж затем поведала о причине своего приезда, спросила:

— Отпустите ли вы Пэлю в город Нарьян-Мар, в Красный город, в школу-интернат?

— Я подумаю, хабеня! — пообещал хозяин.

По ненецкому обычаю старший Ясовей напоил гостью горячим и крепким чаем, напился сам. Потом из берестяной шкатулки, величиной с медный пятак, взял на ноготь большого пальца немного табачной пыли и с явным удовольствием втянул ее в ноздри. Громко затем чихнув несколько раз, старый ненец опять залез под шкуры, что-то бормоча про себя. Вскоре Ясовей затих, уснул. Такой уж обычай тундры: не торопиться при обдумывании мудрых решений! А что для отца могло быть важнее вопроса: отдавать или не отдавать сына в ученье? Сам-то уж немолод, ноги в суставах поскрипывали, а на плохую погоду ныли так, что едва хватало терпения, чтобы не застонать. Пасти олешек трудно — помощник нужен... Русская женщина отлично знала нравы тундры, въевшиеся в быт ненцев за века их существования. Она не торопила хозяина. Не торопила еще и потому, что торопить здесь считалось нетактичным, проявлением плохого воспита-

ния. Гостья, не мудрствуя лукаво, расположилась у костра и вскоре тоже заснула, свернувшись калачиком. Пэля укрыл ее большой оленьей шкурой и вышел из чума, чтобы посмотреть стадо...

Утром старый ненец угостил русскую гостью оленьим мясом и вяленой рыбой. Сам же ел только мясо, да не поджаренное на костре, а сильно замороженное, потом слегка прогретое. Хозяин вырезал из большого куска тонкие ленты оленины, похожие на жгуты, и, взяв один конец в зубы, другой удерживая левой рукой, ножом быстро и ловко отрезал небольшие кусочки мяса перед самой нижней губой и долго потом их разжевывал. Учительница удивилась той ловкости, с которой старый ненец орудовал ножом у рта, она боялась, как бы он не отхватил острым лезвием губу. Но все, к ее радости, обошлось благополучно. Чай хозяин, гостья и Пэля пили не спеша, прямо-таки священно действуя. Потом отец мальчика привычно понюхал табак, смачно чихнул и спросил:

— Хороша ли школа-чум?

— Это большое двухэтажное деревянное здание, очень светлое и уютное,— ответила хабеня простуженным голосом. — Педагоги, то есть учителя, отличные: из Архангельска,

Москвы, Ленинграда и даже из далекого Киева...

Старший Ясовей насупился, стал строгим и торжественно заявил:

— Мой сын Пэля будет грамотным человеком! Мой сын Пэля будет с русским профессором искать клады в тундре! Мой сын Пэля поедет в школу-чум в Нарьян-Мар!

С тех пор трижды наступал месяц Отела — май, и Пэля возвращался из Красного города в свое колхозное стойбище. Вскоре после начала его учебы отец стал старшим пастухом многотысячных оленьих стад артели «Нгер Нумги» — «Полярная звезда».

В конце Мошкариного месяца Пэля в четвертый раз на оленях приехал в Нарьян-Мар. Он уже давно привык к высоким домам, улицам, к зубной щетке, мылу и полотенцу. Любимой хабени в школе не оказалось. Другие учителя ему сказали, что она первым же пароходом уехала из города и теперь находилась на фронте.

Расстроенный Пэля ушел на причал. Завидев возле него небольшое одномачтовое судно, он тоже захотел попасть на фронт, на войну против злых духов—фашистов, как и его брат Илько, как и его самая любимая хабеня, ласковая и строгая русская учительница...

— Хватит, мой дружок! — перебил радист рассказ Пэли. — Давай, пунух, я лучше покажу тебе свое хозяйство!

Ковский поднялся с места и подошел к черному плоскому электрощиту.

— Вот это, дорогой Пэля, называется рубильник. Беремся за него и включаем: раз-два и — готово! Ток пошел!

Александр включил в электрическую сеть радиоприемник. «Магический глаз» зеленой лампочки медленно светлел. Это вызвало у юнги восклицание, похожее на звук «ек!»

— А сто это такое? — показал он пальцем маленькое колесико, расположенное внизу аппарата.

— Тумблер для включения приемника...

— Тюмьберь, — повторил Пэля и сам рассмеялся над своим неудачным воспроизведением незнакомого слова. — Тюмбер... Для сиго?

— Все это хозяйство нужно для связи с Большой землей...

— О, Болсой земля! Знаю! Архангельск! Мурманск! Москва! Ленинград!

— Во-во, Пэля! Вот этим ключом отстучишь только точки и тире, а там, на Большой земле, все ясно, что у нас здесь происходит, какая погода, в чем мы нуждаемся, не показывается ли на море противник...

— Великий Нум! — Пэля смиренно прижал ладошки к груди. — Ек!

— Да нет, мальчик мой, это не божество, а техника... Хочешь, научу тебя ею пользоваться?

— Давай-давай! — юнга утвердительно закивал головой. — Ек!

Радист подвел его за руку к тренировочному телеграфному ключу, укрепленному на краю стола. Он отстучал несколько знаков. Лампочка, подвешенная у потолка, то вспыхивала, то гасла. Ее вспышки, как успел заметить Пэля, были то длинными, то короткими.

— А теперь, Пэля, попробуй ты.

— Я?..

Юнга боязливо приблизился к столу и, вытянув руку на всю длину, пальцем быстро ткнул в черную пуговицу — головку ключа. Лампочка брызнула светом и погасла.

— Ек!..

— Смелее, Пэля!

Юнга закатил целую серию точек и тире. Его яркие губы растянулись в довольной улыбке, а глаза почти зажмурились.

— Во-во, малыш, теперь есть настоящий контакт!

Пэля был счастлив. Ему показалось, что он только что прикоснулся к чему-то живому

и теплому, которое вот-вот заговорит. Но ключ молчал. Отозвался Ковский:

— А теперь смотри и усваивай, мой пунух, самый простой в мире сигнал... Простой, но и самый важный, страшный...

Радист нажал на пуговицу ключа три раза подряд, быстро, отрывисто.

— Три точки — буква «С». Понял — нет? Сейчас дам три тире — буква «О»...

Радист трижды, как бы в замедленном темпе, придавил пальцами головку телеграфного ключа. Лампочка не мигала, как в первый раз, ее вспышки оказались продолжительнее, вроде бы их кто-то растягивал. Так подумалось Пэле, а на самом деле это был более затяжной контакт. Полярник на мгновение поднял на Пэлю глаза и добавил:

— И еще одна буква «С» — три точки...

И Ковский опять уверенно застучал ключом.

— Что мы получили? Известный морякам всего земного шара тревожный сигнал «SOS». Понял — нет? Это значит: «Спасите наши души!» Иначе — спешите на помощь!

Кто-то терпит бедствие, надо выручать его и поскорее. Вот так-то, мой юнга...

— Понял! — успокоил Пэля своего учителя. — Сдорово!

— Передатчик вот он, —показал Ковский на прибор, покрытый серой эмалью. Одна его панель была заделана маховичками, стеклами и даже кнопками, как подумалось Пэле. — В сеть он включается этим же рубильником и вот этим тумблером...

Глядя на юнгу, Александр Ковский то хмурил сросшиеся на переносице светлые брови, то приподнимал их. От этого его бледное лицо то удлинялось, то расплывалось, становясь почти круглым. Заметив, как у радиста при этом шевелятся прозрачные и оттопыренные уши, Пэля весело рассмеялся.

Ковский не понял, что так развеселило юнгу. Но чтобы не остаться в долгу, он нагнулся к мальчику и сам громко захохотал. Пэля вдруг умолк и растерянно посмотрел на Александра, не зная, над чем тот смеется.

— Ты сиго? — построжал юнга.

— Я?.. Ничего! А ты?

— И я тозе нисего!

И оба дружно рассмеялись. А когда нахохотались вдоволь, радист читал Пэле стихи.

Пэле очень понравился этот простой и

веселый зимовщик, хозяин таких сложных и загадочных вещей в радиорубке.

— А теперь, дорогой пунух, за дело! — сказал Ковский.

Занятие в радиорубке продолжалось до ужина.

9. БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Перевалило за полночь. Капитан первого ранга Хатангин не находил себе покоя. Он то мерял свой небольшой кабинет мелкими шагами, то на минуту-другую застывал у карты Арктики, вглядываясь в очертания мыса Эс. Изредка брался за телефонную трубку и звонил в бюро погоды. Ничего утешительного синоптики не сообщали. Их последний прогноз звучал почти зловеще: «Ветер северо-восточный двадцать восемь метров в секунду. Давление воздуха резко падает».

Андрей Петрович снова подошел к карте. «Да! — размышлял он, потирая подбородок ладонью. — Льды к мысу Эс, наверное, уже подступили. А если нет, то скоро подступят».

Наконец Хатангин торопливо оделся, запахнул шинель, под подбородком завязал тесемки кожаной шапки. Остаток ночи он ре-

шил провести в радиорубке базы, которая размещалась в пятидесяти метрах от здания штаба.

Едва Хатангин вышел из штаба, как попал в жесткие, студеные объятия пурги, воющей на все голоса. Все вокруг было густо забелено, капитан первого ранга едва различал свое правое плечо, к которому отвернул лицо. Перед глазами крутилась и плясала белая темень, колючий снег мелкими и тонкими иглами сек щеки, впивался в нос. Андрей Петрович отвернул лицо к другому плечу, потоптался на месте и к своему огорчению убедился, что он ничего не видит, даже штабное здание поглотила эта грохочущая и страшная в своей ярости арктическая пурга.

Теперь при всем желании вряд ли попадешь в штаб. Но эту малодушную мысль Хатангин отогнал от себя со злостью, стал принюхиваться к ветру. Он был уверен, что радисты наверняка топят печи. Только им одним в гарнизоне разрешалось разжигать в печи ночью. И нюх не обманул капитана: он уловил запах дыма, показавшийся ему в эти жуткие минуты очень приятным и даже сладковатым на вкус, как запах свежего сена. От него веяло ароматом теплого жилья.

По колено проваливаясь в снег, споты-

каясь на застругах[1], Хатангин продвигался вперед медленно, будто слепой. Он захлебывался тугим морозным ветром, но на этот раз уже не отворачивал лица, не прятал его в воротник шинели, чтобы не упустить, не потерять невидимый поток ароматного дыма. Он все шел и шел, выставив протянутые руки навстречу бурану, ветер обжигал ему щеки студено-каленым языком.

В третьем часу ночи Хатангин пришел, наконец, на радиоузел базы. Радисты-матросы не сразу узнали его. С бровей и ресниц Андрея Петровича свисали рубчатые ледышки, не сосульками, а горизонтальными, вроде бы снизу подплавленными пластинками, похожими на трехгранные продолговатые призмы.

Радисты молча сидели у приемников и передатчиков, освещенных затененным светом. Андрея Петровича встретили здесь самые разные звуки: то в помещение заплывала тихая и приятная музыка далекого концерта, то немецкая речь, то глухие звуки барабана — где-то маршировали или проводили парады. Чаще других звуков слышалось пиканье напористой «морзянки» — и жалобное, и тревожное, и зовущее.

Так проходили час за часом.

---

[1] Заструг — узкий сугроб, вытянутый по направлению ветра.

Радиостанция мыса Эс, которую поминутно запрашивали связисты островной базы, таинственно молчала.

Внезапно все звуки исчезли, будто провалились. Из динамика приемника вытекал только загадочный шелест. Один из радистов с досадой отдернул штору и посмотрел в окно. Хатангин тоже посмотрел в окно.

С севера мчалась нежно-голубая полоса полярного сияния. Небо посветлело, точно сбоку освещенное скользящими лучами неяркого света, бисер звезд поблек. Прояснилось и сумрачное до этого лицо капитана первого ранга: к утру, может, выпогодится. Тогда Николай Черевко сможет снова вылететь на далекий мыс. И только сейчас Хатангин удивился: не заметил, как умчалась пурга. Да, в Арктике такие чудеса не редкость!

— Продолжайте вызывать мыс Эс! — приказал Андрей Петрович лобастому радисту, тому самому, который все еще стоял у окна. — Он должен, обязательно должен отозваться!..

Матрос опустил штору и стремительно прошел к столу, на котором стоял включенный передатчик. Он настойчиво посылал в эфир мелкую дробь телеграфных знаков. А потом, плавно вращая рукоятку настройки приемника, чутко прислушивался к пискам.

«Ти... ти... та...» — отдавалось в его наушниках и в параллельно подключенном репродукторе, установленном по приказанию капитана первого ранга. Но все это было не то, что матрос искал, чего с нетерпением ожидали все: и командир базы, и радисты. На свои позывные пост на мысе Эс не откликался, как будто там вовсе ничего не существовало.

— Попросите радистов полярной станции мыса Челюскина связаться с мысом Эс! — приказал капитан первого ранга. — Установите также связь с островом Диксон, с мысом Желания...

Уже не один, а несколько матросов не медля ни секунды приступили к выполнению приказания командира базы. Они привычно и четко вызывали далекие радиостанции, терпеливо настраивались на прием. На какой-то миг наступило затишье, только слышалось уютное гудение трансформаторов. Потом опять в помещение ворвались трели атмосферных разрядов, они смешивались с пробивающейся сквозь звуковой заслон чужой речью, музыкой, ударами барабанов.

Только через час с самой северной точки Евразии — мыса Челюскина — пришел неутешительный ответ. Точки и тире сложились в короткую и бесстрастную фразу:

— Радиостанция мыса Эс на запросы не отвечает...

— Не сгорели же они там! — в сердцах воскликнул Андрей Петрович. Нервы его сдали: сказалось утомление, ведь он не спал почти двое суток.

Радист растерянно и беспокойно взглянул на Хатангина. Ему показалось, что командир базы нашел решение трудной задачи, так как после столь неожиданного восклицания он совершенно спокойно сказал:

— Бессменно несите вахту на волне мыса Эс!

— Есть!..

В дверь радиорубки постучали. И не успел еще капитан первого ранга ответить, как в помещение поспешно вошла Мария Ивановна Русова. Наклонившись к сидевшему на табуретке Хатангину, она вполголоса заговорила:

— Помните, я вам докладывала, что в трех последних метеосводках, присланных с мыса Эс, было обнаружено по одной лишней точке? Сами по себе они не имеют значения, разве только затуманивали смысл сообщения или искажали какое-либо слово. Но когда я привела текст в принятую нами норму, эти точки некуда было приткнуть. Но если их сложить, то получится буква «С»...

— Логично! Дальше!

Капитан первого ранга быстро поднялся на ноги. Какие еще заботы далеко за полночь привели сюда девушку? От него не укрылись ни ее взволнованное лицо, ни сухой блеск в глазах. А она убежденно продолжала:

— Это, на мой взгляд, первая буква сигнала о бедствии — «SOS»!..

— Гм... Логично! — лицо капитана заметно вытянулось, построжало. — Что вы предлагаете предпринять?

— Вылетать на мыс!.. Погода устанавливается, как по заказу. Упустить такую удачу нельзя ни в коем случае. Теперь капитан Черевко покажет, на что он способен..

— Добро! — согласился командир базы. — Риска бояться — удачи не видать!

Хатангин на минуту задумался. Страшная догадка пригвоздила его к месту. Он пристально и долго смотрел Русовой в глаза. Потом, не приказывая прямо, заговорил тоном совета:

— Мария Ивановна! На мыс Эс вы сможете вылететь часа через полтора-два. Больше трех матросов я вам дать не могу... При устойчивой погоде к месту назначения прибудете, примерно, часа через два. На

месте оцените обстановку. Продумайте решение. И затем уж действуйте смело и решительно. Но в любом случае — берегите людей.

— Я готова к выполнению боевого задания, товарищ капитан первого ранга! — подтянулась Русова.

Капитан первого ранга помолчал, припоминая, не забыл ли он чего еще сказать в напутствие старшему лейтенанту? А затем, без видимой связи со сказанным раньше, поинтересовался:

— Какой ветер дует?

— Ветер, по-моему, поворачивает. Будет, наверное, южный...

— Угу!..

Хатангин медленно прошелся по свободному пространству рубки. Через минуту-две остановился напротив Марии Ивановны.

— Итак, дует южный ветер. Он отгонит лед далеко на север. Это—удача! Вам на помощь посылаю тральщик и «Большой охотник». По чистой воде они к мысу Эс подойдут к исходу вторых суток... А вдруг наши худшие предположения оправдаются? Любой ценой продержитесь на мысе Эс до подхода кораблей! Это — приказ! С собой возьмите рацию, оружие, лыжи, спальный мешок.

Для всего отряда недельный запас продовольствия!

— Этого будет вполне достаточно! — подтвердила Мария Ивановна расчеты командира базы. — Только бы погода не подвела!..

— Идите, товарищ Русова! Поднимайте дежурную службу, интендантов и...

Андрей Петрович так и не договорил последнего слова.

Внезапно с его лица медленно поползла краска. Он с мальчишеским проворством подскочил к радиоприемнику. Из динамика неуверенно, тревожно и зловеще неслась «пикающая» разноголосица:

«Та-та-та — ти-ти-ти — та-та-та!... Та-та-та — ти-ти-ти — та-та-та!»

Точка-точка-точка — тире-тире-тире — точка-точка-точка.

Это был понятный на всех языках мира сигнал:

— «S O S! — Спасите наши души!»

— Радист! — вскричал капитан первого ранга, хотя матрос находился рядом с ним. — Быстро передатчик! Волна мыса Эс!..

Матрос обхватил рукой головку телеграфного ключа так крепко, что ногти на его пальцах стали иссиня-белыми. Он стал

быстро-быстро выстукивать в эфир короткие телеграфные знаки позывных:

— Мыс Эс!.. Я — «Старик»!.. Я — «Старик!..» Я — «Старик»!.. В чем дело?.. Перехожу на прием... Перехожу на прием... Я вас слушаю...

Но с далекого мыса Эс, врываясь в эфирную какофонию звуков, по-прежнему несся зовущий людей на помощь сигнал бедствия и надежды:

— S O S!.. S O S!.. S O S!..

И так почти без остановки. Его жалобный и даже печальный писк раздавался то быстро и уверенно, то будто затихал, словно выдыхался при перелете через огромные расстояния тундры и прибрежной части Ледовитого океана.

Хатангин оглянулся. Старшего лейтенанта Русовой в рубке уже не было. После первого же сигнала Мария Ивановна выбежала наружу, и капитан первого ранга в душе похвалил ее за расторопность.

...Ровно через два часа, когда южный ветер окреп и уже сдувал со скал снег в бурливое море, капитан Николай Черевко поднял в воздух гидросамолет. На борту летающей лодки, помимо экипажа, находились старший лейтенант Русова и три матроса с береговой батареи острова.

Самолет вскоре лег на курс, ведущий к мысу Эс.

А холодный эфир все еще простреливала жуткая «морзянка»:

— S O S!.. S O S!.. S O S!..

Кто-то настойчиво, веря в хороших и добрых людей, просил:

— Спасите наши души!.. Спасите наши души!.. Спасите наши души!

10. НАХОДКИ В БУХТЕ ВОСКРЕСЕНИЯ

Всю ночь Пэля проспал на кровати Ковского. Его разбудил приглушенный разговор. Мальчик приподнял голову и увидел полярников, сидевших за столом. Они склонились над керосиновой лампой с подкрученным фитилем, вроде греясь от ее тепла. Каждый из них поочередно выговаривал:

— Поеду я!..

— Нет, я!..

— Лучше мне!..

Мальчик присмотрелся и узнал этих зимовщиков. За столом находились начальник полярной станции Гвоздарев, начальник поста наблюдения и связи старшина второй статьи Куткин, радист Ковский и бородатый метеоролог Арков. Пэля, признаться, не сра-

зу понял: спорили они или беседовали? Но вот до него донесся строгий голос Петра Ильича:

— Командовать зимовкой, дорогие мои товарищи, поручено мне!.. Нас, коммунистов, здесь четверо... И я прошу вас в поездку отпустить только меня. Я отвечаю за исполнение любого приказания!

Пэля почувствовал, что эти слова Гвоздарева подействовали на его собеседников, они как-то сникли, будто у них враз испортилось настроение. Да оно так, наверное, и было на самом деле. Понял это, очевидно, и Петр Ильич. Он убежденно добавил:

— Задание опасное и трудное! И я не могу никого послать на него, а самому остаться здесь... Итак, в далекую дорогу отправляйте меня! Пусть это будет как партийное поручение... Согласны, товарищи?

Пэля заметил, как Куткин нервно забарабанил пальцами по столу, а Арков задумчиво погладил свою бороду, оба полярника о чем-то размышляли. Только Ковский сидел спокойно, поглядывая на шевелящийся желтый лепесток пламени в лампе. Затянувшуюся паузу прервал Куткин. Он, прислушавшись к гулу ветра за заснеженными стеклами окна, забеспокоился:

— Вам, Петр Ильич, не уехать: пурга начинается!..

Все полярники повернулись к окну, как по команде. Они старались через четыре рамы всмотреться в темноту, увидеть, какая там разыгралась погода. Но Пэля в душе не согласился со старшиной. Чтобы проверить свою догадку, он тихо поднялся с кровати, оделся и вышел из дома. В самом деле, даже в темноте можно было различить, как тугой и колкий ветер взбивал у построек станции снежные вихри, потом подхватывал их невидимыми огромными руками и швырял в сторону моря. Вокруг дыбился гулкий грохот и рев, сквозь него мальчик услышал короткий лай собаки. Он узнал Ропака и, сойдя с лесенки, нашел пса и его новых друзей в снегу возле дома.

Юнга поспешил вернуться в комнату, которую полярники называли кубриком. Гвоздарев, Куткин, Ковский и Арков не заметили, оказывается, исчезновения Пэли, и теперь, когда он предстал перед ними, похожий на снегурочку из детской сказки, они откровенно удивились. Но тут же вскочили на ноги, кинулись к нему, чтобы помочь ему раздеться. Юнга успокоил полярников уверенным замечанием:

— Пурги нет... Пурга не пойдет!..

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво посмотрел на него старшина Куткин.— Ишь, какой барометр выискался!

— Засем барометр? Барометр — прибор, а я — селовек!.. Собаки в снегу лезат... Собаки тихо лезат... Нет, пурга не пойдет!

Полярники переглянулись между собой. Арков обнял Пэлю за плечи и притянул его к себе. Улыбаясь, он бородой пощекотал мальчику шею и воскликнул:

— Эх, юнга! Да тебя провидение послало к нам. Твоими бы губами да мед-пиво пить...

Пэля не все понял из реплик бородача, но догадался, что в них есть особый смысл, понятный только вот этим взрослым дядям. А чтобы его не посчитали маленьким и несмышленым, он серьезно заявил:

— Я не знаю, куда вы поедете... Но если поедете — возьмите меня. Тундра моя — мой дом!

И не торопясь, как и полагается мужчине-охотнику, направился к кровати. Вслед ему прозвучали обнадеживающие слова Петра Ильича:

— Хорошо, мальчонка! Мы подумаем...

И в самом деле вышло так, как утверждал Пэля. День выдался ясным, хотя над головой и висела бахрома туч — темных,

растрепанных, как стога прошлогодней соломы. А на западном склоне неба голубела чистая и широкая полоса, оттуда выливался золотистый свет невидимого за облаками солнца.

— До темноты доберетесь до бухты Воскресения, — сказал Куткин, помогая Гвоздареву на легких санках-нартах закрепить узел на мешке с продуктами. — А там сруб приютит вас...

— Только бы пурга не опередила вас в дороге, — высказал сомнение Арков. — Хотя наш флюгер и не шевелится, но...

Все полярники невольно посмотрели на высокий деревянный столб, на вершине которого, будто макет самолетика, был укреплен крылатый флюгер. Он, действительно, не шевелился, не подрагивал. Это было верным признаком того, что ветер не менял своего направления и погода может оказаться сносной.

— Псы сильные, выносливые, — успокоил отъезжающих старшина Куткин. — Такие и до Северного полюса добегут...

Собаки изредка повизгивали, они настороженно обнюхивались, будто повстречались впервые. Зато новый вожак упряжки Ропак вел себя спокойно, свысока поглядывая на суетящихся псов, и изредка облизывался. Его

не задевала ни одна собака, боясь его острых клыков.

— Ну, трогайте! — сказал Куткин.

— В добрый час! — пожелал Арков.

— Счастливого пути! — махнул рукой Ковский.

— Сац саво! — восклицал Пэля, ероша мягкую шерсть все еще повизгивавших собак. Он был рад, что начальник «Полярки» взял его с собой на поиск следов погибшей «Пурги». Правда, согласился он на это не сразу! Когда Петр Ильич начал собираться в дорогу, юнга повторил свою просьбу. Гвоздарев сделал вид, что не услышал ее, а потому ничего не ответил. Неожиданно на выручку Пэле пришел Арков.

— Петр Ильич! А ведь же мальчик — с «Пурги»! Это его корабль... К тому же — юнга выносливый и закаленный. Может, тебе еще и пригодится. Одному быть в тундре опасно!..

На том и порешили.

Упряжка Пэле не понравилась. Никого не спрашивая, он освободил собак, помудрил что-то над их ременной сбруей, перепряг псов по-своему. Если до этого они располагались парами — одна за другой, то юнга поставил их веером. Гвоздарев наблюдал за ним, и когда старшина Куткин хотел вме-

шаться, Петр Ильич жестом руки попросил того молчать. Потом пояснил:

— Милое дело! Это — гренландская упряжка. Глазам каждой собаки дорога открыта...

Но стоило Пэле приблизиться к начальнику, как он сделал вид, будто ничего не видел и не говорил. Мальчик признался, что он изменил упряжку собак и попросил проверить ее. Гвоздарев долго рассматривал сбрую, поднимал на ноги собак и вглядывался, а порой и трогал лапы руками, проверяя, нет ли между когтями льдинок. Такие льдинки — страшный бич полярных псов, особенно в дальнем пути.

— Молодец, Пэля! — похвалил Гвоздарев. — С тобой, как я вижу, не пропадешь!..

Петр Ильич простился, наконец, со всеми остающимися на станции полярниками и по старинному народному обычаю присел на сугроб у дома — перед дорогой. Зимовщики минуту помолчали. Воздух казался сухим и разреженным. Дышалось все же легко и свободно. Пэля нетерпеливо топтался у нарт. Рослый Ропак помалкивал, преданными глазами следя за мальчиком.

— В путь! — поднялся Гвоздарев и, толкнув с места нарты, крикнул: — Вперед, Ропак!

Собаки дружно рванули нарты, ременные лямки упруго натянулись. Из-под полозьев взвихрилась снежная пыль.

Уже на ходу Пэля прыгнул в санки. А через несколько секунд быстрая собачья упряжка перевалила через отрог горы, и «Полярка» скрылась из глаз путников.

По тундре уже шатался неуемный ветер. Под полозьями нарт скрипел снег. Мороз крепчал. Собаки, изредка лая и повизгивая, быстро бежали вперед.

Гвоздарев и Пэля спешили в бухту Воскресения, где предполагали найти следы гибели гидрографического корабля. Путь туда был не из близких и не из легких: путников подстерегали крутые подъёмы и спуски с сопок, едва замерзшие болота, озера и ручьи, трещины в так называемом «материковом льду». Это глетчерный лед, который образуется из многолетнего уплотненного снега на континентах и на островах. Пэля хорошо знал его природу. Выпадет снег, потом его утрамбует ветер, потом приосадит оттепель, скрепит мороз. А сверху ложится новый слой снега. И так все время. Вот этот-то как бы спрессованный снег и именуется «фирном», то есть льдом мутно-белого цвета. Проходят годы, из фирна образуется крепкий глетчерный лед, под собственной тяжестью он спол-

зает к морю. Там, у береговой кромки, от него откалываются гигантские глыбы и падают в воду. Так в море появляются колоссальные айсберги, столкновения с которыми боится любое судно.

Гвоздарев и Пэля рассчитывали засветло добраться до бухты Воскресения, переночевать там в рубленой промысловой избушке, стоящей на берегу. А уж с утра начать поиски.

Часть пути Петр Ильич бежал за нартами. Этим он не только облегчал груз собакам, но и сам грелся. Тогда Пэля управлял упряжкой. Потом они менялись ролями. Вдруг юнга споткнулся о присыпанный снежной пудрой заструг и растянулся во весь свой рост. Когда он вскочил на ноги, собак уже не было видно. Юнга побежал по их следу вперед. Он закричал:

— Дя-дя-а-а-а!..

Ответом ему было молчание.

Внезапно Пэля почувствовал, как его потянуло под уклон. Чтобы удержаться на месте, ему пришлось сесть на снег. Он уперся ногами в затвердевший фирновый наст и остановился. В трех метрах от себя он обнаружил синеватую дыру. Юнга метнулся назад, чтобы невзначай не соскользнуть туда. Он поскользнулся несколько раз и только

тогда понял, что попал не на снежный наст, а на вечный лед, который здесь не тает даже летом, гнездясь по лощинам. Да, это был арктический ледник, тот самый глетчерный лед, которого и боялся юнга.

Переведя дыхание, Пэля осторожно подполз к краю пропасти. Это была огромная трещина, занесенная снегом. След нарт обрывался у ее края.

— Дя-дя-аа! — во весь голос крикнул Пэля в темноту пропасти.

В ответ он услышал беспокойный визг собак, и у него отлегло от сердца: Петр Ильич, наверное, жив! Потом псы тревожно залаяли, и юнга почувствовал в этом звуке нетерпение и беспомощность. Он вложил два пальца в рот и резко свистнул. Визг и лай раздались еще громче, а отражаясь от стен глетчера, они множились, и мальчику показалось, что в пропасти не двенадцать псов, а больше сотни. Но Гвоздарев все еще молчал.

Что же предпринять? Возвращаться на пост за веревкой — далеко, переход пешком, без собак, займет слишком много времени. Решение пришло как-то сразу, само собой. Юнга, к счастью, вспомнил о знаменитом фале, фронтовом подарке старшего брата.

Задрав полы меховой куртки, подаренной

заботливым Ковским, Пэля размотал веревку-фал и спустил ее на лед. Потом вынул из чехла нож, нагнулся, наощупь стараясь найти тонкую трещину во льду. В нее он хотел воткнуть лезвие, чтобы затем на рукоятку ножа навязать один конец фала, а второй — сбросить в пропасть. По нему можно будет спуститься в глетчерный зев на помощь Гвоздареву.

Юнга так увлекся своим занятием, что не сразу заметил слабый луч света, сквозивший из пропасти. К действительности его вернул глухой подземный крик:

— Ого-го-го-о-о-о!

Пэля прильнул к обрыву. Недалеко внизу он увидел кружок света карманного фонаря своего спутника. Юнга уже сообразил, что начальник попал на «снежный мост» и провалился. К счастью, трещина в глетчере оказалась не глубокой — всего несколько метров. А ведь бывают трещины потрясающе бездонными, из которых уже не может быть спасения, — пятьдесят и сто метров. Готовая ледяная могила. Жутью повеяло от такой мысли, и Пэля поспешил бросить конец веревки в пропасть. Он закричал:

— Дерзы, дя-дя!

Юнга уже вонзил нож в попавшуюся под руки трещину. Надо было спешить: лед все-

таки потрескивал, будто кто-то невидимый внизу колол и раздирал сухие дрова.

Скрутив узловатый конец веревки, Пэля прикрепил его к костяной рукоятке ножа. Начальник «Полярки» был сильным человеком. Подтягиваясь руками, он поднимался наверх, как по канату. Юнга коленом удерживал нож в строго вертикальном положении, а руками веревку тянул на себя.

Наступали ранние полярные сумерки, и все же Пэля не смог рассмотреть лица Петра Ильича. Но он слышал его тяжелое дыхание. Хорошо, что все обошлось благополучно и легкий шок Гвоздарева быстро прошел.

— Дя-дя насальник! — обрадовался Пэля. — Как зе это вы?

— Чего там говорить обо мне, — придя в себя, возразил Петр Ильич. — Хорошо, что я взял тебя в попутчики... Спасибо, сынок!..

Растерев лицо подкладкой овчинной рукавицы, Гвоздарев несколько раз присел на месте, чтобы согреться.

— Как туда провалился — не помню, — словно оправдывался он.

Вдвоем они быстро и без помех вытащили собак и нарты. От радости, что снова увидели свет, лайки стали кататься по снегу, повизгивая и потявкивая.

Через несколько минут, успокоившись и

приведя себя в порядок, полярник и юнга тронулись дальше.

Вожак упряжки, выносливый Ропак, по только ему понятным приметам сам нашел промысловую избушку. Собаки подкатили нарты к ее черной покосившейся стене.

Накормив лаек сушеной рыбой, захваченной с собой, путники шагнули в темный дверной проем. Осветив фонариками низкое и закопченное помещение, Гвоздарев и Пэля увидели дверь, валявшуюся на полу. Она была сбита из толстых досок. Между ними тянулись щели, в них свободно пролезал палец юнги. Мальчик огорчился: такая дверь— не защита от холодного ветра и мороза, она может только оградить от зверей. Вдвоем путники кое-как поставили дверь в проем, создав хотя и ненадежный, но все же заслон от леденящего ветра.

— Сто это такое? — Пэля косым лучиком фонаря осветил то место, где лежала дверь.

На утоптанном торфяном полу Гвоздарев увидел три смятых окурка сигарет. Подняв один из них, он долго и пристально его рассматривал. Окурок был так сильно раздавлен, что на месте фабричной марки полярник едва различил только несколько синих немецких букв. Кто и зачем посетил берег этой пустынной заполярной бухты? На это не

могли ответить ни сам Гвоздарев, ни юнга Пэля.

— Любопытно! — протянул вполголоса Гвоздарев, невольно озираясь по сторонам.— Кого сюда приносила нелегкая?..

Он осторожно сгреб все окурки в ладонь и положил их в карман куртки. И Пэля догадался, что завтра начальник «Полярки», возвратясь на пост, покажет их своим товарищам.

Правда, Пэля ничего не понял, но сообразил, что Петр Ильич нашел что-то очень важное и таинственное. Юнга не стал донимать его расспросами, он не любил приставать к взрослым с разговорами. Если надо, решил мальчик, то Гвоздарев сам ему все расскажет.

11. ТИХО МОРЕ, ПОКОЛЕ НА БЕРЕГУ СТОИШЬ

Федор Котов устало зевнул.

— Эх, покимарить бы! — произнес он вслух. — Этак минуток шестьсот! Вот то было бы на пять баллов...

Да, матрос Котов был недоволен военной службой на краю Большой земли. Не мог он примириться и со слишком «миролюбивой», по его мнению, профессией сигнальщика.

В душе он даже возмущался: «Разве это боевая специальность! Вместо того, чтобы уничтожать фашистов, я стою здесь, как бездельник, и любуюсь заполярной экзотикой».

Котов, как и матрос Итаев и старшина Куткин, уже несколько раз просил начальство перевести его в морскую пехоту или на корабль действующего флота. И каждый рапорт возвращался без длительной задержки. В левом верхнем углу листа деловая и строгая резолюция: «Отказать! Служите там, где это необходимо Родине».

В школьные годы Котов увлекался книгами о приключениях, а игры признавал только военные, мечтал о подвигах. Едва окончил десятилетку, началась война, и он добровольно попросился на фронт, надеясь попасть в полк, в котором дрался его отец. Однако его направили на недоброй памяти Соловецкие острова. Но там не было ни монахов, ни арестантов. Только стояла неприступная крепость с толстенными каменными стенами, оберегая златоглавые церкви. А вокруг — сочная зелень пахучей травы, застывшие зеркала озер, перелески и синее небо.

В крепости обосновался учебный отряд Северного флота. Котова зачислили в группу сигнальщиков. Уже тогда он понял, что профессия эта «нестреляющая», но утешал

себя надеждой: попадет на боевой корабль и — все будет в порядке. На острова доходили отзвуки героических дел экипажей североморских кораблей. Сторожевик «Туман», как и легендарный «Варяг», принял неравный бой с тремя фашистскими эскадренными миноносцами. Его две малокалиберные пушки стреляли против пятнадцати тяжелых морских орудий. И все же советские моряки не сдались, не спустили перед врагом славного военно-морского флага. Эсминец «Гремящий» совершил дерзкий артиллерийский налет на крепость фашистов и разгромил ее. Другой эсминец — «Грозный» — потопил гитлеровскую подводную лодку. А корабль «Громкий» сбил два вражеских бомбардировщика. Да за то, чтобы носить на бескозырке ленточку с названием любого из этих кораблей, он, Котов, готов был отдать все!

К большому огорчению, он получил назначение на далекий и таинственный мыс Эс, о котором никогда и ничего не слышал. Возражать было нельзя: приказ есть приказ!

К новому месту своей службы Котов добирался несколько дней на борту боевого тральщика. На мысе его встретили тепло и хлебосольно. Обитатели «Полярки» ему понравились. Все, кроме старшины второй статьи Куткина. Слишком строго, как показалось Федору, тот

держал себя с молодым матросом, никакой поблажки не давал. «Службист!» — определил тогда сигнальщик, очень сожалея, что его прислали в эдакую глухомань, «медвежий угол».

Здесь, вокруг станции, лед и ветер играли прямо-таки в чехарду. Стоило ветру дунуть со всей силы, как лед отступал от берега. Но как только тот успокаивался, льды угрюмо наступали на сушу. Ночи растягивались все длиннее, становились все чернее и шумнее. И все больше раздражался Котов, когда старшина второй статьи Куткин требовал с пунктуальной точностью выполнять инструкцию по наблюдению за морем и воздухом.

...Невидимый холод донимал Котова. Озябли кончики пальцев на руках, да так, что казалось, будто в меховых рукавицах стало мокро.

— Дрыхнуть бы сейчас у печки, — пробормотал сигнальщик, — из-за какой радости замерзать... Сходить, что ли, погреться...

По приставленной стремянке Котов спустился в радиорубку. Здесь было тоже прохладно. Ковский и Итаев сидели за столом, разбирая в книге какой-то замысловатый чертеж. Котов заглянул в эту книжку, хмыкнул и, незамеченный никем, открыл дверь в кубрик. В лицо пахнуло горячей волной на-

топленного жилья и ароматом вкусной пищи. У печки на горке дров сидел Арков и смотрел на прыгающее пламя. За столом старшина Куткин чистил карабин. В его крепких руках жесткий «ежик» протирки казался игрушечным.

В кубрике возникло движение воздуха, из печки языки пламени вывалились наружу. Арков приподнял голову:

— А, Федя! Замерз, поди, на вышке?

Куткин насторожился, отложил в сторону оружие.

— Товарищ матрос Котов! — голосом, который не предвещал ничего хорошего, произнес начальник поста. — Кто вам разрешил самовольно покинуть вышку?

— Да я только на минутку!

Федор не рад был этой встрече. Намереваясь спуститься в кубрик, он рассчитывал, что старшина давно отдыхает в постели. Теперь надо было отвечать по всей строгости устава: самовольный уход с вахты на флоте всегда расценивался как преступление.

— Смирно!—жестко отрубил старшина.— За нарушение инструкции по несению сигнальной вахты объявляю вам наряд вне очереди. Вы заслуживаете более строгого взыскания. Но учитывая вашу молодость и неопытность... Марш на вышку!

Котов, вяло ответив «Есть», поплелся на вышку. «И чего он придирается, этот Куткин! Что я маленький?.. И чего зря пялить глаза, коли ни зги не видать! До фронта, до Мурманска, тысячи километров!»

Где-то в глубине души он чувствовал свою неправоту. Но утешал себя:

— Кому мы здесь нужны!.. У фрицев мозгов будет на один балл, если они замыслят подойти к нам, к мысу...

Он расположился на теплой шкуре белого медведя, хотя ему следовало наблюдать за морем и берегом в открытые окна, и начал читать книжку, держа ее на вытянутой руке у замаскированной лампочки, прикрытой сверху картонкой. Снаружи шумело море, бесновался ветер, дробно стуча в стекла колючими снежинками.

Прошел час. Если бы кто-нибудь поднялся на вышку, то увидел бы такую картину: Котов лежал на шкуре, привалясь спиной к стене, забытая книга валялась на полу. Сигнальщик мирно посапывал, изредка причмокивая во сне. Над ним быстро-быстро тикали морские часы с разделенным на двадцать четыре части циферблатом. Их стрелки, как концы тонких ножниц, срезали белое поле шкалы, сходясь на цифре «23».

А ветер давно уже повернул с южной сто-

роны. Льдины заторопились на север. У подножия мыса Эс заклокотала черная вода. Ее недовольное урчание доносилось до сигнальной вышки. Но спящий матрос ничего этого не видел и не слышал.

Котову снился чудный сон. Из теплой сини какого-то южного моря, сверкавшего в лучах солнца, как изумруд, показались бородатые и скуластые, вроде Аркова, люди с яркими шлемами на головах. Они выходили из воды на берег, как русалки, освещенные утренней зарей. Впереди шел седой великан. «Ага! — смекнул Котов. — Витязи и с ними дядька Черномор... Приветик вам, жители моря!»

Вдруг дядька Черномор замахнулся на него, Котова, увесистой булавой, больно огрел матроса по плечу и закричал: «Вставай!» Резко отшатнувшись от него, сигнальщик почувствовал настоящую боль и, уже просыпаясь, услышал гортанный голос:

— Вставайт!..

Не понимая спросонья, что произошло, матрос быстро вскочил на ноги, растеряв остатки сна.

— Ни с места!.. Рука вверх!.. Шнель-шнель!.. Бистро!

Три незнакомых матроса в меховых куртках, лоснящихся от масла и грязи, обыскали

Котова и толкнули его к люку — квадратному вырезу в полу, к которому снизу, из радиорубки, была приставлена деревянная стремянка. Сигнальщик, все еще плохо соображая, кое-как спустился в радиорубку. Здесь он увидел, что у аппаратуры возился тоже незнакомый человек. Рядом с ним стоял, видимо, офицер, долговязый, по-спортивному стройный, в синем свитере и такой же шерстяной шапочке, и что-то резко говорил властным, немного простуженным голосом.

Котова толкнули в кубрик. В дальнем углу он заметил своих товарищей. Они брезгливо отвернулись от него. Только очкастый Итаев зло сплюнул на пол и опять опустил рыжеватую голову на колени. У него, как и у всех полярников, руки спереди были связаны плетеной тонкой веревкой, так называемым фалом. И только теперь сердце сигнальщика дрогнуло. Он понял, что зимовщики, веря в него, спокойно улеглись на отдых. А пока он спал, фашистские десантники без помех ворвались в жилой дом и связали сонных полярников. Только после этого гитлеровцы добрались до него. Странно, что он не услышал возни. А может, ребятам зажали рты? Да и что он, Котов, один мог сделать против целой оравы врагов, даже если бы услышал призывы о помощи? Оружия у него с собой не было.

Наверное, дверь в радиорубку была закрыта, поэтому никакие звуки из кубрика не проникали на вышку. Федору хотелось завыть от злости: «Что я наделал?.. Как же это я прозевал?»

Два верзилы, державшие до этого Котова за руки, набросили на него веревку. Матрос отчаянно рванулся из цепких рук врагов. Но тут же получил удар автоматом по голове, из глаз посыпались искры, закружились огненными спиралями. Он бессильно опустился на пол, едва не потеряв сознания.

В двери радиорубки появился офицер. Сидевшие вокруг полярников фашистские матросы, провонявшие табаком и потом, поднялись на ноги. Котов насчитал двадцать три человека. Он быстро приходил в себя от пережитого потрясения, волнуясь все заметнее, на его лице проступили густые красные пятна.

— Предатель!.. Что ты краснеешь, как...

Это с презрением и ненавистью произнес Итаев.

Страшные слова дошли до сознания сигнальщика. Он понял, что оправдываться и бесполезно, и ни к чему. Да, да! Иного он, Котов, не заслужил: заснув на посту, он предал товарищей, отступил от присяги! Вот сейчас перед ним настоящие фашисты, те самые,

которых он мечтал уничтожать на фронте. «Эх, а еще в Чапая когда-то играл!» — с гневом и болью упрекнул он себя. Жуткая правда поразила его, ему захотелось разрыдаться, вдруг появилось желание растерзать всех этих вонючих мерзавцев в грязных меховых куртках.

— Ахтунг! — крикнул кто-то из фашистов.

Офицер оглядел связанных моряков, уголки его тонкогубого рта дрогнули в довольной усмешке и поползли было вверх. Но вдруг на полпути опали, и теперь плотно сомкнутые губы напоминали свежий шрам. Помедлив несколько минут, фашист что-то сказал по-немецки. Котов разобрал только отдельные слова:

— ...шпацир... зюд-вестлих... ист функмат?.. Протасофф!

Обращение офицера относилось к единственному штатскому человеку, пришедшему сюда с непрошенными гостями. Наклонив облысевшую голову, похожую на дыню, он бесстрастно выслушал распоряжение долговязого и шумно ответил:

— Яволь, герр лейтенант!

Затем повернулся к связанным пленникам. На полярников виновато и даже угодливо смотрели бегающие глазки с вертикальными, как у кошки, зрачками. На чистом русском

языке он изложил все, о чем только что ему говорил фашистский офицер:

— Перед вами господин лейтенант, он помощник командира одной из субмарин. Его интересует: кто из вас является старшим радистом. Признавайтесь сразу! Иначе будет хуже! Усвоили? Требует господин лейтенант, чтобы к нему подошли радисты... Говорю я понятно? Военного радиста возьмет он под особую охрану для отправки в Берлин. А гражданский радист немедленно должен занять в рубке свой пост. Он должен принимать и передавать в положенные сроки метеорологические сводки... За отказ господин лейтенант обещает одно — смерть! Нянчиться с вами им некогда. Они торопятся... Советую поживее исполнить его требование... Кто из вас старший радист?

Никто из полярников не пошевелился, не поднял головы. Офицер спрыгнул с порога радиорубки и с перекошенным от злобы лицом подскочил к морякам. Пиная пленников ногами, он хрипло орал:

— Вставайт! Моя стреляйт!..

Выхватив из кармана брюк пистолет, фашист наставил его на Котова:

— Кто ист радио?

— Повторяю, — виновато гудел переводчик, — за молчание будет пуля...

Котов резко отодвинулся от фашиста.

— Греби отсюда, гад! — Федор сжал кулаки. Сейчас он ничего не боялся. Ему хотелось любой ценой смыть с себя позор.

— Моя спрашивайт: кто ист радио?.. Молчиш?.. Моя стреляйт!..

Котов поднес связанные руки к лицу. Гитлеровский офицер выжидал, он, наверное, был уверен, что страх заставит заговорить стоявшего перед ним окровавленного матроса. Сигнальщик чуть приподнял лицо, порванная тельняшка вздулась на его груди (полушубок и верхнюю одежду гитлеровцы содрали с него в первые же минуты встречи). Лейтенант по-своему истолковал жест Котова и удовлетворенно кивнул головой.

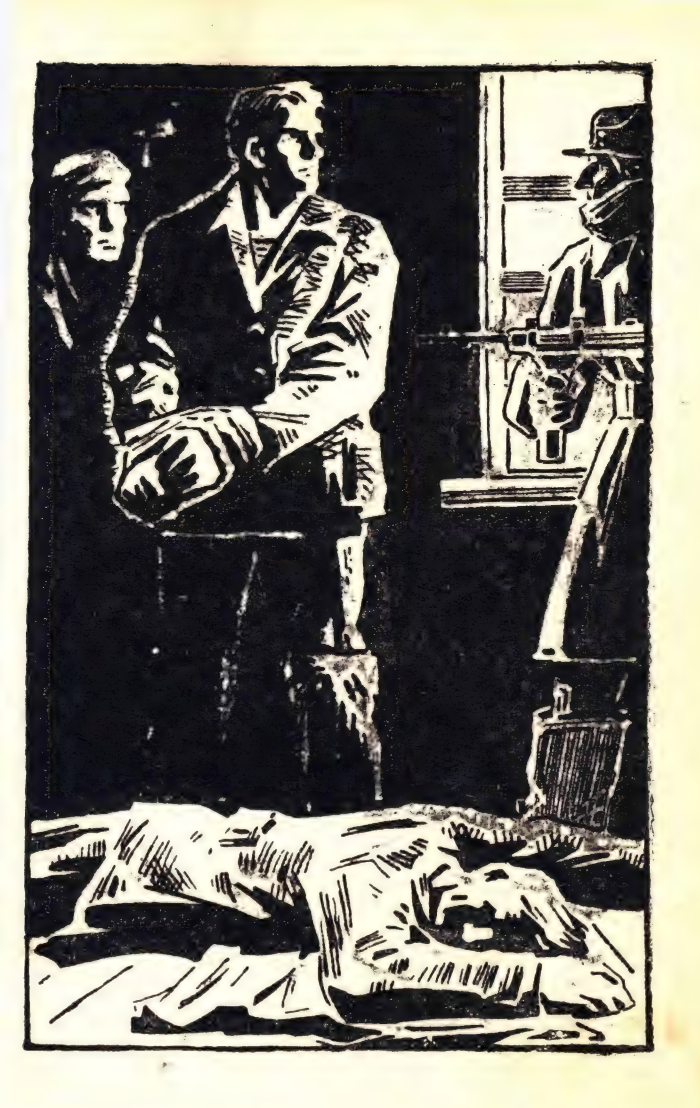
Зажав кулаками одну ноздрю, Котов с силой высморкался в довольную физиономию фашиста. Лейтенант вскинул пистолет и, не прицеливаясь, выстрелил Федору в грудь. Сигнальщик беззвучно сполз по стене на пол и сразу затих.

От неожиданного выстрела полярники вскочили на ноги. Офицер наставил пистолет на старшину Куткина.

— Ти ист радио?.. Моя стреляйт!..

— Стреляй, кретин! Все равно ничего не скажем!..

Старшина отступил шаг назад, как бы пя-

тясь от ствола пистолета, со всей силы оттолкнулся ногами и с возгласом: «Помирать, так под развернутыми знаменами!» наклонил голову и с разбега ударил фашиста в живот. Лейтенант лязгнул зубами. Гитлеровский офицер и советский моряк с грохотом свалились на пол. Связанный Виктор зубами тянулся к горлу лейтенанта. Но подоспевшие на помощь своему командиру фашистские матросы из автоматов прострочили тело старшины. И все-таки он сумел подняться на ноги. Страшный в своей ненависти, окровавленный, он спиной упал на подставленные плечи товарищей.

— Я — радист! — грудью подался на черный ствол пистолета Александр Ковский. — Что вам надо?

— Гут! Зеер гут! — обрадовался офицер и показал полярнику на открытую дверь радиорубки. — Коммен!..

Прежде чем сдвинуться с места, Ковский повернулся к оставшимся в живых полярникам.

— Не думайте обо мне плохо, мои вы дорогие друзья! — печально обронил он. — Иначе нас перестреляют, как куропаток... Прощайте, не поминайте меня лихом!..

— Не смей этого делать! — запротестовал Арков. — Ты же — коммунист!..

— Вы держитесь!.. — тихо сказал радист.

— Шнель, шнель! — торопил Ковского гитлеровец.

Радист незаметно подмигнул метеорологу и Итаеву. В следующее мгновение его спина уже исчезла за дверью радиорубки.

— Определенно, — проскрипел, наконец, переводчик. — Пуль на всех дураков хватит... Усвоили? На месте вашем, дабы спасти себе жизнь, я сообщил бы господину лейтенанту, где находится караван судов... О нем, впрочем, германские подводники уже знают. Ведут его ледоколы «Ленин» и «Северный ветер», пароходы ледокольного типа «Мурман» и «Дежнев». Вам, соотечественники, я рекомендовал бы быть сговорчивее...

То ли жалкий вид Протасова — согбенная тщедушная фигурка, скрипучий голос, то ли последняя фраза, но что-то вызвало у Итаева озорную улыбку.

— Волк тебе соотечественник! — радист погасил улыбку и теперь глаза его, без очков, щурились близоруко и презрительно. — Развяжи-ка мне руки, паразит, я тебе покажу, где находится караван судов!..

— Бросьте психовать! — махнул рукой Протасов. — Мне вы решительно ничего плохого сделать не сможете... Жалея вас, еще раз советую: выбирайте — сведения о караване

судов или жизнь!.. Особенно, скажу по секрету, командиров субмарин интересует отряд военных кораблей. Идет он вместе с судами и ледоколами. В составе его: лидер «Баку», эскадренные миноносцы «Разумный» и «Разъяренный». Все знаем мы!.. Не соврете! Все равно этому каравану не уйти от субмарин... Встретимся — расщелкаем, как семечки!.. А кто поможет германским подводникам узнать местонахождение каравана — того ожидает большая награда...

— А чем? — смиренным голосом спросил Итаев. — Наградят, спрашиваю, чем: орденом, медалью или деньгами?

— А вы практичны, молодой человек! — Протасов покосился на Итаева, на его морщинистом лице промелькнуло подобие улыбки. Не распрямляясь, будто ожидая удара сзади, переводчик продолжал: — Орден «Железный крест» — не меньше!..

— Так дешево! — разочарованно протянул Итаев и рванулся к переводчику. — Ах ты, гнида! Сам продался за тридцать сребреников и другие, думаешь, такие?.. Иуда!.. Я тебе даже деревянный крест не дал бы... Кол осиновый тебе в глотку — вот моя цена!..

Протасов вовремя отшатнулся и укрылся за столом. А когда связанный Итаев все же

приблизился к нему, он оттолкнул моряка обеими руками, но матрос устоял на ногах, затем правой ударил Протасова в колено. Ойкнув от боли, переводчик отпрянул в сторону и из-за пазухи куртки выхватил пистолет. Попрежнему косясь глазами и горбясь, он бесстрастно проскрипел:

— Вам же добра желаю... Обождите! Скоро вы у нас заговорите совсем иначе! Усвоили?

И он рысцой побежал в радиорубку.

— Убирайся-ка ко всем чертям! — вслед Протасову проворчал Арков. — Без такой мрази воздух чище...

В ту ночь лучший радист западного сектора Арктики Александр Ковский, как и всегда, в положенные сроки передал в эфир три метеорологические сводки. Две из них, идущие с дальних островов, были продублированы, а третья сообщала о погоде в районе мыса Эс. В каждый текст он вклинил по одной лишней точке. При этом Ковский учитывал, что он еще ни разу не ошибался в своих передачах. И теперь лишние знаки в его радиосообщениях должны насторожить людей на Большой земле, вызвать подозрение, разведку и — помощь.

Если бы даже фашистские диверсанты и обнаружили в передаваемом тексте «ошибки»,

то они бы, пожалуй, отнесли такое упущение на счет неимоверного нервного напряжения радиста. Нельзя же спокойно работать на ключе, когда в лицо направлен вороненый ствол автомата.

Когда Ковский отстучал третью радиограмму на Большую землю, Протасов, как бы между прочим, спросил:

— Начальником полярной станции кто?

Ковский промолчал, сверху вниз сожалеюще посмотрел на Протасова, который устроился на разножке вблизи офицера. Глаза переводчика забегали в стороны, как у мелкого воришки, пойманного с поличным. Он согнулся еще больше, будто на спину ему навалили мешок с кирпичами.

Лейтенант достал из кармана куртки плитку шоколада. Переломив ее пополам, он предложил Ковскому. Радист даже не взглянул в сторону офицера. Он сидел у окна и с тоской прислушивался к гудению свободного ветра.

Заговорил Протасов. Ковский почти не обращал внимания на его путаную речь, а потому мало что из нее понял.

— Брось рисоваться, радист! — скрипел переводчик. — Нет иного выбора у тебя. Говори!.. В гестапо попадешь, с тобой там церемониться не будут... Тебе советую как соотечественнику... Что тебе большевики? Дале-

ко они, их руки до тебя не дотянутся... Будь благоразумен!

Лейтенант, сидевший на табуретке у стола с передатчиком, будто одобрял каждую фразу жалкого Протасова, подергивая ногой, закинутой на колено другой. Внезапно офицер что-то прокаркал по-немецки. Ковский уловил знакомые слова: «комиссар», «аэродром», «Норге» — и весь внутренне сжался в тугой комок.

А Протасов, виляя кошачьими глазами, извиняющимся тоном перевел речь гитлеровского офицера:

— Гер лейтенант, как офицер доблестного германского флота, ценит стремление ваше быть верным присяге. О, он видит в вас русского хорошего моряка. Но нельзя же из-за комиссаров свою жизнь молодую губить... Комиссары далеко. Наказания никакого не бойся. Тебя оградят германские военно-морские силы. Все, что скажешь ты, будут знать трое: я, герр лейтенант и ты...

— Я сам себе комиссар! — поднялся Ковский с места. — Совесть моя — мой комиссар, Советская власть, Россия! И ваш разговор считаю бесполезным... Поняли — нет?

— О, радист! — Протасов, казалось, с восхищением посмотрел на него и немного вы-

прямился.—Человеку жизнь дается один раз, и прожить ее надо в свое удовольствие...

— У меня другое понятие о жизни, — перебил Ковский Протасова.

Переводчик не унимался. Он или ничего не понял, или просто не хотел понимать, бубнил свое:

— Никто и понятия не будет иметь о том, кто дал нам сведения. Господин офицер германского флота гарантирует это... Выкладывай, где в этом районе есть аэродромы, самолеты и ближайшие полярные станции? Не можешь не знать этого ты, радист!.. Повезло же тебе, за пустяк можешь, за какие-то несколько слов гребануть кучу денег и — жизнь... Мы можем переправить тебя в Норвегию. Там база наша... Дорожи молодостью своей. Никто не проведает о нашей беседе. Кроме тебя, все будут уничтожены, до единого. Ну, решай, садовая твоя голова!..

Ковский опустился на табуретку.

Протасов с сожалением скользнул по лицу Александра кошачьими зрачками и поспешил наставить их затем на небритый подбородок гитлеровского лейтенанта. Тот все еще покачивал ногой. Переводчик быстро-быстро, видимо, докладывал ему о своих «рекомендациях» радисту. Офицер изредка лениво кивал головой, наверное, одобряя Протасова.

Александр, плотно сжав обветренные губы, молчал. У него слегка кружилась голова. Как ему сейчас хотелось иметь в руках автомат, хотя бы вот такой, что висит на груди у рядом стоящего фашистского матроса. Ковский прикинул: удастся ли ему молниеносно сорвать с гитлеровца этот автомат и расстрелять всех, кто набился в радиорубку? Нет, не удастся! — решил он. Пока он вскочит, протянет руки и схватится за ремень, который затем надо перебросить через голову дюжего матроса, лейтенант и переводчик успеют разрядить в него свои пистолеты.

Неожиданно заговорил офицер. Он тоже пытался убедить Ковского:

— Господин функмат!.. Уговаривайт — не наш метода... Твой свобода, жисть... о, как это по-русська... зависело от твоя признаваний. Говори, где бывайт караван, аэродром, аэроплане?.. Твоя считайт: никто здес не знайт... Гарантум — словье официр германский субмарине... Шнель-шнель!.. Ми — германский рас умейт ценить часы...

Ковскому хотелось схватить тяжелую коробку передатчика и опустить ее на голову фашиста. В этот миг он пожалел о том, что когда-то, устанавливая этот прибор, укрепил каждый его болт двумя гайками. «Если я скажу им все, что я о них думаю, застрелят они

меня сразу или погодя?» — подумал Александр как о ком-то ином, за которым сам наблюдал со стороны.

— Шнель, шнель! — поторопил радиста лейтенант, прикуривая от никелированной зажигалки сигарету. — Бистро, бистро!..

— У русских предательство не в моде, — будто боясь, что ему не дадут выговориться, загорячился Ковский.—Я—коммунист!.. А попростецки вам сказать, то я плевать хотел и на ваши посулы, и на ваши угрозы... Поняли — нет?

Лейтенант, надменно улыбаясь, медленно наставлял пистолет на радиста. Александр поднялся с табуретки, чтобы лицом встретить смерть. Вперед он выставил левую половину груди, где под рубахой был пришит клеенчатый чехольчик с партийным билетом внутри. Правой рукой Ковский показал на это место и почти приказал:

— Стреляй, гад, сюда!.. Мое сердце — здесь!..

Но лейтенант выстрелить не успел. Стоявший рядом конвойный матрос ударил Ковского по голове прикладом автомата. Радист почувствовал тупую боль и провалился в глубокую черную яму, исполосованную летающими разноцветными искрами.

12. ЗАСАДА

Утро выдалось сумрачным, ветреным. Низко над морем неслись на север набитые снегом тучи. И Пэля с Петром Ильичом радовались этому: ветер оттирал лед от континента.

До полудня юнга и Гвоздарев проходили по каменистому и обледенелому берегу бухты Воскресения в бесплодных поисках следов погибшего гидрографического корабля «Пурга». Волны острыми клыками грызли серый гранит, белой пеной обрызгивали снег, застрявший среди валунов. На снегу вспухали оледенелые шишки светло-зеленого цвета. Ходить по ним было больно и неудобно: ноги соскальзывали, подламывались, и юнга с полярником часто спотыкались.

Гвоздарев уже намеревался возвращаться в избушку. Он еще раз огляделся вокруг, тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой.

— Пэля, ко мне!

Юнга находился от Петра Ильича метрах в двухстах. Гвоздарев зашагал было в сторону избы, но пронзительный свист мальчика заставил его обернуться. Гвоздарев увидел, что Пэля отчаянно машет ему руками. Зимовщик заторопился к нему, чувствуя, что мальчик нашел что-то такое, чего не попалось

ему. Еще издали он заметил среди груды лобастых, прилизанных волнами камней красное пятно. Подойдя еще ближе, он безошибочно определил: среди валунов застрял выброшенный морем спасательный круг. Возле него-то и застыл Пэля, серьезный, едва не плача.

Гвоздарев бережно снял круг с треснувшего камня. Перевернув широкий, бело-красный пробковый обруч, он прочел: «Пурга». Полярник потянул шапку с головы. Его примеру последовал Пэля.

В полном молчании путники поплелись назад, к избе. Возле нее их встретил радостный собачий лай. Но потом псы будто почувствовали человеческую печаль и угомонились.

Дымными полосами начинала стелиться снежная поземка. Пэля определил, что вскоре налетит пурга; надо торопиться в обратный путь. Но он ничего не сказал Петру Ильичу— юнга привык верить старшим, полагаться на их опыт и знания и во всем им повиноваться. Гвоздарев снова тяжело вздохнул, видно, что ему не давала покоя трагическая судьба гидрографического корабля. Поймав на себе вопросительный взгляд мальчика, откровенно признался:

— Опасно трогаться в дорогу!.. Однако надо... Надо!

Начальник «Полярки» принюхался к влаж-

ному и пресному воздуху, еще не вымороженному арктической стужей.

— Что делать будем, юнга?

— Ехать к «Полярке»!—предложил мальчик.

— А если в буран попадем, тогда как?

— Нисего не страсно!.. Тундра моя — я ее хозяин... Доедем! Ань-дорова-те!..

— Добро! — согласился Гвоздарев, и Пэля бросился готовить упряжку к новой поездке.

Принимая такое решение, начальник «Полярки» надеялся не только на компас, укрепленный на левой руке, на свой опыт зимовщика. Он уже поверил в Пэлю, в его сообразительность, выносливость и выдержку. И где-то в дальнем тайнике души прятал признательность к этому ненецкому мальчику, обладающему чутьем следопыта и охотника. Такой никогда не растеряется, не подведет, не захнычет!

— А не провалимся мы снова в трещину? — пошутил Петр Ильич. — Не хотелось бы второй раз оказаться в ледяной могиле...

Пэле хотелось горячо доказывать, что собаки сами по старому следу уже не пойдут, что бояться нечего: в тундре в пургу всякое может быть, но это вовсе не значит, что надо

сидеть в чуме или в доме и никуда не показывать носа. Явно подражая своему отцу, он степенно ответил:

— Спесыть нада!.. Хад будет... Хад идет...

С радостным лаем и визгом собаки сдернули нарты с места. Длительный отдых и хороший корм восстановили их силы. Они быстро бежали в гору.

Но Пэле не терпелось, и он раз за разом подгонял их призывным возгласом:

— Ус!.. Ус, Ропак!..

Легкие санки поскрипывали и покачивались. Юнга сидел впереди, управляя упряжкой, а начальник «Полярки» бежал вслед, готовый помочь собакам, если им не под силу окажется крутой подъем. Но псы, казалось, рвались из сбруи, и Гвоздарев едва поспевал за ними.

— Ус!.. Ус!.. Ус!..

Когда собачья упряжка перевалила гряду прибрежных сопок, перед глазами путников расстелилась бескрайняя прилизанная ветрами снежная равнина. И хотя над головой плыли черные с белыми каемками по краям тучи, будто пологом закрывшие свет запоздалого солнца, снег все равно ослеплял людей своей белизной. Далеко на горизонте виднелась зубчатая стена гор. Зоркий Пэля определил, что с тех гор на равнину сползает косматая боро-

да то ли тумана, то ли облака. А тишина стояла такая, что ушам было больно.

Собаки рьяно рвались вперед. Гвоздарев упал на нарты, чтобы передохнуть после долгого и утомительного бега. Чтобы помочь псам, он начал отталкиваться карабином от земли, как лыжной палкой. Надо было торопиться: ни Пэля, ни начальник «Полярки» не верили штилевой погоде: уж они-то знали, что в Арктике погода всегда была врагом человека, врагом беспощадным, злым и коварным. А потому попеременно подгоняли и без того стремительных ездовых собак:

— Ус!.. Ус!.. Ус!..

Ропак вел всю стаю уверенно. «До чего опытный и умный Ропак! — восхищался Пэля. — Чувствует, что ни одна собака не ленится, не кусает за ноги соседнего зверя. Полный порядок!»

Арктика всегда богата внезапностью. Так случилось и на этот раз. Когда собачья упряжка преодолела почти половину пути, неожиданно, словно взорвалось что-то, ударил колоссальной силы ветер. Снег, как мучная пыль, взвился вверх, потом расслоился и туманными полосами полетел над землей. Собаки, нарты скрылись в этой кутерьме, как и туловище Пэли, только его голова все еще плыла поверх косматой полосы, и он все еще

видел зубчатую стену уже недалеких гор, направляя к ней псов. Там, за сопками, находилась обетованная «Полярка».

Через несколько минут ветер одичал совсем. Пэля хотел было рукой вытереть лицо, но так и не донес ее — ветер отталкивал руку в сторону. «Не успеем до настоящего бурана проскочить к «Полярке». Озадаченный мальчик обернулся к Гвоздареву. Тот приподнял голову, что-то крикнул юнге, но Пэля не расслышал: ветер отнес слова Петра Ильича в тундру. Только по губам мальчик догадался, что начальник станции распорядился:

— Гони!

Вокруг уже гремело, грохотало и ревело. Пэле чудилось, что качалась земля, а не нарты. Снег уже властно закручивал упряжку в свои седые и колючие космы, вокруг ничего не было видно, а потому юнге и казалось, что они стоят на месте. И только по тугому натяжению собачьей сбруи догадывался, что псы бегут хорошо. Но надолго ли хватит у них сил?

Пурга!.. Хад!

Изредка тягучие полосы бурана разрывались, и тогда Пэля видел высоко в небе, почти над головой, свою любимую звезду — Нгер Нумги. Она, как всегда, мерцала синим холодным светом. Но тут юнга заметил, что

начальник не обращает на нее внимания. Мальчик еще не знал, что моряки, когда находятся в высоких широтах Арктики, не выбирают пути по Полярной звезде: она стоит высоко в зените. Через минуту седые косы летучего снега спутывались, и небо исчезало, а тусклый день походил на поздние сумерки.

Молчание Петра Ильича убеждало Пэлю в том, что он правильно, по точному курсу ведет упряжку. Да и что Гвоздарев мог произнести, если вокруг ревело и грохотало, когда юнга не слышал даже собственного голоса, крича на собак. Рот забивал упругий ветер со снегом, забивал легкие, и, чтобы его выдохнуть и сомкнуть губы, мальчику приходилось отворачиваться в сторону. Да и вперед смотреть было почти невозможно — пурга слепила глаза, колола их мельчайшими, твердыми, как песчинки, снежинками. И юнге приходилось высматривать дорогу боком, сквозь полуприкрытые веки. На бровях и ресницах наплавились ледяные пластинки, одежда и шапка покрылись хрустальной корочкой, озябли руки и ноги. Остановиться сейчас — значит погибнуть... И Пэля все гнал и гнал собак. Но псы, точно понимая беспокойство маленького хозяина, и без того изо всех своих собачьих сил тянули нарты.

Вдруг Пэля слухом уловил какие-то подо-

зрительные звуки, они как-то сразу вонзились в рев пурги. Он крикнул на собак и, соскочив с нарт, опрокинул их. Гвоздарев выпал в снег. Поняв, что произошло что-то очень важное, начальник «Полярки» подполз к юнге и, приблизив свое лицо к глазам мальчика, одними губами спросил:

— Что произошло, Пэля?

— Пропасть! — также одними губами ответил Пэля.

Он привязал к нартам, а затем и к руке семейный шнур-фал и пополз вправо. Через несколько метров такого пути он скорее почувствовал, чем увидел, как перевеивалась пыль. Юнге, видавшему и не такое в тундре, все стало ясно: слетая с обрыва, снежная туча, прежде чем осесть, клубилась в воздухе. Внизу, едва заметное сквозь белую сетку снега, зловеще рокотало море. Пэля инстинктивно попятился назад. Ропак тоже почуял опасность, рванул было упряжку, но уставшие псы успели залечь, они не поднялись. Каждый зверь согнулся калачиком и спрятал нос под свой пушистый хвост. Студеная кутерьма злобствовала с нарастающей силой.

Гвоздарев рукой показал Пэле на компас, а потом махнул ею правее того направления, по которому они до сих пор двигались. Юнге с помощью Ропака, покусывавшего псов,

все же удалось поднять собак на ноги, он повернул упряжку, гикнул — и нарты понеслись. Но скорость их движения была уже не та: псы явно устали. Мальчик знал, что если они еще раз залягут, то уж никакая сила их не поднимет. Уж ему-то известен упрямый нрав ненецких ездовых собак. А это — гибель!

Теперь Пэля и Гвоздарев поочередно бежали за нартами, чтобы собаки как можно дольше не выдохлись. И если Пэля, усталый и раскрасневшийся от бега, валился на нарты, то с них в тот же момент вскакивал Петр Ильич. Не видно было ни зги.

Возраст и неимоверное напряжение сил подвели Гвоздарева. Он уже не мог бежать за нартами, дышал ртом, губы его из бледных, разрезанных тончайшими морщинками, стали кумачовыми и пухлыми. Петр Ильич чувствовал, как отяжелели ноги, будто на них были одеты не меховые сапоги, а башмаки со свинцовыми подошвами. Он с большим трудом, как во сне, переставлял ноги, порой ему казалось, что перед глазами уже высятся постройки «Полярки», ее флюгер и антенны. Хотелось крикнуть Пэле: «Остановись, мальчик!» Но Гвоздарев решительно отгонял это наваждение, он сознавал, что это — галлюцинация. И он опять бежал и бежал. Ему хотелось,

чтобы Пэля подольше отдохнул на нартах, он жалел и берег мальчика.

Вдруг Петр Ильич споткнулся и упал в снег. Упряжка замедлила свой бег. Пэля попридержал собак и соскочил с нарт. Подбежав к Гвоздареву, помог ему подняться.

— Пэля!.. А может, отдохнуть попытаемся?

Юнга понял, что с этой минуты на него легла и забота о Петре Ильиче. Видно было по изможденному лицу, что он сильно устал, поэтому и заговорил об отдыхе.

— Отдыхать нельзя! — закричал юнга. — Останавливаться нельзя!

Он помог Гвоздареву лечь на нарты и снова погнал собак. А вокруг по-прежнему разверзался белый ад. И люди, и собаки походили уже на ледовые изваяния, но не застывшие на месте, а шевелящиеся под напором ветра. След нарт сразу же заметало снегом. Тучи снега с бешеной яростью смешали все: небо, землю и море. И нельзя было путникам остановиться, чтобы отдохнуть, собраться с силами, нельзя было сбиваться с пути, нельзя было и возвращаться назад — в промысловую избушку на берегу бухты Воскресения. Наступил такой момент, когда за один из этих поступков Арктика давала только одну плату — смерть.

Пэля сейчас тревожился только об одном: как спасти начальника «Полярки». Для этого требовалось строго-настрого выдерживать курс на пост наблюдения и связи. И еще: не полегли бы собаки! Гнать их надо до последней возможности!.. Ох, и трудные же заботы выпали на долю ненецкого мальчика!

Вдруг, словно что-то вспомнив, Пэля приостановил бег собак, поравнялся с Ропаком. Привязав к ошейнику вожака свой шнур, освободив его от нарт, юнга второй конец веревки привязал к своему поясу. Этим Пэля стремился обезопасить себя и Гвоздарева от всяких неожиданностей. Ему вспомнилась русская поговорка: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь!» И все же гнев природы, сложившаяся обстановка вынуждали мальчика начать охоту именно за «двумя зайцами».

Связав себя с Ропаком, Пэля решил: если собаки окончательно выдохнутся и залягут, то он и вожак вдвоем потянут упряжку вместе с нартами. Вышел же он сейчас наперед упряжки, чтобы сдерживать псов при ненужных рывках и подтягивать их, когда они замедляли бег. Надо беречь таявшие силы зверей.

Пройдя быстрым шагом по снегу несколько метров, мальчик внезапно остановился. Новая тревога застучала в мозг. А не выскочит

ли упряжка в такой снежной карусели на морской лед? По спине побежали мурашки, холодными лапками прикасаясь к коже. Пэля мгновенно выхватил из чехла нож и, став на одно колено, начал долбить снег. Вскоре нож зазвенел, его лезвие попало на лед. Осколки льда юнга бросил себе в рот, рассосал, как кусочки сахара, и облегченно вздохнул: лед оказался совершенно пресным и чуть-чуть припахивал торфом. Значит, это береговой лед. Все в порядке! Они находятся на земле.

От радости, что не свершилось худшее, юнга уже не обращал внимания на пургу, ему теперь она казалась слабее, чем была на самом деле. Он тронулся с места и повел за собой скуливших собак. Отдохнувший Петр Ильич плелся позади упряжки, держась, однако, руками за нарты. Начался невидимый подъем, путники теперь пошли по ребристым отрогам гор, на которых снег не задерживался. Они спотыкались, падали, ползли на четвереньках. Мальчик догадался, что они добрались, наконец, до тех дальних гор, которые увидели со стороны бухты Воскресения в начале своего путешествия. За этими горами, а вернее на их прибрежных склонах, и приютилась «Полярка» мыса Эс. Эта догадка прибавила юнге сил. Он ускорил шаги, срывался почти на бег, увлекая за собой собак.

Но, как часто бывает в Арктике, погода резко изменилась. Едва Пэля выбрался на вершину, как почувствовал, что ветер ослабел, а снег стал уже не таким колючим. Понял это и Петр Ильич. Хлопнув юнгу рукавицей по спине, он прокричал:

— Воскресли мы, юнга! Счасливая у тебя звезда — Нгер Нумги!

К складам-амбарам юнга и полярник подкатили в густых сумерках. Они предполагали, что из жилого дома с веселыми возгласами, с фонарем и тулупом выбегут зимовщики и помогут им, замерзшим и усталым, скорее добраться до теплого кубрика. Однако произошло иное.

Едва упряжка остановилась у жилого дома, навстречу выскочил незнакомец с пистолетом в руке. На нем была обычная одежда полярников: меховая куртка, ватные брюки, унты. Гвоздарев хотел было его окликнуть, но тот вдруг выстрелил в щенка, который вцепился зубами в его унты.

— Негодяй, — бросился Петр Ильич к незнакомцу. — Прекрати стрельбу!..

В этот момент из дома выбежали несколько долговязых парней, одетых так же, как и первый незнакомец. Осветив их фонариком, Гвоздарев на голове одного из них увидел черную пилотку со свастикой. «Гитлеров-

цы!» — эта догадка обожгла Петра Ильича, он все еще не мог оторвать взгляда от черной пилотки, на которой дрожал луч карманного фонаря.

— Кажется, вы начальник? — Это спросил коротконогий мужчина. — Давненько мы вас ожидаем...

— А кто вы такие? — вырвалось у начальника станции.

В ответ раздался издевательский, злорадный смех.

Опустив широкие плечи, Гвоздарев в сопровождении вооруженных фашистских матросов направился в жилой дом. Туда же незваные гости потащили и кусавшегося Пэлю. Юнга сразу сообразил, что сопротивляться этим дюжим верзилам бесполезно, они выкрутят руки, могут убить. Но все равно мальчик кричал, упирался и грыз им пальцы, стараясь отвлечь врагов от собак, юркнувших за амбар.

13. КОНЕЦ ПРЕДАТЕЛЯ

Войдя в кубрик, Гвоздарев осмотрелся. При слабом свете керосиновой лампы он увидел троих связанных товарищей. Даже в полутьме Петр Ильич разглядел их окровавленные лица. Зимовщики лежали на полу в даль-

нем углу, у глухой стены, за опрокинутой кроватью.

Фашистские матросы, по одному и по два, одетыми валялись на койках полярников. В помещении висел затхлый запах давно не мытого тела, перемешанный с кисловатым ароматом плохого табака.

— Друзья!—обратился Гвоздарев к товарищам. — Как же это произошло?

Начальник «Полярки», воспользовавшись тем, что его конвоиры ушли в радиорубку, оставив только коротконогого человечка, подошел к Ковскому, Аркову и Итаеву. Поставив на место кровать, Петр Ильич помог товарищам сесть на нее. Они молчали. Наверное, присутствие переводчика заставило их держать языки за зубами.

Но Протасов по-своему расценил молчание полярников. Он взял со стола журнал «Большевик», встряхнул его и, обратившись к Гвоздареву, спросил:

— Большевистской политикой увлекаешься? Уж за одно это всю вашу капеллу шлепнуть следовало... Усвоил?

Протасов усмехнулся и, кося глазами на угол, проговорил:

— Оказывается, господин начальник, не только со мной, но и с тобой они не хотят разговаривать...

— А ты кто такой? — в упор спросил Гвоздарев, стараясь заглянуть в ускользающие в сторону зрачки лысого. «Чего он прячет глаза? Какой-то невзрачный и жалкий тип!»

Чтобы лучше рассмотреть его, начальник «Полярки» одел очки. Что-то давно виденное, полузабытое будило память. «Определенно, я где-то его видел! — вспоминал зимовщик. — Но где и когда?»

Гвоздарев пододвинул табуретку к столу, сел на нее. На подставленное колено усадил побледневшего Пэлю.

— Я-то? — криво ухмыльнулся тщедушный человечишко. — Протасов я! — Диверсионно-десантной группы переводчик, которая высадилась здесь с двух германских подводных лодок... Попасть сюда было не так уж трудно: ведь Россия стоит фасадом к Северу! Так, кажется, говаривал один из рассейских ученых? Усвоили?..

— Ого!.. Какой же ты россиянин, — полярник брезгливым жестом остановил переводчика, — если помогаешь врагам России?

Он, не скрывая своего презрения, смотрел на предателя. «Я его, определенно, где-то видел!»

— Заткнись! Брось громкие фразы! — огрызнулся Протасов.

Гвоздарев молчал, прижимая Пэлю к себе.

— Да ты, начальник, не ерепенься-то очень! — брюзжал Протасов. — Спета твоя песенка! Отсюда никуда не скроетесь ни ты, ни твои подчиненные... Поэтому ты должен быть благоразумным и сговорчивым...

— Протасофф! — позвали из радиорубки, и переводчик мелкой рысцой побежал туда.

Через открытую дверь в кубрик ворвались шипение радиоприемника, свист, писк «морзянки». Но вот дверь захлопнулась, и все звуки исчезли.

— Товарищи! — вполголоса заговорил Гвоздарев, обращаясь к полярникам.—Объясните толком, как это произошло?

Тихо-тихо, чтобы не разбудить спавших гитлеровцев, докладывал Александр Ковский. Петр Ильич почти не слышал его голоса, но

все понимал по движению распухших губ радиста.

Фашисты высадились на берег ночью. В это время вахтенный сигнальщик Котов спал. Гитлеровцы без особого труда и шума овладели «Поляркой», разграбили все ее припасы и одежду зимовщиков. Теперь они пытались что-либо разузнать об арктическом караване судов.

— Рация в порядке? — шепотом спросил Гвоздарев.

— В порядке, — печально ответил Ковский,—да пользы от нее никакой, один вред... Поняли — нет?..

Петр Ильич неопределенно пожал плечами. Тогда Александр торопливо рассказал ему о том, что гитлеровцы уже трижды водили его под конвоем в радиорубку. Он передал на базу и на Большую землю данные о погоде. Сообщил также, что на станции никаких происшествий нет. В эти радиограммы он сумел вклинить лишние точки. Так что командование поймет, что здесь, на мысе Эс, случилась беда.

Гвоздарев кивком головы одобрил Ковского.

Дверь радиорубки снова распахнулась. Из нее в кубрик спустился Протасов. Приблизившись к столу, он сухо объявил:

— Ты, начальник, тяжело болен. Запросили мы о срочной посылке самолета за тобой... Часа через два-три он пожалует сюда...

Протасов опять закурил сигарету. На его непокрытой голове топорщился грязный пушок — по краям лысины. Измятые щеки были запачканы, а шершавый от седой щетины подбородок выпятился вперед, будто у старой беззубой старухи. «Видно, не сытно живется на фашистских хлебах, предатель?» — хотелось спросить Гвоздареву у переводчика. Но этот вопрос вытеснила большая тревога. Заявление Протасова ошеломило Петра Ильича. Если на базе поверят лживой радиограмме, то обязательно вышлют сюда самолет. И наверняка приведет его лучший полярный летчик капитан Черевко. Начальник «Полярки», правда, утешал себя тем, что туман и плохая видимость сделают посадку самолета невозможной.

— Благодаря вашему наблюдателю, — продолжал предатель, — накрыли мы ваше жилье. Теперь важно караван бы ваш разыскать... Где сейчас он может находиться? Не пробиться ему мимо шхер — шалить начал лед... Мне велено выяснить это у вас... Усвоили?

Часто повторяемое изменником «усвоили?» осветило память Гвоздарева, воскресило со-

бытия давно минувших лет. Он сразу все вспомнил...

Издавна в Архангельске враждовали две семьи, живущие в противоположных концах города. Гвоздаревы — на Кузнечихе и Исаковы — на Смольном Буяне. Среди рыбаков и моряков рос Петька Гвоздарев, а среди купчиков — его однолеток Кешка Исаков.

Однажды встретились они на пристани Воскресенский Ковш, на правом берегу Северной Двины у морского вокзала. К пристани в тот момент швартовались английские корабли с десантом войск на борту. Это было 2 августа 1918 года. Кешка Исаков с слюнявым восторгом встречал заморских пришельцев и, злобно радуясь, посылал вслед ушедшим вверх по реке красным судам грязные ругательства. Каждую свою поганую фразу купчик заканчивал словом «усвоили?» Петька слышал это и от ненависти сжимал кулаки. И это захлебывающееся «усвоили?» навсегда засело в его мозгу. Тогда Кешка сам привел в свой дом трех английских офицеров на постой. А вскоре его отец открыл на набережной большой магазин, в котором торговал мукой. Лавочка Исаковых «прихлопнулась» сразу, как только стало известно, что красные войска штурмом овладели городом Шенкурском.

Распродав наскоро все свое имущество, оборотистый купец на иностранном пароходе бежал за границу. А сынок его остался, но из города исчез в неизвестном направлении. Правда, во время коллективизации младший Исаков объявился было в Архангельске, но ненадолго. Петька Гвоздарев, ставший к тому времени уже Петром Ильичом, узнал об этом из случайных разговоров жителей, хорошо помнивших мироедов Исаковых.

Потом горком партии послал Гвоздарева в Большеземельскую тундру проводить коллективизацию среди ненецких оленеводов. И сразу он заметил, что кто-то хитро и опытно ставит ему палки в колеса. Часть ненцев уклонялись от вступления в артель. Уклонялись не прямо, они вроде бы публично и не отказывались, а просили только дать им время на раздумье. И стоило уполномоченному горкома уехать из стойбища, как «раздумывающие» ненцы снимали свои чумы и торопливо перебирались в более пустынные места просторной тундры. «В чем тут дело?» — гадал тогда Гвоздарев.

Это спустя некоторое время разгадала милиция. Оказалось, что в тундре объявился какой-то князек, часто скрывающийся еще и под личиной юродивого шамана. Он-то и угрожал ненцам расправой и карами злых духов за

вступление в артель, а наиболее влиятельных вождей племен одаривал. Однажды Гвоздареву случайно удалось напасть на след этого неуловимого князька-шамана. Молодой был тогда Петр Ильич, горячий, сразу бросился преследовать негодяя. Обнаружив за собой погоню, тот устроил засаду. До сих пор при перемене погоды у Гвоздарева ноет ключица, когда-то перебитая пулей князька. Но и Петр Ильич успел перед тем, как потерять сознание, послать пулю в голову вредителя. Очнулся архангельский уполномоченный в чуме старого ненца. И сразу же с беспокойством спросил, где тот, который в него, Гвоздарева, стрелял. Ненец сочувственно ответил:

— Тундра большая, и человек в ней свободен, как ветер, куда захочет, туда и подастся... А ты отстрелил ему ухо!..

Впоследствии Гвоздарев узнал подробности. Князьком-шаманом оказался сынок архангельского купца со Смольного Буяна — Кешка Исаков, известный в городе пьяница и хулиган.

«Так вот что ты за птица! — про себя воскликнул Петр Ильич, рассматривая будто бы срезанное правое ухо предателя. — Ишь гусь, старый знакомый!»

Он внимательно стал прислушиваться к болтовне переводчика. Тот откровенно бахва-

лился, хотя его гнусавый голосок звучал тихо:

— По пути сюда мы расправились с какой-то старой калошей. Вздумала она огрызаться против силы таковой, ее и потопили артиллерийским огнем. В команде все матросы оказались набитыми дураками. Не захотели они сдаваться в плен и в воду бросились, хотя им дали минуту на размышления. Конечно же, утонули все, как топоры... Усвоил?

При этих словах предателя Пэля со сжатыми кулаками ринулся к плешивому. Гваздарев перехватил мальчика.

— О, большевистский выкормыш! — просипел переводчик. — Постой, да ты никак из северных туземцев?

— Не трожь мальчонку! — повелительно произнес Гвоздарев, и его слова заставили Протасова вжать голову в плечи.

— Продолжение следует, — кисло усмехнулся переводчик, пряча глаза. — Советую быть вам сговорчивее со мной... Добра же хочу я вам... Жизнь вашу спасти. Поверьте, мне очень жаль вас как соотечественников, по которым я соскучился...

Гвоздарев поморщился, но вслух все же спросил:

— Жизнь спасти?.. Ценой предательства?.. Не-ет, не на тех напали...

— Жаль, — притворно вздохнул переводчик. — Зачем громкие слова эти? Ни к чему они здесь. Никто не заставляет вас кого-то там предавать. Просто информация о караване... и все! Зачем же пустяк превращать в проблему?

Переводчик пожевал измятыми губами.

— Так где же караван судов? У островов Мона? А может быть, в проливе Вилькицкого?

Гвоздарев отвернулся. Он думал, как спасти полярную станцию от разрушения и избавиться от пришельцев. Пэля с откровенной ненавистью наблюдал за переводчиком и крепко жался к груди Петра Ильича.

— Говори же, начальник! — настаивал Протасов. — По-хорошему убеждаю... Будешь молчать — хуже себе сделаешь. Передадим в лагерь военнопленных в Вардё — в Норвегии...

Петр Ильич выпрямился.

— Ты, фашистский холуй Исаков! Все равно не уйдешь от возмездия, не укроешься ни за какими кордонами!..

— Не митингуй здесь, начальник, — скривился переводчик, словно проглотил клюкву.— Не забывай, где ты...

Помолчав, переводчик привычно пожевал мятыми губами, потом затряс головой, будто хотел что-то вспомнить. В первый раз за вре-

мя разговора он быстро взглянул на Гвоздарева и пробубнил:

— Почему ты назвал фамилию — Исаков? Она тебе знакома? Хотел бы я знать...

— Я — Гвоздарев!..

Протасов-Исаков резко отшатнулся от Петра Ильича, будто его стегнули хлыстом по лицу. Он даже глаза зажмурил. Потом открыл глаза, вильнул ими в сторону и злорадно воскликнул:

— Ага, попался!.. Помнишь схватку у колхоза «Нгер Нумги»? Заставил ты меня похоронить настоящую фамилию.

Протасов-Исаков вроде бы встряхнулся. По-прежнему избегая смотреть в лицо Петру Ильичу, он заныл:

— Тогда там, в тундре, смотрю я, выжил ты, Гвоздарев! Не выжить тебе теперь!.. Шлепнут тебя немцы, если не скажешь, где находится караван судов, эсминцы и ледоколы...

— Значит, мне сохранят жизнь за признание? — с издевкой спросил Петр Ильич.

— Ладно! — совсем миролюбиво отозвался Протасов-Исаков. — Просто погорячился я сейчас... Выкладывай сведения о караване и катись на все четыре стороны...

— Ну, этого, положим, ты со своими пиратами от нас не дождетесь!

— Не хошь, как хошь, — переводчик обидчиво поджал губы. — Свое сделал я дело, а остальное пусть распутывают немцы...

Снаружи донесся рев авиационных моторов. Чувствовалось, что самолет прошел очень низко над «Полояркой». Гвоздарев обрадованно посмотрел на потолок. Он, конечно, не знал, что, прежде чем повернуть на базу, капитан Черевко решил еще раз попытаться взглянуть на станцию.

— Быстро пожаловал, по времени не должно быть, наверное, случайный. — Переводчик заглянул в окно. — Стемнеет скоро совсем, да и опять погоду мутит то ли снежный, то ли морозный туман!.. Жаль, самолету не сесть...

Прижимая к себе юнгу, Гвоздарев ненароком прикоснулся к его руке. Пэля крепко захватил пальцы Петра Ильича и потянул их к своему поясу. Сначала начальник «Полярки» не сообразил, чего хочет мальчик. Но вот тот придавил его ладонь к своему боку. Под курткой зимовщик нащупал нож. И он решился. Пэля почти не дышал, когда почувствовал, как тихо, незаметно для переводчика зимовщик вытаскивал нож.

Протасов-Исаков тем временем закуривал новую сигарету. После первой затяжки его голова утонула в струе вонючего дыма. Этот

выгодный момент и использовал Петр Ильич. Он нанес в самый висок изменнику молниеносный удар ножом.

В следующее мгновение Пэля уже зажимал хрипевший рот предателя, а Гвоздарев медленно опускал обмякший труп Протасова-Исакова на пол, за столом. Потом привалил его к стене, как бревно.

Петр Ильич быстро распрямился и подошел к Ковскому, Итаеву и Аркову. Он занес было нож, чтобы перерезать веревки, стягивавшие их руки и ноги, но в этот момент приоткрылась дверь радиорубки и оттуда повелительно крикнули:

— Протасофф! Шнель-шнель!..

Дверь опять захлопнулась. Теперь зашевелился фашист на крайней кровати, потревоженный возгласом. Он прижимал к себе автомат. Арков и Ковский отрицательно замотали головами. Бородач прошептал:

— Уходите хоть вы... Спешите, иначе будет поздно. Мы будем вас ждать!..

Гвоздарев в душе согласился с ним. Нужно хоть кому-нибудь из полярников уйти от фашистов и сообщить советскому командованию о появлении вражеских подводных лодок у западного побережья Таймырского полуострова. До ближайшей, соседней, полярной станции — сто десять километров по бездорожью.

Больше двух человек собаки все равно не потащат. Да и всем зимовщикам не выйти из жилого дома. Часовой заподозрит неладное и перестреляет их, прежде чем они доберутся до его глотки... Петр Ильич с сожалением опустил нож.

— Мы сюда обязательно вернемся! — сказал Петр Ильич товарищам. — Держитесь!..

В эти минуты невероятного нервного напряжения Пэле казалось, что сердце его колотится гулко и громко. Он даже рукой схватился за левую сторону груди, чтобы заглушить его стук.

Гвоздарев подтолкнул юнгу к двери. В коридоре они остановились и прислушались. Вокруг царила тишина, только изредка посвистывал ветерок, забравшийся в щели постройки. Петр Ильич резко, по-хозяйски, открыл дверь. В лицо Пэле и полярнику пахнуло студеным воздухом.

— Вэр ист да? — рявкнул часовой, замедляя шаги.

— Протасов! — уверенно бросил Петр Ильич.

— Доннерветтер! — обругал его фашист и прошел за угол дома.

Полярники на цыпочках добежали до склада-амбара, за которым находилась упряжка. При виде своих людей псы не за-

тявкали, не завизжали, а умный Ропак носом ткнулся в колени мальчика.

— Ус! — свистящим шепотом поднял псов Пэля. — Ус!..

Упряжка отъехала от полярной станции метров на триста, когда позади лопнул выстрел. Над нартами пронесся юркий светлячок трассирующей пули. А вслед за этим выстрелом просвистела строчка новых соломенного цвета раскаленных пуль.

До гребня сопки оставалось метров сто, там уже будет безопасно.

На мысу разгорелась отчаянная пальба. Прислушиваясь к ней, Пэля уловил глухой стон начальника станции. Внезапно псы с невероятной силой рванули облегченные нарты.

Пэля обернулся назад. Гвоздарева он увидел лежащим на снегу.

Собаки, напуганные стрельбой, без команды рвались вперед.

Пэля остановил упряжку.

14. НЕУТЕШИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Капитан первого ранга приказал радистам держать с самолетом Черевко постоянную радиосвязь. Он хотел уже покинуть помещение, когда один из матросов тревожно доложил:

— Мыс Эс замолчал!

— В чем дело? Проверьте радиоаппаратуру, настройку!

— Все проверено, товарищ капитан первого ранга! Аппаратура в полном порядке...

В рубке уже давно находились все радисты военно-морской базы. Матросы молча переглядывались между собой, словно им было очень тяжело разговаривать. Не отзывался пока и экипаж Черевко.

Хатангин глазами следил за лобастым радистом. Вот тот напрягся, как перед прыжком, потянулся затем к приемнику, мимолетным движением руки поправил наушники. По писку «морзянки» капитан первого ранга понял, что заговорила радиостанция, расположенная на мысе Челюскина. Оттуда настойчиво и взволнованно выстукивали:

— На мысе Эс несчастье!.. На мысе Эс несчастье!.. На мысе Эс несчастье!..

— Это мы уже знаем! — Хатангин устало опустился на стул. — Ты нам лучше расскажи, что там произошло? Не можешь? То-то!..

Обе только что продуманные версии отпадали. Таймырская «Полярка» от базы находилась в два раза дальше, нежели мыс Эс. И все же ее было слышно здесь... Значит, там,

на мысе Эс... Нет-нет, Хатангин не мог, не хотел произнести того рокового слова, которое просилось ему на язык.

Капитан первого ранга так и не ушел из радиорубки. Радиограмму от Николая Черевко, поданную ему матросом, он, казалось, прочитал равнодушно. Да в ней, правда, и не сообщалось ничего особенного. Это было обычное путевое донесение: «Миновал проливную зону, взял курс на мыс Эс».

И вдруг этот мыс снова отозвался. Он слал во все стороны света один и тот же сигнал бедствия:

«S O S!.. S O S!.. S O S!..»

Капитан первого ранга вспомнил о Русовой и с досадой упрекнул себя за то, что не послал на мыс другого штабного офицера. Ну что она, женщина, может там сделать, если противник будет численно превосходить нашу группу?..

Хатангина несколько успокаивало только то, что в случае необходимости экипаж гидросамолета придет на выручку Русовой и ее матросам.

Вспомнив о капитане, Андрей Петрович немного повеселел. О, Черевко не растеряется. Летом он в открытом море обнаружил и атаковал фашистскую подводную лодку. Экипаж субмарины решил схитрить, отлежаться на

грунте. Гитлеровцы рассчитывали, что советский самолет, потеряв корабль из виду, не будет все время висеть над местом его погружения — ему рано или поздно придется вернуться на базу для заправки горючим. А они, мол, воспользуются этим и улизнут из этого района моря.

Но Черевко посадил самолет на воду и, выключив моторы, стал выжидать. Море в ту пору заштилело, его поверхность напоминала хорошо выглаженную шелковистую синюю скатерть, и волны нисколько не угрожали летающей лодке. Гитлеровцы, таясь на глубине, долго не подавали признаков жизни. Один из членов экипажа, ведя подводное наблюдение за целью, постоянно докладывал командиру экипажа о контакте, о пеленге на субмарину. Но капитан не хотел рисковать, ему необходим был удар наверняка. А потому надо выждать, пока лодка не всплывет на перископную глубину.

Прошло много времени, прежде чем капитан невдалеке заметил тонкий стерженек перископа. Командир фашистской субмарины осматривался. По белому флажку пены, вившемуся за перископом, Черевко определил направление и примерную скорость движения подводной лодки. Решение созрело мгновенно: в воздух не подниматься, а провести бом-

бометание, скользя по воде, на редане, как торпедный катер.

Миг — и моторы взревели. Гидросамолет, как ракета, устремился вперед. Окутанный белой пеной воды, он настиг подводного пирата. В море полетели глубинные бомбы. Они оглушительно рявкали, взрываясь, выворачивали все содержимое голубой пучины. Одна бомба, вторая, третья... Капитан развернул самолет и снова пробомбил то место, где показывалась субмарина. На поверхности воды расцвели оранжевые пятна соляра, всплыли и были снова поглощены поднявшимися от взрывов волнами какие-то деревянные обломки, бумага, парусина. Пират нашел то, чего искал, — конец! Эта атака была, пожалуй, единственной в мировой практике боевого использования гидросамолетов для бомбометания по подводной цели. И Хатангин этим очень гордился. Да, Черевко не растеряется!..

Капитан первого ранга вернулся в штаб. Едва он разделся, как пискнул зуммер телефона. Звонил дежурный старшина-радист. Он сообщил:

— Капитан Черевко радирует: «Прошли над мысом Эс. Постройки целы. Людей не видно. Появление противника не наблюдаем. Бухта забита льдом, приводниться в ней не могу...»

— Опять неприятность! — досадливо поморщился Андрей Петрович, беря со стола чистый бланк для составления текста ответной радиограммы капитану Черевко. — Людей не видно? А где же они?.. На шум самолетных моторов ведь выскакивают даже ездовые собаки...

Капитан первого ранга несколько минут думал, тыча и не попадая пером в чернильницу. Наконец, крупными буквами написал: «Срочно разведайте кромку льда на юге. Результаты доложить немедленно!»

От этого донесения Николая Черевко зависело то, какое распоряжение примет он, командир базы. А для этого ему надо точно знать обстановку, сложившуюся в районе мыса Эс.

Прошло более часа. Капитан первого ранга читал служебные бумаги, стараясь отвлечься от тревожных мыслей. Но всякий раз, откладывая в сторону тот или иной документ, командир базы ловил себя на том, что думает не о только что прочитанном, а о чрезвычайном происшествии на мысе Эс.

Тем временем поступила на остров еще одна радиограмма с борта линейного ледокола «Ленин». В ней сообщалось, что на уединенном «исчезающем» острове потух маяк.

Наконец, отозвался и капитан Черевко. Он

лаконично сообщил: «Кромка льда двенадцать — пятнадцать миль юго-восток. Состояние моря два бала. Дымка».

Через несколько минут радисты островной базы передали на борт летающей лодки распоряжение Хатангина: «Приводняйтесь! Оставьте двоих на самолете. Форсированным маршем следовать к цели! Будьте осторожны!»

Отправив эту радиограмму, Андрей Петрович подошел к карте Арктики. Прикинув на глаз положение кромки льда, он отметил ее волнистой линией, а место самолета — точкой.

— Та-ак! — рассудил он. — Пятнадцать миль по прибрежной тундре на лыжах люди пройдут часа за три-четыре. Многовато!

Капитан первого ранга бросил карандаш на стол и беспокойно зашагал по кабинету.

15. СУХОПУТНЫЕ АРГОНАВТЫ

Высадившись с борта гидросамолета на берег, капитан Черевко оглянулся. Летающая лодка, как гигантская сизая бабочка, плавно покачивалась на воде, удерживаемая якорем. Вокруг было пасмурно и тихо. Пахло рыбой, водорослями и снегом. Ветер, казалось, окон-

чательно выдохся, только изредка он выскакивал из-за гранитных плечей сопок и шаловливо морщил поверхность моря. Летчик во всю силу своих легких крикнул:

— Э-гей, на самолете! Никого не подпускать!.. Не спать!

Эхо его громового голоса раздробилось между прибрежными скалами. Нависшие над их обрывами снежные «козырьки» рухнули, послышался плотный гул, напоминающий обвал в горах. Капитан понял, что кричать здесь нельзя, и с сожалением передернул саженными плечами.

Повернувшись к Русовой, он уже тихо произнес:

— Що ж, товарищ старший лейтенант! Командовать отрядом приказано мне! Вас прошу быть моим советником...

— Есть, товарищ капитан!..

Отряд состоял из шести человек. Черевко первым шагнул вперед, на пористый снег.

Когда они добрались почти до вершины горы, слежавшийся здесь наст не выдержал их тяжести и пополз вниз. Один матрос зазевался и едва не был затянут в сыпучую массу. Его вовремя подхватил капитан Черевко. Вместе они оказались у уреза воды. Офицер покачал головой и упрекнул:

— Прытко бегают, так часто падают...

И тут капитан спохватился: а где же Русова?

— Где она? — спрашивал он у матросов. — Вы видели ее в последний момент?.. Мария Ивановна!

Но моряки ничего не могли ответить: они сами едва не были погребены под снежным обвалом.

— Вперед, по следу! — приказал Черевко и первым полез на сопку.

Он вспомнил, что перед обвалом Мария Ивановна скользила на лыжах справа от него. Так и есть, он нашел ее лыжню недалеко от своей. Но эта лыжня оказалась смятой. Изучая ее, Черевко установил, что Мария Ивановна успела увернуться от сыпучего ледяного вала и устремилась к морю.

Тормозя палками, капитан медленно спускался с горы по следу Русовой, который внезапно оборвался на крутом склоне. Черевко осторожно приблизился к обрыву и заглянул вниз. Там он увидел месиво снега.

Черевко подозвал к себе матросов. У него созрел план: на веревке спуститься в эту трещину и во что бы то ни стало найти хотя бы тело Марии Ивановны.

Когда моряки укрепили на скале трос, Черевко, как альпинист, начал спускаться с горы в пропасть. «Что же я скажу командиру

базы? — Он сердился на самого себя за то, что не уберег человека, который ему был доверен. — Ах, какой же я... Она же — женщина, слабее всех нас. Надо бы за ней смотреть и смотреть!»

Едва летчик коснулся ногами взбитой поверхности снега, как до него донесся задорный женский крик:

— А-у-у-у!.. Я — здесь!

Черевко подтянулся на веревке, чтобы ослабить ее конец, отвязал его от собственного пояса и — нырнул в снег, сразу ощутив холод и черноту завала. Он почувствовал, что скользит куда-то вниз, а затем остановился. И ничего не понял. Скорее догадался, что перед ним пустота. Он только теперь заметил матовое пятно света вдали, и это его обрадовало: там — выход.

Капитан попал в ледяной туннель. Он не был новичком в Арктике, поэтому студеная западня его не смутила. Он знал, что из себя представляют такие хрустальные коридоры. Обычно в местах, укрытых от господствующих ветров, день за днем накапливается снег. За короткое полярное лето этот снег не успевает растаять и остается зимовать. Его покрывает новый слой снега. И так из года в год. Но каждой весной талые воды, падая с обрыва, промывали в нем русло и прорывались к морю.

Так образовывался длинный коридор-туннель. Его вход и выход с началом снегопадов заваливало, но в середине он по-прежнему оставался пустым, как штольня.

Капитан достал из кармана куртки электрический фонарик. Пучок света разбрызгался по сводчатым стенам снегового туннеля, шустро забегали «зайчики», дробясь и множась. Это великолепие световых переливов и оттенков показалось офицеру волшебным, будто в старинной сказке.

— Буо-боу-бу-у-у-у! — вскинулись гулкие звуки.

Черевко догадался, что это Русова зовет его. Капитан поднялся во весь свой могучий рост — голова так и не достала до сводчатого потолка туннеля — он поспешил под уклон, туда, где Мария Ивановна лыжей разгребала в снегу выход из ледовой штольни.

Вскоре капитан оказался возле старшего лейтенанта. Едва переведя дух, он скомандовал:

— В путь!

Но тут же поправился:

— От-ста-вить!..

Увидев их, матросы поспешили с сопки вниз. Ожидая их, капитан с шутливой серьезностью сказал Русовой:

— Тут еще наверняка не ступала нога

человека!.. Считайте себя, старший лейтенант, сухопутным аргонавтом...

Путники решили идти по суше, оголенной отливом.

Это был тяжелый путь. Под ногами шевелилась крупная галька. Стоило неверно поставить на камень ногу, как она соскальзывала, человек спотыкался, ронял лыжи с плеч. Подошвы сапог нет-нет да и лизала ленивая волна.

Но скоро трудной дороге пришел конец. Прямо из воды встала стена рыже-бурой скалы. Внизу она была оторочена белым венчиком прибойной пены. Тридцатиметровая глыба нависала над водой, как крепостная башня.

— Обходить! — распорядился Черевко.

Группа повернула назад. Вскоре летчик заметил неширокую лощину, образованную пологими скатами двух сопок. Он повел отряд за собой. Пологий подъем отнял у путников много времени. А когда, наконец, они оказались на гребне горы, то прямо под ногами увидели крутой и длинный спуск.

Отсюда заметили дальние постройки, антенны и кусочек белесого моря.

— Мыс Эс! — обрадованно закричали матросы.

Капитан Черевко и старший лейтенант Ру-

сова тоже в первое мгновение решили, что видят «Полярку» Гвоздарева. Но их сразу насторожило: откуда море в том месте, где оно никак не могло быть, во всяком случае, не могло быть замеченным с этой вот горы, на которой они остановились.

— Не обращать внимания! — огорошил всех капитан. — Это—рефракция... Полярная рефракция!...

Это, действительно, было типичное для Арктики явление оптического обмана, когда небесные светила и наземные ориентиры кажутся выше своего фактического места. То вдруг маяк откроется раньше, чем это предполагалось, то ни с того ни с сего, казалось бы, в поле зрения появится берег, который по всем штурманским расчетам должен находиться еще очень далеко.

И капитан, и старший лейтенант знали причину образования рефракции: преломление световых лучей в слоях воздуха различной плотности. Особенно сильно преломляются лучи, когда в море дрейфует редкий или разреженный лед.

Летчик еще раз внимательно осмотрел окрестности, а потом уже взглянул на крутой и длинный путь, стелящийся от его ног по ущелью лощины. Кое-где из-под снега выпирали черные ребра выветрившегося гранита,

заметны были и огромные валуны, с нахлобученными на них снежными шапками.

— Будем действовать по-суворовски! — распорядился Черевко. — А ну, товарищи, смелее!..

Он первым стал на лыжи и совсем некстати с отчаянной решимостью оттолкнулся палками. И сразу исчез в облаке снежной пыли.

Матросы преодолевали коварный спуск по-разному: кто сидя, кто на спине, кто на животе. По кручам все кувыркались, спотыкались, катились как попало, порой даже задом наперед, натыкались на камни и рвали на них одежду. Только Русова удержалась на ногах. Она раньше всех оказалась у подножия соседней сопки и каждого встречала насмешливыми словами:

— Вы — не горнолыжники, а горе-лыжники!..

Путники двинулись дальше; Черевко выверял курс по компасу и карте.

Через несколько километров сделали привал. Перекусили холодными консервами и галетами. Воды ни у кого не оказалось: во флягах плескался спирт. И капитан Черевко первым схватил в свою громадную ладонь горсть снега, скомкал его и отправил в рот.

— Сразу видно, товарищ капитан, что

в тундре вы — новичок! — вмешалась Русова и с упреком покачала головой.

— С чего это вы вдруг взяли?

— Снег, вернее снежная вода, ослабляет человека! — пояснила она. — Не ешьте его!..

— Вы, старший лейтенант, угадали!.. Зато над тундрой я — старожил!

Но комок снега он все же изо рта выплюнул.

Когда люди, покушав, отдохнули, капитан скомандовал:

— Подъем!.. Вперед — марш!..

Было уже темно, когда отряд подошел к территории полярной станции и сигнально-наблюдательного поста. Моряки остановились за крайним складом-амбаром. Русова, сняв с ног лыжи, скользнула в темноту.

Для оставшихся за складом людей время тянулось долго и томительно. Матросы зарылись в снег. Они держали автоматы наизготовку, заняв круговую оборону. Капитан Черевко не вытерпел. Вытянув шею, осторожно выглянул из-за угла амбара. К его губам прикоснулись горячие женские пальцы. Это возвратилась Русова. Она прошептала:

— Тихо!.. У порога два трупа. Кажется, фашисты. Кто-то их уже ухлопал... Дверь открыта настежь. Верный признак, что в доме никого нет... Пошли!..

— Лыжи всем оставить здесь! — также шепотом приказал матросам Черевко. — В дом заходим трое: я, Русова и ты, — указал он на одного из матросов. — Остальные трое остаются здесь — на охране подступов к полярной станции... Ясно?.. Двинулись!

Не глядя под ноги, прислушиваясь к звукам, идущим из темноты, Русова, Черевко и матрос поднялись на скрипнувшие под их тяжестью ступеньки наружного трапа. В коридоре капитан включил карманный фонарик. Лучик света побежал по закопченной бревенчатой стене, нащупал дверь, открытую в жилую комнату.

В кубрике все кровати оказались перевернутыми, на полу валялись смятые постели, осколки разбитой посуды и оконного стекла. В другом углу, у глухой стены, в луже крови скрючились тела двух наших моряков. У печки растянулось несколько трупов людей в чужих меховых куртках. Все это выдавало следы отчаянной борьбы, происшедшей здесь совсем недавно.

Потрясенные, все трое с минуту не могли сдвинуться с места. Первой очнулась Русова. Она сгребла в кучу валявшиеся повсюду сигаретные окурки. Немецкие! Ей и летчику все стало ясно: на мысе Эс побывал враг, и отряд

капитана опоздал, не успел спасти зимовщиков. Где они теперь? В плену?..

Вдруг до слуха Марии Ивановны донесся сухой стук телеграфного ключа. Она бросилась к двери, ведущей в радиорубку.

— Назад! — вцепился в ее плечо капитан Черевко. — А вдруг дверь заминирована?! Сначала проверим...

— Не может быть! — тихо возразила Русова. — Там же человек!..

Когда старший лейтенант Русова и ее спутники вошли в радиорубку, то при свете трех фонарей увидели мальчика с заплаканными глазами. В куртке и шапке, он боком сидел к двери и тонкими пальчиками выстукивал сигнал бедствия:

«S O S!.. S O S!.. S O S!..»

— Пэля! — воскликнула Русова, бросаясь к маленькому радисту. — Как ты сюда попал?

Мальчик встрепенулся, зажмурился от яркого света, который бил ему в глаза. Он с боязливой осторожностью посмотрел в сторону старшего лейтенанта и на его лице отразилось удивление. Мария Ивановна догадалась, что она находится в темноте. Она поспешила направить луч фонарика на свои глаза. Радист увидел ее и, протянув к ней руки, вскочил с табуретки.

— Хабеня! — радостно вскричал он. — Марья Вановна!.. Это я!.. Пэля Ясовей!.. Марья Вановна!.. Марья Вановна!..

По лицу мальчика катились слезы. Он мокрой щекой прижался к ладони Русовой и не отпускал ее от себя.

Летчик Черевко и матрос не успели сообразить, что здесь произошло. Старший лейтенант Русова подхватила мальчика на руки и, сняв шапку, прижала его смоляную головку к своему плечу.

— Ну, перестань плакать, Пэля!.. Теперь все будет в порядке!

На немой вопрос капитана она с неподдельной гордостью ответила:

— Мой ученик!.. Из Нарьян-Мара...

16. КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Пэля долго не мог успокоиться. Уже потом, когда пришедший отряд похоронил всех погибших советских моряков, он рассказал любимой учительнице о своих приключениях после отъезда из родного стойбища и до появления на мысе Эс. Капитан Черевко попросил его рассказать о последних событиях на «Полярке». Юнга долго молчал. Но его не торопили. Все понимали, как тяжело мальчику

вспоминать пережитые ужасы и страхи. Но вот он очнулся от раздумья, заговорил тихо и медленно. Вот как, по его рассказу, разворачивались события на «Полярке».

...Пэля подвел собак к Гвоздареву, который стонал на снегу.

— Дя-дя! — позвал мальчик. — Товарис насальник!..

Петр Ильич обеими руками держался за голову. Юнга присел перед ним на корточки. Среди запутанных волос полярника он нащупал липкую рану. Начальник «Полярки» застонал еще громче, хотя мальчик едва прикоснулся к поврежденному месту.

Через полминуты Пэля отвязал от упряжки вожака, ткнул его носом в голову Петра Ильича. Ропак понюхал рану и, отскочив в сторону, жалобно заскулил.

— Ропак!.. Ропак!.. Ропак!..

Юнга гладил собаку, бормотал ей ласковые слова, чесал за ухом. Потом он поцеловал пса в глаза, в широкий заснеженный лоб.

— Ропак!.. Ну зе...

Пес, наконец, встрепенулся. Он ткнулся носом в голову раненого и начал слизывать кровь. Зубами он распутывал слипшиеся волосы и снова лизал и лизал. Теперь кровь будет остановлена, а рана вычищена, собака залижет ее. Язык Ропака, шероховатый и

горячий, — одно из лучших лекарств. Так считал юнга.

Жизнь в тундре научила Пэлю принимать быстрые и правильные решения. Он мгновенно сбросил с себя куртку и матросский бушлат, суконную форменку. Оторвал от тельняшки рукава и, разделив их на продолговатые половинки, плотно наложил на раненую голову Гвоздарева. И сверху придавил шапкой. Петр Ильич все еще не приходил в сознание, и Пэля не знал на этот раз, как привести его в чувство.

Прошло несколько минут.

— Мааль-чик!.. Пэля!.. — очнулся, наконец, Гвоздарев и позвал юнгу. — Наккло-ниись ко м-не...

Пэля почти приник ухом к губам Петра Ильича. Тот дышал прерывисто, будто ему не хватало воздуха, а каждое слово он с трудом выталкивал из себя.

— Придут на-ши... передай им... рассказ пере-ввод-ччи-ка... и... выручай ребят нна ппо-сту!

Гвоздарев вдруг неестественно подвернул голову. Ропак, коротко взвыв, отскочил в сторону.

Пэля со слезами на глазах понял, что все кончилось, что нет больше на свете ласкового и заботливого друга, этого мужественного на-

чальника «Полярки»! И еще он понял, что война не щадит никого. Сердце его охватила ненависть к тем, кто непрошенным пришел на его родную землю, в его тундру, — к фашистам. Юнга в растерянности заметался возле остывающего тела Гвоздарева, ему хотелось немедленно рвать врагов в клочья, стрелять в них без промаха.

Вялый и разбитый, он кое-как привязал Ропака к упряжке. Потом долго укладывал потяжелевшего Гвоздарева на нарты. Что-то мешало ему поудобнее расположить Петра Ильича. В темноте мальчик не сразу разглядел карабин и цинковый ящик с патронами, которые были привязаны к санкам и потому уцелели во время бешеной гонки собак, те самые карабин и патроны, что они брали с собой в поездку в бухту Воскресения, на поиски следов погибшей «Пурги».

Тронув собак, мальчик сел на нарты. Упряжка медленно продвигалась вперед, юнге некуда было теперь торопиться. Врагов он не боялся: ночью и по бездорожью фашисты не сунутся в тундру. Здесь сама земля, природа восстанут против них, и им не сдобровать.

Спустя час Пэля подъехал к обрывистой сопке. У ее подножия мальчик ножом расковырял снег до замерзшей земли. Но земля,

схваченная вечной мерзлотой, не поддавалась — острое лезвие отскакивало от нее, как от брони. Но юнга долбил и долбил грунт, пока не устал, — до соленого пота на лице. По крошке выковыривал он твердую землю. В образовавшуюся выемку он осторожно скатил тело Гвоздарева. Потом немало пролил пота над тем, чтобы из объятий мерзлоты вырвать несколько камней. Ими мальчик и завалил последнюю пристань старого полярника, чтобы останки человека не стали добычей песцов или белых медведей. А уже сверху нагреб высокий сугроб снега, чтобы потом, когда фашисты на посту будут уничтожены, — а юнга в это очень верил, — легче было найти место вечной «якорной» стоянки Петра Ильича Гвоздарева. На всю эту тяжелую работу ушло много времени. Юнга, будто что-то вспомнив, заторопился.

Но сначала надо было накормить усталых и изголодавшихся собак. Он снял рюкзак, привязанный к нартам, и каждому псу дал по одной сушеной рыбе. Последний запас! Все!.. Конечно же, этого ездовым лайкам было мало, но не мог мальчик рискнуть и израсходовать на добавку те продукты, которые он и Гвоздарев брали с собой в бухту Воскресения. Он и сам съел такую же сушеную рыбу, которой лакомились его четвероногие друзья. При виде

банок с мясными консервами и сухарей у него потекли слюнки. Но юнга еще не забыл своих злоключений на ледовом острове. Кто знает, сколько ему еще придется находиться в тундре?

Пэля направил собак по старому следу. Собаки бежали быстро и весело. Когда занимался тусклый рассвет, юнга оказался напротив поста со стороны тундры. Прикинув на глаз расстояние, мальчик отвел псов за скат горы и привязал их к острому клыку огромного камня. Затем нашел кучу лобастых валунов и залег за ними с карабином в руках так осторожно, что не повредил ни одной снежной шапки. Юнга решил мстить беспощадно, мстить тем, кто потопил «Пургу», кто погубил моряков. Сердце его забилось радостью охотника, который долго и безуспешно выслеживал дичь, а потом вдруг обнаружил ее. Из-за угла жилого дома не спеша выходил фашистский часовой.

Юнга несколько раз вздохнул — глубоко, как бы с оттяжкой, чтобы унять дрожь в теле и заставить сердце биться ровнее и спокойнее. Он схватил черный силует часового в клинообразную прорезь прицельной рамки, подвел под голову гитлеровца штырек мушки и, затаив на миг дыхание, плавно нажал указательным пальцем на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал сухим щелчком, приклад толкнул в плечо, через секунду часовой уже неподвижно лежал на земле. Мальчик с удовольствием отметил, что он не разучился стрелять метко, без промаха. Два года назад он, Пэля, охраняя оленей, убил двенадцать волков и истратил на них двенадцать пуль.

Через минуту из двери выскочил другой фашист. Он, наверное, хотел выяснить: кто и зачем стрелял? Враг перевалился через порог после второго выстрела юнги. Но в этот миг Пэля заметил руки третьего, которые тянулись

из-за двери к убитому им гитлеровцу. Мальчик выстрелил в дверной проем и снова не промахнулся. «Спаситель» рухнул рядом со второй жертвой охотника.

— Кровь за кровь! — шептал Пэля. — Смерть за смерть!

Он готов был лежать за валунами столько, сколько надо для того, чтобы перестрелять всех фашистов. Иначе ему не было возврата на «Полярку», которую в этот час он считал своим собственным домом. А какой же человек может примириться с тем, что его жилище захвачено бандитами!

Фашисты, напуганные столь большими потерями в течение нескольких минут, больше не показывались. Пэля мысленно подвел первый итог: предателя Протасова-Исакова уничтожил Петр Ильич Гвоздарев, да он, юнга, трех. Всего — четыре... Теперь врагов оставалось двадцать один... А он, Пэля, один! Да с ним был еще надежный карабин, верный Ропак и выносливые лайки.

Вдруг юнга насторожился: на наблюдательной вышке он заметил движение подозрительной тени. Присмотревшись, мальчик сообразил, что там находится фашист с биноклем у глаз. Сомнений не оставалось, гитлеровец выискивал его, нежданного стрелка. И когда фашист неосторожно приблизился к

открытому окну, юнга нажал на спусковой крючок.

— Пять!

От долгого лежания на снегу Пэля почувствовал озноб. Пальцы на ногах казались чужими, онемели и перестали его слушаться. Но мальчик не покидал своего поста, терпеливо следя за происками врагов.

Гитлеровцы все еще молчали, избегая показываться Пэле на глаза. Тогда юнга стал постреливать в единственное окно, которое выходило на его сторону.

Холод донимал все сильнее. Пэля отполз за вершину сопки. На обратном ее скате он начал бегать и кататься по снегу. Вскоре все его тело загорелось огнем, тепло подошло к сердцу, и мальчик почувствовал, что он оживает, у него появились новые силы и энергия. Но вот ноги никак не отходили. Тогда Пэля вспомнил обычай своих предков. Он снял с себя сапоги и шерстяные носки и босыми ногами ступил на хрустящий снег. Пальцы не ощутили ни леденящего холода, ни царапания колючего снега. Юнга старательно бегал по снежной целине, ногами разбрасывал сугробы, тер пальцы. Не прошло и пяти минут, как в пальцы, казалось, впились тысячи иголок.

— Саво! Сац саво! — радовался Пэля. — Тепло!

Обогрев таким способом ноги, он вытер их насухо шерстяными носками и снова обулся. Только теперь он ощутил голод и беспокойно взглянул на собак. Животные давно уж не были кормлены, но лежали под камнем смирно, не поднимая голов. Псов, однако, можно было еще кое-как выручить.

Пэля быстро сбежал к собакам. Он выбрал черную, наиболее ослабевшую лайку, и освободил ее от упряжки. И сделал это вовремя: со стороны ему показалось, что псы лежали смирно, а на самом деле они уже покусывали ременную сбрую. Ударом ножа мальчик заколол бедняжку и бросил ее на съедение другим собакам. Те сразу вскочили на ноги, набросились на жертву с лаем, визгом, начали драться между собой. О, Пэле было очень жаль ее, чернушку! Но ведь она все равно погибла бы первой. А надо было спасать остальных, еще сильных собак, на которых, возможно, придется добираться до соседней «Полярки». У юнги не было времени, чтобы разделить тушу лайки между псами. Он поспешил на свой наблюдательный пост.

В районе полярной станции все оставалось по-прежнему, и юнга снова залег за валунами. Сколько времени он находился в таком положении, сказать ему было трудно. Только от долгого лежания на одном месте у Пэли оне-

мели шея и плечи, ему захотелось спать. Веки, как свинцом налитые, упрямо закрывались. Но мальчик все бодрился, встряхивался, сгоняя с себя сонную вялость, пытался в уме вести счет, сбивался, возвращался к забытой цифре. Уж он-то знал, что если заснет, то этот его сон будет в жизни последним!..

Наступили сумерки. В их призрачном свете Пэля заметил цепочку людей, которая двигалась к северу от «Полярки». Фашисты! Юнга быстро сбежал к собакам, отвязал упряжку и погнал ее по лощине в сторону моря. Через два-три километра он поднялся на гребень другой сопки. Прямо перед ним на расстоянии винтовочного выстрела гуськом двигались гитлеровцы и их пленные.

— Двасать три! — насчитал юнга. — Идут в бухту Воскресения...

Это означало, что с «Полярки» ушли все живые, бросив там на произвол судьбы уничтоженных Пэлей фашистов. Юнга прицелился в одного из идущих, готовый нажать пальцем на спусковой крючок карабина. Но к своему ужасу в прорези прицела опознал человека с бородой. «Да ведь это наш веселый бородач с «Полярки»! — опомнился Пэля. Он даже вспотел при мысли о том, что мог застрелить метеоролога по ошибке, своего родного советского человека!..

Вслед за Арковым, сутулясь, двигался Александр Ковский, за ним—Итаев. Несколько фашистов топало за ними, направляя стволы автоматов в спины пленников. Пэля разрядил свой карабин по идущему первым. По фашисту! Тот сразу переломился в ногах и ткнулся головой в снег.

И, уже гоня упряжку в сторону полярной станции, Пэля услышал частые выстрелы. То фашисты стреляли ему вслед. Но он находился в полной безопасности за каменным куполом сопки.

А потом?

Потом Пэля вспомнил первый и последний урок, данный ему радистом Ковским, и воспользовался им. Так эфир пронзил зловещий сигнал «S O S!»

17. КОМЕНДАНТ МЫСА ЭС

Рассказав о своих приключениях после гибели начальника полярной станции Петра Ильича Гвоздарева, Пэля умолк. Капитан Черевко, гладя мальчика по смолистой голове, глубоко, с сожалением, вздохнул:

— Печаль беде не помощник! Верно? Надо немедленно выступать вслед за диверсантами!

Летчик решительно поднялся на ноги, готовый ко всему.

— Вот этого, по-моему, делать как раз и не следует, — остановила его воинственный порыв Русова. — Одним махом всего пути не проскочишь!..

— Да вы шо? Шутите? — недовольно воскликнул Черевко. — Вы же только шо сообщили командиру базы, шо мы начинаем охоту за фашистами?

— Не всякая охота есть преследование. Я так думаю...

— Но ведь уйдут эти бандиты!

— Они, товарищ капитан, как олень в станке для забоя, — никуда не денутся.

— Вы считаете? Но ведь не рискуя — не добудешь!

— Да не в риске дело... На мой взгляд, обстановка такова...

Капитан всмотрелся в лицо Марии Ивановне. Оно осунулось, под глазами залегли фиолетовые тени. Русова моргала редко, устало, как бы нехотя. Капитану захотелось сказать ей что-либо нежное и ободряющее. Но, зная твердый характер этой женщины, он промолчал.

Внезапно Русова спросила:

— У вас, товарищ капитан, есть папиросы? Дайте, пожалуйста, закурить!..

Летчик знал, что раньше Мария Ивановна терпеть не могла запаха табачного дыма. Значит, произошло что-то такое, когда она себя чувствует или совсем разбитой или расстроенной. И он поспешил достать из кармана куртки портсигар.

Затянувшись, Русова закашлялась, на ее глазах выступили светлые слезинки. Вытирая их, Мария Ивановна улыбнулась:

— Вот теперь сонную одурь как рукой сняло... Продолжаю. Почему, вы думаете, фашисты не сожгли постройки полярной станции, не уничтожили радиоаппаратуру?

— Наверняка не успели! — не то спросил, не то ответил капитан. — От бандитов добра не жди... Верно? Иначе здесь остались бы только труха да пепел...

— Нет, не верно! — возразила Русова мягко, но все же властно, будто она командовала отрядом. — Фашисты — хитрые и коварные. И «Полярку» они оставили в целости, чтобы не разоблачить себя раньше времени, а при случае всем этим еще и воспользоваться.

— Правильно! — поспешно согласился летчик. — С воздуха я бы сразу заметил неладное...

— Основная цель их высадки здесь, как нам сообщил Пэля, это — добыть сведения о нашем арктическом караване судов, захват

постовых кодов и самолетов. Документы они, к нашему великому сожалению, получили в свои руки. До своего самолета, надо полагать, вы их не допустите, хотя в начале операции такое чуть-чуть не случилось... Спасибо прозорливости командира базы. Он догадался, что вызов самолета за больным якобы Гвоздаревым похож на провокацию или ловушку...

— Пусть только гитлеровцы сунутся к гидроплану! — Черевко сжал пудовые кулаки.

— Гитлеровцы упустили Гвоздарева и Пэлю и, пожалуй, могут подумать, что кто-то из них в скором времени забьет тревогу на соседней полярной станции. Диверсанты торопятся в море, на перехват каравана наших транспортных судов и ледоколов...

— Так! Шо ж дальше?

— Чтобы попасть на свои подводные лодки, диверсанты обратно придут сюда. Почему?.. Не улыбайтесь, товарищ капитан. У них пока нет и не может быть иного выхода из создавшегося положения. Где находится кромка льда? Еще с борта вашего самолета мы все видели ее в пятнадцати милях южнее мыса Эс. Надо полагать, что фашисты это учли, но потянулись все же на север, еще дальше от этой кромки. Как вы думаете, почему они поступили именно так?

— Где-то там находятся подводные лодки,

с которых они высадились здесь... Они оставили десант на мысе, а сами ушли...

— Согласна! Но ждать гитлеровцам попросту уже некогда, и поэтому они вынуждены были бежать в бухту Воскресения. Фашисты, полагаю, надеются, что лодкам все же удастся подняться на поверхность, если там нет льда или лед очень разреженный, и принять диверсантов к себе на борт... Если же лодки ушли на поиск чистой воды, то есть на юг, то диверсанты непременно возвратятся сюда. Им еще, возможно, предстоит следовать к кромке льда, а на пути окажется «Полярка» мыса Эс... Согласитесь, что диверсанты предусмотрели такой вариант...

— А путь к кромке льда не из легких! — заговорил капитан. — Верно? В этом мы убедились на собственной спине.

— Я уверена, что во льдах гитлеровцы не будут всплывать, можно повредить перископ...

— Так!.. Однако они где-то должны принять десант на борт? Или решатся бросить его на добычу белым медведям?

— А документы? А пленные, у которых они рассчитывают узнать место и курс ледоколов и каравана судов? Ведь это для них главное, ради чего они и затеяли авантюру...

— Итак, чтобы принять диверсантов на борт, подводные лодки должны выйти на чис-

тую воду или дождаться ее на грунте в бухте Воскресения?

Прислушиваясь к разговору взрослых, Пэля снова и снова припоминал болтовню переводчика. Не забыл ли он, юнга, передать своим что-либо особенно важное? А если вдруг запамятовал? Хорошо бы вспомнить, чтобы именно сейчас и кстати вставить в разговор Русовой и Черевко слово-два. Он припомнил свое с Гвоздаревым тяжелое возвращение на «Полярку», нудный допрос, который вел переводчик-изменник. Морщась, Пэля заставил себя повторить каждое слово проходимца, представил его реплики, гримасы и жалкую сгорбленную фигуру. Нет, решительно ничего нового ко всему ранее рассказанному Пэля прибавить не мог! Он почти успокоился, когда его мозг кольнула мысль: «Да ведь подлодки до прихода к мысу Эс уже побывали у берега бухты Воскресения. Диверсанты останавливались там в промысловой избушке!»

Пэля прыжком подскочил к столу, за которым при свете стеариновой свечки разговаривали Мария Ивановна и капитан Черевко.

Внимательно выслушав Пэлю, Мария Ивановна обняла его и, успокаивая, погладила ладонью по щеке. И только после этого ответила на предположение пилота:

— Относительно бухты Воскресения вы догадались точно... Но все же, где и когда они всплывут, сказать сейчас трудно. Но в том, что на чистой воде, я абсолютно уверена. Нам надо зорко следить за состоянием и подвижкой льда.

Капитан своими могучими руками схватил юнгу, поставил перед собой на ноги и, лаская веселыми глазами, сказал:

— Да ты, хлопчик, молодчина! Быть тебе героем!.. Верно говорю!

Черевко крепко пожал Пэле ладонь, и юнга почувствовал, что пальцы у летчика такие теплые и шершавые, как язык у Ропака. И еще его особенно радовало то, что он смог помочь любимой Марии Ивановне!

— Я решаю вот шо! — быстро заговорил капитан. — Мне необходимо быть на самолете и держать связь с базой и с вами. Если появятся диверсанты на видимости «Полярки», дайте мне сигнал, и экипаж вылетит... Верно? Товарища с летающей лодки забираю с собой. Таким образом, комендантом мыса Эс я назначаю вас, товарищ старший лейтенант!

Русова поднялась и коротко ответила:

— Есть, товарищ капитан!

Летчик тяжело и решительно шагнул за порог.

Мария Ивановна вскоре открыла радиовахту, связалась с Хатангиным и с самолетом капитана Черевко.

На мысе Эс осталось пятеро: старший лейтенант Русова, юнга Пэля Ясовей и три военных моряка.

— Подоздем! — Пэля многозначительно подмигнул матросам и принялся чистить карабин.

18. „БЕЗ КОМАНДЫ НЕ СТРЕЛЯТЬ!“

Снова наступил тусклый и ветреный день. По мысу стелилась снежная поземка. Из окна сигнальной вышки Пэля видел, как белые волны снега подползали к глухой стене жилого дома и застывали, наращивая все выше и выше сугроб. Мальчик представил себе, что будет здесь вскоре—через несколько дней: пурга наметет столько снега, что сугроб сравняется с крышей, а то и совсем завалит дом. Тогда вышка будет казаться единственным здесь строением.

Недалеко возвышалась коническая сопка, резко выделяющаяся среди остальных, столообразных. Крутой северный склон ее обрывался прямо в море. Вершина горы курилась, словно дымный действующий вулкан, — то ве-

тер вздувал снежный фонтан, а Пэле казалось, что кто-то, чудовищно громоздкий, вытряхивает там свою седую бороду.

Ветер дул не переставая, черные тучи, растрепанные, как скирда старой соломы, торопливо бежали от него и скрывались за расплывчатой белесой линией горизонта, где льды сливались в сплошное поле, и отсюда, с вышки, нельзя было различить ни трещин, ни разводий. Зато ближе к мысу можно было рассмотреть отдельные льдины и даже их цвет—бледно-зеленый. Юнга заметил, что они наталкиваются одна на другую, качаются и как бы уплотняются. Ему было зябко, и он, зорко осматривая окрестности, старался не думать о тепле и отдыхе. Следовало выполнять боевой приказ коменданта мыса Эс — Марии Ивановны Русовой. Все, кто сейчас находился на наблюдательном посту, молчали. Один из матросов сидя спал, сладко посапывая. Остальные, как и Пэля, зорко следили за окрестностями «Полярки».

Вскоре погода изменилась. Упругий ветер подул откуда-то из просторов Западно-Сибирской низменности, упрямо оттирая льды к северу.

А через несколько часов мыс Эс лизнули первые черные волны.

Пэля первым заметил перемену на море.

Он позвал к окну Марию Ивановну, находившуюся внизу — в радиорубке. Русова быстро поднялась на вышку, молча выслушала радостное сообщение юнги, посмотрела в форточку. Да, лед действительно начал отступать на норд. На чистую воду откуда-то сбоку упал свет, и она превратилась в темно-серую. Полоса воды на глазах ширилась.

— Спасибо, Пэля! — Мария Ивановна прильнула к мальчику. — Не прозевал!

И круто повернулась к матросам.

— Приготовиться, товарищи!

Но едва один матрос потащил к окну матрац, намереваясь оборудовать там бойницу, Русова распорядилась:

— Отставить!.. Наблюдать за подходами к мысу со всех сторон.

К каждому из двух окон — одно выходило на море, а другое смотрело на сушу — Русова поставила наблюдателей-матросов. Два часа они не должны были ничем отвлекаться, а только глядеть в оба глаза — зорко и неусыпно.

Вечером Мария Ивановна получила радиограмму. Командир базы Хатангин приказывал ей и группе держаться до последней возможности, пока не подойдет посланный отряд кораблей.

На вышке царила глубокая тишина. Толь-

ко Пэля, сидя на каком-то ящике, наполненном, как он выяснил потом, массивными ракетными патронами, изредка подталкивал Русову в плечо и о чем-либо спрашивал. Она, занятая своими думами, отвечала односложно. Но последний вопрос юнги заинтересовал ее больше других.

— Марья Вановна! А сто такое зидкий грунт?

— Жидкий грунт? Это, Пэля, слой морской воды, плотность которого больше, чем в соседних слоях. Пользуясь этим, подводная лодка может находиться на глубине. Иначе говоря, «лежать на грунте»... А почему тебя это интересует?

— «Пурга» насла зидкий грунт!..

— «Пурга» нашла жидкий грунт? Где же это?

— У Карских Ворот...

Как и многие мальчишки, Пэля был непоследовательным и непосредственным человеком. Оставив «жидкий грунт» в покое, он уже заинтересовался другим, увидев, что Мария Ивановна стала охотнее с ним разговаривать. Русова едва успевала отвечать на его «почему» да «как», и это ее не раздражало — ведь в прошлом она была учительницей.

— Марья Вановна! Засем люди убивают людей? Война?.. Вот зверей убивать нада!

Волк? Он олесек давит, вред приносит... А песец? Польза больсая людям. У него солнесьный мех!..

— Враг, с которым мы сейчас воюем, — пояснила Мария Ивановна, — это самое страшное, мерзкое и звериное, что порождено буржуями. Он хочет превратить нас, советских людей, в своих рабов. Эти враги хуже волков!.. И уничтожать их надо беспощадно. Они злее и жаднее шаманов и тэтта-разбойников...

Что такое буржуи, Пэля уже знал. О шаманах и тэтта был наслышан сызмальства. Это злые люди, которые хотели лишить ненцев счастливой жизни. Они даже пытались украсть солнце с неба и спрятать его под большим ледником в горах. Да разоблачил их русский богатырь, который достал это солнце и отдал его людям тундры. Так говорит легенда.

Юнга, наконец, затих, то ли он устал, то ли не находил новых вопросов. Русова тихонько, кончиками пальцев коснулась его глаз и обнаружила, что мальчик уснул. Она осторожно приподняла его с ящика и перенесла на теплую медвежью шкуру.

А за окнами тоскливо, злыми порывами посвистывал бродяга-ветер.

Ровно через полтора часа Русова разбуди-

ла матросов и Пэлю, которые должны были сменить наблюдателей.

— Смотреть в оба! — строго приказала она, вглядываясь при свете фонарика в заспанные, а от того слегка припухшие молодые лица юнги и моряка. — Не зевать!

Потянувшись было, худощавый матрос сразу обмяк и виновато посмотрел на старшего лейтенанта.

— Ртом можете, — смилостивилась Русова, поняв недоумение матроса. — Глазами же — ни в коем случае!

У Пэли глаза прямо-таки слипались — страшно хотелось спать. Ему казалось, что веки чем-то склеили, и потому они отрываются одно от другого с большим усилием. Хотелось прислониться плечом к раме, наклонить голову и... Но тут юнга вспомнил причину трагедии, разыгравшейся на мысе Эс, вспомнил злорадный голос предателя-переводчика: «Благодаря вашему заснувшему наблюдателю...» — и сразу же с него сон как рукой сняло.

Пэля высунулся в окно, положив руки на подоконник. Глазами он следил за морем, ушами прислушивался к звукам, а носом ловил запахи. Он знал, что теперь ни за что не заснет.

Фашистские диверсанты были обнаружены

неожиданно. Сперва Пэля заметил тени, жавшиеся к воде. Но сообщить об этом сразу мальчик не решился, боясь ошибиться и оказаться смешным в глазах матросов. Когда же эти разрозненные тени слились в одну большую тень, юнга уже не сомневался. Сердце, казалось, замерло от осторожности, когда он шепотом сообщил:

— Марья Вановна! Они на берегу, у воды...

Все, кто находился на вышке, кинулись к окнам.

— Назад! — решительно приказала Русова. — Ждать распоряжений!

Моряки отхлынули от окна. А Русова пригнулась к юнге. В форточку, вделанную внизу рамы, она увидела у воды шевелящуюся тень. Да, это были фашисты!

Вдруг до вышки донеслись два негромких взрыва. Русова рассмотрела два светящихся фонтанчика, вскинувшиеся из воды вблизи берега. «Что это такое? — лихорадочно соображала Русова. — Браконьеры таким способом глушат рыбу... Но фашистам сейчас не до нее! А может, они гранатами вызывают лодки на поверхность моря?»

Вскоре недалеко от берега из воды всплыли два огромных черных чудовища, их силуэты напоминали каменные глыбы. На мостике

одного из чудовищ вспыхнул небольшой сигнальный прожектор. «Какая наглость и самоуверенность! — возмутилась Русова, но в тот же миг и обрадовалась: — Да ведь фашисты включили прожектор потому, что уверены в полной безнаказанности, они считают, что на «Полярке» нет никого из советских людей».

Расплывчатые темные силуэты подводных лодок совсем некстати вызвали в памяти Пэли сказку о чудо-юде рыбе-кит...

Но это были не киты. В заливчике всплыли, чтобы завершить свое гнусное дело, две германские субмарины крейсерского типа. Русова определила это по характерной длине корпусов и линиям надстроек кораблей. Точно такие же, как и те, что она изучала на курсах в Архангельске.

Что же делать? Как найти безошибочное решение? Мария Ивановна, Пэля и моряки заметили, как от бортов подводных лодок отвалили надувные резиновые лодки. Всем стало ясно, что развязка приближается. Фашисты шли за десантом, за пленниками, за секретными документами.

Русова быстро спустилась в радиорубку, включила радиопередатчик, настроенный на волну рации самолета капитана Черевко. Когда нагрелись лампы, она дала условный сиг-

нал, повторила его и выключила аппарат. Затем снова поднялась на вышку.

— К дому подходят! — прошептал Пэля.— Разресите стрелять?

В эти минуты юнга не испытывал страха. Его охватил жгучий азарт, точно такой же, как и в тот день, когда он, охраняя оленье стадо, убил несколько полярных волков. Вот только пить почему-то ему захотелось, но мальчик решил терпеть.

— Без команды не стрелять! — приказала Русова. — Ждать моего сигнала!

— Есть без команды не стрелять! — просипели матросы, не ожидавшие отсрочки. — Эх, дать бы фашистам огонька!..

19. ВЗРЫВЫ В НОЧИ

Фашисты вошли в жилой дом, хлопнув дверью. Вскоре они затопали внизу, в радиорубке. И вдруг — все затихло, наверное, гитлеровцы опасались засады и минуту-другую прислушивались к тишине. «Видно, трусите, — мысленно издевалась над фашистами Русова, — хотя и уверены, что на «Полярке» никого нет. Вояки!» Но вот один из диверсантов что-то пробормотал, второй — присвистнул, будто чему удивился. Затем гитлеровцы громко

заговорили. Мария Ивановна — она отлично знала немецкий язык — разобрала:

— Разбивай все вдребезги!

Это сказал один из диверсантов. И сразу же раздался грохот падающих на пол тяжелых предметов, звон стекла, скрип чего-то отрываемого от пола или от стены.

— Доннерветтер! — выругался другой. — К дьяволу эту возню! Обливай все керосином и поджигай!

Мария Ивановна до боли прикусила нижнюю губу: не хватало еще быть заживо поджаренной на огне.

Но первый фашист, видимо, от природы был громилой и любил отводить свою гнусную душу тем, что ломал, крошил, калечил все, что ему попадалось под руку.

— Ганс! Загляни на этот чердак и прихвати оттуда медвежью шкуру!.. Арктический сувенир!.. Да смотри не покажи ее командиру! Он такой, заберет себе и спасибо не скажет...

Услышав это, Русова похолодела. Теперь не удастся остаться необнаруженными. Мария Ивановна рассчитывала скрытно отсидеться на вышке. А когда фашисты направятся к берегу, внезапно ударить им в тыл.

Лестница, ведущая на вышку, заскрипела.

Мария Ивановна прижала Пэлю к себе. Матросы притаились. Один из них стал на колени перед люком, направив на него автомат. Пэля видел его силуэт на фоне окна и угадывал каждое движение матроса. На вороненой стали автомата играл бледный лучик света, бивший снизу, через щель неплотно прикрытой крышки.

Эта крышка люка медленно приоткрывалась, расширяя светлую щель в полосу. У Русовой остановилось дыхание, когда она увидела руку, подпиравшую крышку. Затем в зеве люка показалась голова в грязно-серой лыжной шапочке. На заросшей черной щетиной морде фашиста горели воспаленные глаза. На его вислом носу Пэля заметил бородавку, точь-в-точь как у бабы-яги.

— Огонь! — внезапно решилась Русова.

Матрос короткой очередью из автомата снял фашиста с лестницы. Крышка люка, потеряв опору, гулко захлопнулась. Пока моряки открывали ее, второй диверсант успел поджечь радиорубку и, дав автоматную очередь в потолок, — к счастью, никого она не задела — выбежал из дома.

Один за другим обитатели наблюдательной вышки спрыгнули в радиорубку. В ней уже бушевало пламя. Пахло жженой резиной, керосином и чем-то эфирным, щекочущим

ноздри. У потолка кубрика тягучими пластами висел черный дым.

— Вперед! — скомандовала Русова.

Матросы и без того разъяренно преследовали фашиста, который во все лопатки удирал к морю. Застрелив его, они залегли в стороне от дома и короткими очередями били по заметным отсюда надувным лодкам, по гитлеровцам, что заметались у кромки воды. По всему было видно, что диверсанты не ожидали отпора и преследования. Фашисты в панике лезли в море, призывая подводников на помощь.

С одной из субмарин грохнуло артиллерийское орудие. Снаряд угодил в стену дома, выбросив огромную кляксу багрового пламени. Во все стороны полетели щепки и куски бревен. Не успела Русова сообразить, почему нет рядом с ней Пэли, как второй снаряд угодил в крышу «Полярки», за ним разорвались третий, четвертый, пятый... Дом загорелся. От качающихся языков пламени становилось все светлее.

Теперь с моря стреляло уже два орудия. Одна пушка била по дому, другая — по залегшим среди камней морякам.

— А где же Пэля? — тревожилась Русова.

Гулкие орудийные выстрелы сжимали воздух. Совсем рядом с ней вскидывались разла-

пистые взрывы снарядов, поднимая снег вверх и смешивая его там с дымом. Пахло горелым порохом. С субмарин, с надувных резиновых лодок веерами летели трассирующие пули. Марии Ивановне показалось, что ночь прострочена пунктирами огоньков.

— Пэля! — крикнула она. — Пээ-ля-а-а!

Русова прислушалась. И сквозь взрывы снарядов и сухой треск автоматов она уловила гул авиационных моторов. «Капитан Черевко!» — с радостью подумала Мария Ивановна и приподняла голову.

В это мгновение произошло неожиданное. С вышки в сторону залива полетели ракеты, оставляя за собой огненно-дымные хвосты. Белые, зеленые, красные, желтые... «Так вот где Пэля! — изумилась Русова. — Так вот зачем он остался на вышке!»

Ракеты превратили ночь в день, и германские подводные лодки стали видны морякам, как на ладони. Их мокрые корпуса зловеще поблескивали, будто жирные тела странных морских животных. К одной из субмарин суматошно гребли фашисты запоздалой шлюпки, в воде барахталось несколько гитлеровцев с шлюпки, потопленной Русовой и моряками.

Разноцветные ракеты сменяли одна другую, не позволяя темноте хотя бы на секунду

прикрыть пиратов. Мария Ивановна, забыв о своей тревоге за судьбу мальчика, шептала:

— Пэля!.. Молодец мальчик!.. Умница!..

Она увидела, как самолет капитана Черевко оказался над ближней к берегу подводной лодкой. От гидроплана отделился черный цилиндр глубинной бомбы. Взрыв вывернул разлохмаченную глыбу поседевшей воды, накрыл ею корму субмарины. Оглушительный и раскатистый гром взрыва встряхнул даже берег, земля задрожала. И сразу же гидроплан сбросил вторую бомбу. Она взорвалась между подводными лодками и, видимо, не причинила им особого вреда, потому что дальняя субмарина, дав ход, начала погружаться в воду. Старший лейтенант прикусила губы. Потом Мария Ивановна встрепенулась, вскочила на ноги, будто подброшенная пружиной.

— Уйдут, гады!.. Бей фашистов!

Вместе с матросами, стреляя по мостикам подводных лодок, Русова бежала вниз, к морю. Вот уже на поверхности воды виднеется только рубка одной полузатопленной субмарины. Вторая, дальняя, уже скрылась в пучине, только пена кружится на месте ее погружения.

На берегу становилось все светлее от разгоравшегося пламени. Русова бегом напра-

вилась к пылавшему дому. Ее сердце сжималось от предчувствия беды — с вышки ракеты уже не вылетали. «Неужели с Пэлей произошло несчастье? Ах, только бы жив и здоров остался, не обгорел бы в этом адском пламени...»

Едва Мария Ивановна завернула за угол дома, как прямо на нее набежала собачья упряжка. Увидев человека, псы скользнули в сторону и остановились. С нарт соскочил Пэля и кинулся к своей учительнице. Он заметно прихрамывал.

— Почему хромаешь? — еще больше встревожилась Русова. — Повредил ногу?

— В радиорубке огонь бо-ольсой был... А я и прыгнул с выски. Пройдет, Марья Вановна... Ань-дорова-те! Снег — друг мягкий...

Подхватив Пэлю на руки, не замечая его тяжести и протеста, Мария Ивановна повернулась лицом к морю. Над заливчиком рассыпался фейерверк осветительной бомбы, сброшенной с самолета. А вслед за ним у борта гитлеровской субмарины взметнулся новый гигантский столб воды. Это капитан Черевко атаковал лодку еще одной глубинной бомбой.

Фашистская субмарина не двигалась. Она лежала на мелководье, только верх ее рубки маячил над морем, а над ней высился штырь

медной мачты с короткой крестовиной. В отблесках пожара она походила на могильный крест.

— Волку — волсья смерть!

Пэля пальцем показал на фашистский корабль и впервые за последние дни весело и счастливо рассмеялся.

«А вторая лодка скрылась!» — с горечью подумала Русова, глядя в черную пропасть морской дали. И вдруг из ее груди вырвался восторженный крик:

— Наши!.. На-аши корабли идут!..

От горизонта на воду лег гигантский огненный меч прожектора, он будто пополам разрубил ночь и осветил берег. Пэля вооружился матросским автоматом и палил из него вверх, расписывая темень спиралями сверкающих пуль.

К мысу Эс подходили корабли, посланные командиром базы.

20. РАЗГАДКА ОДНОГО НАМЕРЕНИЯ

Через день все «аргонавты» и Пэля находились уже в штабе островной базы.

— Рассказывайте обо всем подробно! — попросил капитан первого ранга Хатангин. — Как и что там происходило?

Эта просьба относилась к капитану Черевко и старшему лейтенанту Русовой.

Летчик кивнул головой Марии Ивановне. Русова приняла его предложение и по порядку рассказала обо всем случившемся на «Полярке» мыса Эс. Когда она уже заканчивала свой доклад, вмешался капитан Черевко.

— Разрешите доложить, товарищ капитан первого ранга! Половину успеха за уничтожение подлодки мой экипаж отдает Пэле. Верно! Он здорово помог мне ракетами при выходе в первую атаку. А эта атака, по существу, оказалась самой удачной...

Хатангин мягко провел ладонью по голове юнги, сидевшего рядом с ним, у стола.

— Очень удачно подошли и наши корабли, — продолжала Русова. — Ну что бы мы стали делать с лодкой, имея при себе автоматы да пистолеты? А фашисты, как потом мы выяснили, и не думали сдаваться. Они выбросили на поверхность, вернее, подняли, «шноркель» — устройство для подачи свежего воздуха внутрь корабля, и принялись устранять повреждения в последнем отсеке... Прошу обратить внимание на «шноркель» — это у них новинка на подлодках, таких еще не было. Возможно, что эти лодки помимо основных боевых задач еще и экспериментировали плавание с таким хитроумным устройством. Тогда

потери фашистов можно считать гораздо большими...

Хитрость фашистов разгадали моряки «Большого охотника». В общем, наши моряки заткнули им эту отдушину. Это подействовало на пиратов отрезвляюще. Фашистский корабль всплыл с белой тряпкой: сдаемся. Потом матросы высадились на борт гитлеровской лодки, арестовали ее команду и перевезли на тральщик. Последним рейсом со шлюпки были высажены живыми и невредимыми Итаев и Ковский. Оба были сильно измучены и голодны. Кстати, оба отказались лететь с нами на Большую землю, на базу. Они сразу начали из запасной аппаратуры снаряжать новую радиостанцию в домике-бане.

— Правильно поступили! — одобрил Хатангин решение радистов. — Пост остается жить и воевать...

— А что касается метеоролога Корнея Семеновича Аркова, то он погиб как герой. Когда мы открыли огонь по подводным лодкам, он находился на одной из надувных шлюпок. Заметив в руках фашиста железный ящик, Арков дернул его и, увлекая за собой тяжелый ящик вместе с гитлеровцем, прыгнул в воду. Своей смертью он не дал гитлеровцам вывезти секретные документы и воспользоваться ими против нас...

Наступило длительное молчание.

— Вы на лодке были? — первым нарушил тишину Хатангин.

— Да! Однако все корабельные документы были уже уничтожены.

— Жаль! Допрашивали командира субмарины?

— Нет! Он и офицер гестапо перестреляли друг друга... Лодку поднял на поверхность его помощник... Я попыталась было у офицеров лодки выяснить, куда, вернее, каким путем они намеревались бежать дальше. Сведения получены самые разноречивые и порождают у меня серьезные сомнения...

— Конкретно! — Хатангин взял со стола карандаш и потянулся к карте Арктики. — Слушаю вас, Мария Ивановна!

— Одни утверждали, что не были в курсе замыслов командира. Другие упоминали архипелаг Мона. Третьи называли уединенный в высоких широтах Арктики остров. Там якобы они предполагали устроить засаду для встречи наших ледоколов и каравана судов.

— Подлецы! — не выдержал Андрей Петрович. — В своих расчетах они мало ошиблись.

— ...Лично мне кажется, что после нанесения удара по нашему каравану судов фашисты собирались удирать из Карского моря. Ле-

довая обстановка сложилась не в их пользу. Возвращаясь домой, мы видели, что кромка льда быстро дрейфует к материку... Только вот каким путем уцелевшая подлодка сможет ускользнуть на запад?

— Вопрос резонный! — капитан первого ранга отвернулся от карты и окинул Русову благодарным взглядом. — Обратите внимание... — Он опять повернулся к карте, синим карандашом обвел острова Новой Земли и Вайгач. — При идеальных условиях есть три пути входа и выхода из Карского моря. Первый — Карские Ворота. Второй — пролив Маточкин Шар. И путь севернее мыса Желания... А теперь соображайте сами...

— Пользуясь методом исключения, — Мария Ивановна приняла товарищеский вызов Хатангина, — мы можем установить следующее. Севернее мыса Желания подводной лодке теперь не пройти: там сплошной лед до самого полюса. Субмарине нельзя будет всплыть для зарядки аккумуляторных батарей... Маточкин Шар плотно забит тяжелым льдом до дна; до будущего лета он для плавания закрыт... Карские Ворота!.. Вот куда сейчас бежит фашистская подводная лодка!.. Согласны?

— Логично! Туда же направятся наши суда и ледоколы...

— Що ж, товарищ капитан первого ранга!

Разрешите мне подготовиться к вылету в тот район?

— Не торопитесь, Николай Тарасович! Сейчас вам там делать нечего. Карские Ворота и подступы к ним надежно охраняются нашими эсминцами.

Снова наступило молчание.

— А может фашистам помочь жидкий грунт? — внезапно поинтересовалась Русова.

— Если он где-то там есть, то непременно. При опасности могут на нем отлежаться.

— Вот именно, товарищ капитан первого ранга! — вскочила Русова со стула, на котором до сих пор сидела. — Где-то там такой грунт есть!

— Постойте-постойте! — Хатангин наморщил лоб, припоминая что-то известное только ему. — Жидкий грунт постоянно не держится на одном месте. Но его повторные появления допустимы и возможны. Помню! Разок я там застревал. Еще до войны... Как я мог забыть об этом!..

Хатангин подумал еще, а потом быстро вскинул глаза на Русову.

— Но откуда о жидком грунте знаете вы, Мария Ивановна?

Женщина показала на Пэлю.

— Он же — юнга с «Пурги». А это суд-

но в том районе моря обнаружило жидкий грунт...

— Пэля! Расскажи мне все, что ты знаешь об этой находке?

И юнга рассказал взрослым о походе гидрографического корабля «Пурга» в высокие широты Арктики. Он сам видел, как капитан удивленно посматривал то на карту, то на прибор, регистрирующий глубину под килем судна. На ней была обозначена глубина гораздо большая, чем оказалась на самом деле. И только после еще нескольких промеров моря капитан уверенно произнес: «Под нами жидкий грунт». Это произошло незадолго до встречи с двумя фашистскими подводными лодками, которые потопили «Пургу».

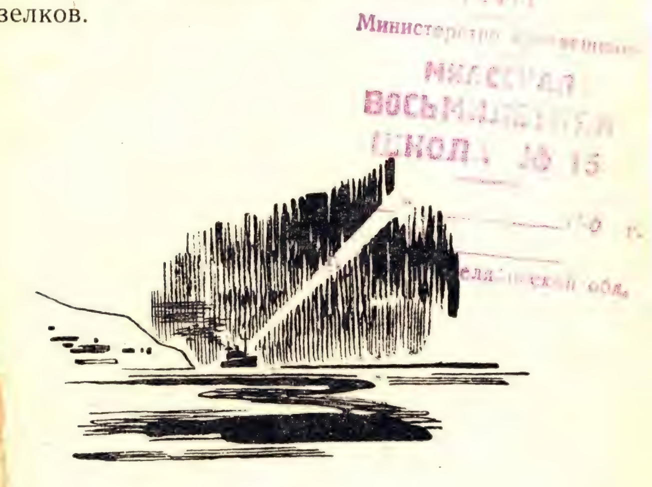
Командир базы вскоре отпустил капитана Черевко, старшего лейтенанта Русову, Пэлю и других, что до этого находились в его кабинете. Когда за ними закрылась дверь, он стремительно приблизился к карте и карандашом нанес на ней кружочек.

В ту ночь в штаб Северного флота — в Полярное—с островной базы поступило шифрованное донесение. В нем Андрей Петрович Хатангин докладывал командующему о разговоре с Пэлей и о завершении операции на мысе Эс.

Спустя полчаса это донесение уже из флот-

ского штаба было передано на эскадренные миноносцы, патрулирующие у Карских Ворот, и на корабли, идущие на базу от мыса Эс.

В ту же ночь старший лейтенант Русова навязала на семейный фал Ясовеев еще пять узелков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Петрухин Петр Афанасьевич

ЧП НА МЫСЕ ЭС

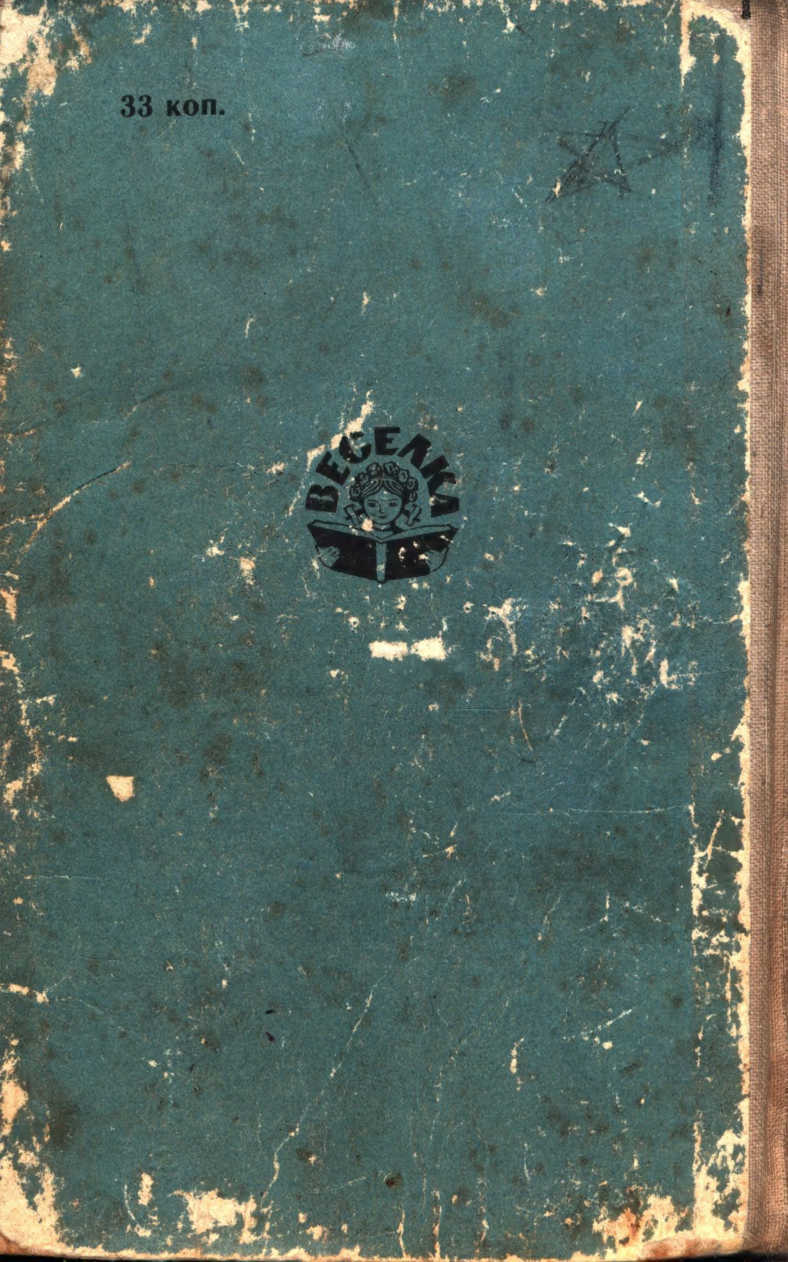
Повесть

Редактор В. М. Малец
Художественный редактор М. Г. Попович
Технический редактор Т. А. Ковалева
Корректоры Н. Ф. Швец, В. Л. Николенко

Сдано на производство 31/X 1964 г. Подписано к печати 31/X 1964 г. Формат 70×90 1/32. Физ. печ. лист. 7,875. Условн. печ. лист. 9,21. Учетн.-изд. лист. 7,57. БФ 00911. Тираж 115 000 (65 001 — 115 000). Зак. 4-188. Цена 33 коп.

Издательство «Веселка». Киев, Кирова, 34.
Типоофсетная фабрика Государственного комитета Совета Министров Украинской ССР по печати. Харьков, ул. Энгельса, 11.

33 коп.
ВЕСЕЛКА

П. ПЕТРУХИН
ЧП НА МЫСЕ ЭС